

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№3

2009

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2009

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Бийский педагогический государственный университет имени
В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), Н.Е. Меднис (Новосибирск), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

А.А. Чувакин

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

О.А. Ковалев – отв. секретарь по литературоведению
Н.В. Панченко – отв. секретарь по лингвистике
М.П. Чочкина – отв. секретарь по фольклористике

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н.В. Панченко. Целостность текста: текстовая реальность или утопия?.....	7
Ю.В. Трубникова. Вариативность в лексико-деривационной структуре текста	20
С.А. Рисинзон. Система этикетных действий семейного общения.....	29
Е.В. Осетрова. Анонимная новость в пространстве городского общения	37
С.В. Доронина. Средства выражения эпистемического общения и методологические основы лингвистической экспертизы	45
О.В. Марьяна. Расчлененные парцеллированные конструкции и их функции в современных художественных текстах рубежа XX–XXI веков.....	55
М.В. Артамонова. О месте категории парности в концептуальной системе русского человека	62
В.В. Трубицына. Фольклорные источники литературной песни в поэзии А.П. Сумарокова	73
Е.К. Созина. По следу Чижевского: философия Гегеля в культурном сознании России 1840-х годов	79
М.В. Ерохина. К вопросу об эссеизации журнальной литературной критики эпохи гласности	90
Н.М. Киндикова. Алтайская литература на рубеже веков (К проблеме преемственности поколений)	102

Научные сообщения

Т.А. Сенченко. Восприятие текстов изобразительного, информативного, генеритивного регистров: экспериментальное исследование	110
В.Ю. Кравцова. Экспериментальное исследование процесса вербализации неречевых сигналов носителями русского и китайского языков	120
А.В. Алексева. Прагматическая и коммуникативная специфика официальных документов: жанровый аспект обращений граждан (на материале региональных документов)	128

С.В. Тютина. Особенности использования фигур сокращения в испанских газетах	134
М.А. Провоторова. Механизмы порождения оценочных смыслов	140
О.А. Козлова. Градиентный характер ненормативности	147
А.К. Погребняк. Предикативная единица <i>Бог милостив</i> в русских поговорках.....	154
А.А. Бахаева. Исповедальная манера повествования и мотив покаяния в повестях Ф.М. Достоевского «Вечный Муж» и К.Н. Леонтьева «Исповедь мужа»	161
Н.А. Кунгурцева. Пространственно-бытийная структура образа Дома в раннем творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка	168
Е.В. Лазарева. Диалектика феминистского и антифеминистского типов нравственных ценностей (на материале романа Татьяны Москвиной «Смерть – это все мужчины»)	174
Т.И. Зайцева. Почерки новой эпохи: о повести удмуртского писателя Г. Красильникова «Остаюсь с тобой»	182
А.В. Побежимова. Микророман как эпический жанр	189

Проблемы филологического образования

А.А. Позднякова. Лингвистические дискуссии 20-х годов и школьная грамматика.....	196
---	-----

Филология: люди, факты, события

Н.В. Панченко. Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 года)	203
Резюме	206
Наши авторы	214

CONTENTS

Articles

N.V. Panchenko. Text Integrity: Text Reality or Utopia?	7
Y.V. Trubnikova. Variation in Text Derivational Structure	20
S.A. Risinzon. The System of Polite Speech Acts in Verbal Communication within the Family	29
E.V. Osetrova. Anonymous News in Urban Communication	37
S.V. Doronina. Epistemic Means of Communication in Linguistic Expert Examination	45
O.V. Maryina. Partitioned Parceled Constructions and Their Functions in Modern Fiction Created on the Border of XX–XXI Centuries	55
M.V. Artamonova. Binary Word-combinations Role in Conceptual System of Russians	62
V.V. Trubitsyna. Folklore Sources of Literature Song in the Poetry by A.P. Sumarokov	73
E.K. Sozina. Following Chizhevsky: Hegelianism in Russian Cultural Consciousness in the 1840s	79
M.V. Erohina. On the Issue of Esseism in Journal Literary Criticism During the Epoch of Glasnost	90
N.M. Kindikova. Altai Literature on Century Border (on the Problem of Generation Succession)	102

Scientific reports

T.A. Senchenko. Text Comprehension of Descriptive, Informative, Generative Register: Experimental Research	110
V.J. Kravtsova. Experimental Study of Verbalization of Non-Verbal Signals by the Chinese and Russian Native Speakers	120
A.V. Alekseeva. Pragmatic and Communicative Specification of Official Documents. Genre Aspects of the Forms of Address to the Citizens (on the Example of Regional Documents)	128
S.V. Tyutina. The Use of Acronyms and Abbreviations in Spanish Newspapers	134
M.A. Provotorova. Mechanisms to Produce Evaluative Meanings	140
O.A. Kozlova. Gradient Character of Deviations	147

A.K. Pogrebnyak. Predicative Unit God is Gracious in Russian Proverbs	154
A.A. Bakhaeva. The Confessional Manner of Narration and Motive of Repentance in Story «Perpetual Husband» by F.M. Dostoevsky and Story «A Husband’s Confession by» K.L. Leontyev	161
N.A. Kungurtseva. Spatial Being Structure of Home Image in Early Works by D.N. Mamin-Sibiryak	168
E.V. Lazareva. Dialectics of Feministic and Antifeministic Types of Moral Values (novel by T. Moskvina «Death is all Men»)	174
T.I. Zaitseva. New Epoch Manners: on the Story of Udmurt Writer G. Krasilnikov «I am Staying with You»	182
A.V. Pobezhimova. Micronovel: as Epic Genre	189

Problems of philological education

A.A. Pozdnyakova. Linguistic Discussions of 20-s. School Grammar	196
---	-----

Philology: people, facts, events

N.V. Panchenko. International scientific symposium «Slavic Languages and Cultures in Modern World» (Moscow, MSU by M.V. Lomonosov, Philological Faculty, 24–26 mart 2009)	203
Summary	206
Our authors	214

СТАТЬИ

ЦЕЛОСТНОСТЬ ТЕКСТА: ТЕКСТОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ УТОПИЯ?

Н.В. Панченко

Ключевые слова: целостность, композиция, изотопия, текст.
Keywords: integrity, composition, izotopia, text.

Вопрос о целостности текста, традиционный для теории текста, является наследием классической риторики, предьявлявшей требование единства текста, с одной стороны, и четкого разделения частей, с другой. Теория текста получила в наследство не только категорию целостности, но и противоречие в ее определении, также заложенное риторикой: с одной стороны, выдвигаемые требования единства речевого произведения, с другой стороны, четкого ограничения каждой из текстовых частей.

Следствием этого явилось то, что в лингвистике текста категория целостности начала рассматриваться в неразрывном единстве с категорией членимости текста и вопрос о единице текста стал подменяться вопросом о единице членимости текста (ср: «Изучение единиц членения текста как особой системы перспективно в том случае, если эти единицы характеризуются не только протяженностью, но и особыми свойствами, которые нельзя свести к простой сумме входящих в них элементов ...» [Тураева, 2009, с. 10]; «Целостный текст состоит из множества элементов, отрезков текста, которые хотя и входят в общую смысловую и формальную структуру текста, а следовательно, между собой связаны, но в то же время представляют собой некоторые относительно законченные или во всяком случае ограниченные друг от друга отрезки повествования или описания» [Реферовская, 2007, с. 39]).

Поиск критериев единства текста актуален до сих пор, особо он активизировался и вызвал новую волну споров в связи со способами организации современных художественных текстов, называемыми ризопоподобными, цейтонными, мозаичными и пр.

Целостность всегда провозглашалась лингвистикой, а затем и теорией текста как базовое свойство текста, его категориальный признак (И.В. Арнольд, Н.С. Болотнова, Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, Е.А. Гончарова, К.А. Долинин, В.В. Красных, В.А. Лукин, О.И. Москальская, Л.Н. Мурзин, Е.А. Реферовская, З.Я. Тураева, К.А. Филиппов, В.Е. Чернявская и др.), и этот признак, как правило, определялся как обязательный и регулярный для всех текстов, создаваемых на некотором языке.

По мнению К.А. Филиппова, целостность (или цельность) «предполагает внутреннюю законченность, смысловое единство текста» [Филиппов, 2007, с. 141]. З.Я. Тураева определяет текст как «некое сложное единство <...> объединенное коммуникативной целостностью, смысловой завершенностью, логической, грамматической и семантической связями» [Тураева, 2009, с. 8]. Определение Н.С. Валгиной также нацеливает на фиксацию признака целостности как базового для текста: текст есть информационное и структурное целое, для компонентов которого характерна дифференциация функций [Валгина, 2003, с. 45]. Такие определения во многом ставят под вопрос текстовый статус большинства современных текстов в силу недифференцированности функций компонентов и не нацеленности функций на формирование целостности.

Справедливо сомнение А.А. Леонтьева в возможности сугубо лингвистическими методами (в узком смысле слова) исследовать целостность текста [Леонтьев, 1979]. Действительно, собственно системно-структурная лингвистика не обладает инструментарием описания текста, в противовес ей коммуникативно ориентированное исследование природы текста позволяет не только поставить иначе вопрос о категории целостности, но и адекватно и по возможности непротиворечиво описать данную текстовую категорию.

Целостность – это такое свойство текста, которое предполагает наличие единства тематического, концептуального, модального, ситуативного; суть его состоит в семантической неаддитивности (текст как целое всегда больше суммы его элементов). По мнению Е.А. Гончаровой и И.П. Шишкиной, последовательность предложений может превратиться в текст, если наличествует цельность (целост-

ность). Но сама по себе целостность – понятие относительное и ситуативно обусловленное¹ [Гончарова, Шишкина, 2005].

С позиции говорящего целостность конкретизируется в понятии замысла (мотива, интенции), который существует до готового текста и затем воплощается в нем, претерпевая изменения в процессе этого воплощения. В готовом тексте замысел трансформируется в тему и идею текста. Целостность текста заключается прежде всего в единстве темы, обеспечиваемом тождеством референции – наличие актуализированных текстовых единиц с одним и тем же предметом изображения – и явлением импликации, основанном на ситуативных связях – наличие одних отображаемых предметов предполагает наличие и других, ситуативно с ними связанных. Концептуальное единство обеспечивается телеологически, ситуативное создается единством говорящего и воспринимающего субъекта, модальное – жанром текста. Е.А. Гончарова и И.П. Шишкина, ссылаясь на Р.-А. Богранда и В. Дресслера², утверждают, что только проникновение в сущность композиции текста позволяет рассмотреть последний как целостное образование: «Цельность, когерентность текста немыслима без информационно-тематического единства всех его структурных составляющих, создающих особую *композицию текста* (выделено нами. – Н.П.), в которой переплетаются и взаимодействуют между собой в отношениях “органичной соразмерности” элементы нового и уже известного, предвидимого и неожиданного» [Гончарова, Шишкина, 2005, с. 16]; «Только попытка глубокого проникновения в *композицию текста* (выделено нами. – Н.П.), ее проекция на “фикциональную действительность”, существующую в воображении поэта и в наших собственных представлениях, поиск тематических аналогий (указатели на которые есть в тексте) могут привести нас как читателей к пониманию глубинного смысла текста как уникального, образного по своей сути речемыслительного произведения» [Гончарова, Шишкина, 2005, с. 14]³.

Таким образом, обращение к описанию целостности как категориальному свойству текста, приведенные рассуждения свидетельствуют о том, что целостность текста как направленность на создание текстового единства по различным параметрам является не абсолютным текстовым свойством, а относительным. Его относительный характер

¹ «Ситуативность, соотнесенность с ситуацией, конкретной или абстрактной, реальной или воображаемой, – непременное условие цельности текста» [Мурзин, 1991].

² Beaugrande R.-A. de, Dressler W.U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer, 1981. S. 10 ff.

³ См. также об этом: [Ковалев, 2009].

обусловлен ситуацией, актуализирующей текст, конкретным дискурсом и может быть выявлен только в рамках одного из возможных вариантов композиционного построения в процессе порождения / восприятия текста (или акта означивания [Эко, 2004]).

Ф. Растье, поставив вопрос о том, что происходит, когда мы читаем текст, откуда у нас возникает ощущение его единства – вопрос о презумпции целостности текста, – пытается построить теорию, «которая сможет не только определить эти единицы (единицы, которыми оперирует читатель – *Н.П.*), но и систематически описать их отношения» [Растье, 2001, с. 11]. Его семантическая теория направлена на то, чтобы подойти с единых семантических позиций к морфеме, высказыванию и тексту, и даже к риторическим тропам и фигурам.

Целостность отдельного текста создается посредством организации изотопий в пределах его композиционного построения. Под изотопией здесь понимается создание отношений семантического тождества между элементами текста по какому-то признаку, что приводит к возникновению композиционных эквивалентностей. По Ф. Растье, в основе изотопии лежат серийные отношения тождества между семами; другими словами, создаются ряды эквивалентностей по одному признаку, уравнивая тем самым все элементы текста.

Создаваемые изотопии могут иметь проспективный, ретроспективный, то есть однонаправленный вектор композиционной организации текста; и разнонаправленный вектор в том случае, когда изотопный признак расположен не в крайних позиция текста (начало и конец текста, его название).

Ф. Растье указывает на необходимость *установления* эквивалентности, что осуществляется через применение разного рода стратегий: «... возможными здесь могут стать разные стратегии выделения; разные читатели приходят к разным результатам по причине различия энциклопедических знаний. Во всех случаях описание изотопии зависит от интерпретирующей компетенции» [Растье, 2001, с. 13]. Именно презумпция целостности текста, поиск целого организующего начала в тексте позволяет строить цепочки эквивалентностей: «... если следовать <...> от текста к элементам, то тогда она предстает в качестве основного регулирующего фактора. Не рекуррентность изначально заданных сем образует изотопию, а наоборот – презумпция изотопии позволяет актуализировать некоторые, даже вполне конкретные семы» [Растье, 2001, с. 13]. Организация смысла (вычленение, конструирование и интерпретация) зависит от применяемой стратегии.

Ф. Растье утверждает, что «вопреки распространенному определению изотопии как фактора гомогенности приходится отстаивать ее *гетерогенность*» [Растье, 2001, с. 14]. Гомо- и гетерогенность создаваемой изотопии обусловлена вариативностью и множественностью композиционного построения текста. Гомогенность изотопии реализуется в пределах одного композиционного варианта, а гетерогенность вызвана, с одной стороны, наличием множества изотопий в пределах одного текста, а с другой стороны, – разнообразием способов и средств актуализации того или иного смысла. На уровне текста необходимо говорить о полиизотопии («в узком смысле – свойство языковой последовательности с несколькими родовыми изотопиями, изотопные семы которых находятся в отношениях несовместимости; в широком смысле – свойство последовательности с более чем одной изотопией» [Растье, 2001, с. 364]), а его дискурсивной актуализации присуща моноизотопия.

Гетерогенность изотопии создается благодаря собственным и приводящим признакам актуализатора (по Растье, «ингерентные» и «афферентные» семы), присутствующим в ряде эквивалентностей. В основе гетерогенности изотопии лежит неоднородность актуализатора композиционного построения, структура которого организуется вокруг предикативного признака актантными расширителями и трансформациями актуализатора (его предикативного или актантных признаков) посредством ряда операций. Гетерогенность обусловлена также различными языковыми средствами, оформляющими композиционные единицы, а также собственно многообразием самих композиционных единиц текста¹.

Современные литературные тексты характеризуются множеством прочтений и дискурсивных актуализаций. Как правило, эта множественность связывается с разнообразием читательской компетенции, с различным восприятием текста читателями, обусловленным как социальными, гендерными, этнокультурными, так и индивидуальными факторами. Однако возможность неодинаково «прочитать» текст, актуализировать в нем тот или другой смысл предопределяется также особен-

¹ Многочисленные работы, посвященные описанию единиц текста – сложных синтаксических целых, сверхфразовых единств и др. – как гомогенных образований, безусловно, способствовали продвижению синтаксиса высказывания, формированию такой отдельной области лингвистики текста, как синтаксис текста, но никак не решили вопрос о собственно текстовых единицах и не помогли определению категории целостности как текстовой, а также выявлению ее взаимоотношений с другими текстовыми категориями, в частности с членимостью и связностью (см. об этом подробнее: [Панченко, 2007a]).

ностями его композиционного замысла и воплощения, то есть объективно заложена в самой природе текста. В процессе письма / чтения (в бартовском понимании этого процесса) возможна актуализация одного из вариантов текста (как результата-интерпретации – дискурса) посредством четырех типов единиц – внешних / внутренних, парных / множественных (подробнее об этом см.: [Панченко, 2007б]).

Понятие полиизотопии строится не на иерархии смыслов, то есть не на сведении всего к одной родовой изотопии, а на том, что «вместо теории двух *a priori* иерархичных изотопий требуется теория множества *a priori* неиерархичных изотопий» [Растье, 2001, с. 15].

Процесс письма / чтения предполагает не только построение изотопии, но и оценку ее допустимости: «В этой связи требуется построить чисто семантические критерии, позволяющие отклонить отдельные прочтения и тем самым опровергнуть постмодернистский тезис, согласно которому всякий оправдывающий свое название текст допускает бесчисленное множество возможных прочтений» [Растье, 2001, с. 14]. Чтобы та или иная изотопия имела право на существование, изотопный признак должен не только присутствовать в предикативном компоненте актуализатора, но и регулярно повторяться в других элементах текста и обладать способностью трансформировать их (как в про-, так и в ретроспективном направлении) в отношении данного изотопного признака.

Каждой изотопии соответствует своя композиционная структура – композиционный вариант. Именно изотопный анализ обуславливает анализ композиционный.

На текст также воздействует и лингвистический контекст – ситуация, взаиморасположение коммуникантов, тип контекста и др., поскольку текст принципиально «отражает взаимодействие разнородных систем» [Растье, 2001, с. 17], что необходимо учитывать при построении изотопий.

Обратимся к композиционной организации рассказа Л. Улицкой «Второе лицо», которой присуща полиизотопия. Рассмотрим несколько таких изотопных конструкций, структурирующих различные композиционные варианты текста.

Каждый композиционный вариант создается посредством конструирования ряда эквивалентных элементов, эквивалентность которых устанавливается по одному семантическому признаку, являющемуся основным в данной изотопии. Особенностью построения изотопии текста данного рассказа является то, что основной признак, организующий изотопию ‘второе лицо’, потенциально содержит в себе сра-

зу несколько возможных способов развертывания композиции текста: 1) 'второй во властной иерархии'; 2) 'маска, другое лицо'; 3) 'собеседник, ты слушающий'; 4) 'истинное лицо'; 6) 'второй в очереди на наследство'; 7) 'вторая половина'.

Изотопия 'второй в очереди на наследство' задана уже в первом абзаце рассказа: «... наследники его были в высшей степени никчемными <...> Прямых наследников, собственно говоря, не было – все второе, третьего порядка, седьмая вода на киселе. И все ждали...». Сопутствующими признаками в данной изотопии являются следующие: 1) градуированная никчемность; 2) количественно-порядковый номер; 3) состояние ожидания. Данная изотопия имеет перспективный вектор развертывания. Композиционный вариант реализуется на протяжении всего текста, составляя главную интригу рассказа – кто же станет вторым лицом, главным непрямым наследником. По очереди каждый из возможных наследников примеряет на себя это второе лицо, пробуетеся на роль (отсюда некоторая театральная, даже киношная постановочность – как будто проходят пробы).

В направлении актанта признаков трансформируются прочие элементы текста: все гости, которые собрались на восьмидесятилетие, оцениваются с этих трех позиций: насколько они никчемны, их место в очереди на наследство и уровень их ожиданий.

Особенностью построения данной изотопии является количественная характеристика, сопровождающая актанта и предикативный признаки. При этом квантитативный актанта второго порядка или ниже: «все второго, третьего порядка, седьмая вода на киселе»; «пара нужных людей и родственники. Третьего порядка...»; «поссорились они по этой же причине сразу же, как только начали обсуждение, кто же из их идет второй. Почему-то каждой из сестер хотелось пропустить другую впереди себя...»; «два месяца полных ушло на бумажные дела. Пришлось подключать еще одного банковского мальчика»; «Получилось, однако, по-третьему: не так, и не так...» и др.

Ничтожность наследников (возможных вторых лиц) также остается константным сопровождающим признаком в изотопии: «наследники ему попались, хоть не помирай...»; «А наследников толковых – нету, хотя народу – полный стол»; «Наследнички, ни в чем ни уха ни рыла...»; «а он слушал ее с удовольствием и понимал, что права она была, добываясь этой никчемной профессии. <...> Дело оказалось как раз по ней»; «Речь Козлика была вполне связной, и логика в ней присутствовала, только весь он вместе со своими собаками, как будто с Луны свалился» и др. Атрибутивный актанта 'никчемность наследников'

сопровождается компаративной характеристикой (*в высшей степени, вполне, одна другой уродливей* и др.).

В итоге наследниками стали собачки: *«Все свое имущество, движимое и недвижимое, он завещал своему племяннику Козлову Александру Ивановичу целево – на организацию и содержание собачьего приюта. <...> А что собачки не получили тех двенадцати предметов, которые в сейфе сохранились, оно не так страшно – им и так много досталось. Потому что в Сером Козлике Евгений Николаевич не ошибся».* Таким образом, казалось бы найденное второе лицо – наследник – Саша Козлов, Серый Козлик, тут же трансформируется в другое лицо – собачек, на которых было решено потратить все наследство, но и это «второе лицо» тут же отрицается: им не досталось главного наследства – коллекции, сокрытой и замурованной в сейфе. Операция отрицания является одной из основных, используемых при трансформации текстовых элементов в направлении предикативного признака ‘второе лицо’ и формировании соответствующей изотопии.

Следующая изотопия, задаваемая признаком ‘второе лицо’, – ‘второй во властной иерархии’ (‘быть вторым лицом’ – ср.: «второе лицо государства»; «второе лицо в партии»; «второй секретарь райкома» и пр. – институт вторых лиц был достаточно развит в советском государстве, где и прошла большая часть жизни героя рассказа). Данная изотопия непосредственно связана с характеристикой самого героя рассказа – Евгения Николаевича: *«Смолоду он был человеком свиты, но мелким в самом хвосте. <...> Работал в министерстве, но не долго, перевели в СМЕРШ, опять на должность незначительную, скорее писчую. Первый сильный карьерный шаг произошел, когда его привлекли к участию в Нюрнбергском процессе как самого молодого чиновника, и тогда открылась перед ним великая перспектива, почти уму не внятная, ошеломляющая. Другой бы попался на этом. Но не Евгений Николаевич. Он крепко задумался – и остановился. Не то что его личный опыт, а как будто каждая клетка мозга и крови вопила – остановись! И он отступил на шаг, пропустил впереди себя одного умницу, потому что вроде как обнаружилась сердечная болезнь – кстати. И стал он вторым лицом. Как мудро это было! Все первые лица, все до единого, сгорели синим пламенем, кто на чем, по большей части и ни на чем, а он, со своей второй ролью, отсиделся, и пронесло».* Особенностью данной изотопии является ее оппозитивный характер: Евгений Николаевич является одновременно «вторым лицом» и «первым». Он сидит во главе стола, к нему идут на поклон, после него желают получить наследство практически все окружающие. С одной

стороны, ему нередко предлагают «первые» роли, от которых он отказывается, с другой стороны, сам берет на себя роль главы (ср.: *«не раз, не два, и не сосчитаю, сколько – проснусь среди ночи, и вдруг как огнем озарит: или в больницу залечь, или сделать опережающее движение, или даже – демобилизоваться. И такое было...»* / *«Место Евгения Николаевича было во главе стола, а за остальными пятнадцатью кувертами, павловских полукреслах и на гостинном диване со скалочками, сидели, своими неразумными задницами не оиущая художества безукоризненной мебели, безмозглые претенденты на его искусство»*).

Валера тоже является вторым человеком во власти, только уже после Евгения Николаевича, всегда находится в тени, даже во время похорон только советы раздавал, да стоял в сторонке – он тоже человек свиты. Да и все родственники – своего рода свита Евгения Николаевича. Данная изотопия строится на развертывании, иерархизации свиты. Каждый из персонажей имеет собственную свиту – тех, кто сопровождает, служит статистами, маячит на заднем плане: племянницы, розовая и голубая, – четырех дочерей; сын брата, Славик, – жену; сестра из Киева – дочь и зятя; Машура – Антона, а затем и неродившегося ребенка; внучатый племянник, Серенький Козлик, – собачек и пр. Такая глобализация свиты приводит к растворению и утрате первых лиц: человек свиты оказывается сам организующим свиту и так далее. Нет абсолютно первых лиц (они все по разным причинам исчезли), остались только вторые лица.

Следующая изотопия организуется предикативным признаком ‘второе лицо = маска’ и обратной конвертируемой конструкцией ‘второе лицо = истинное лицо’. Именно истинное лицо каждого персонажа рассказа, его намерения и пытается разглядеть Евгений Николаевич в своих родственниках и знакомых. Задается данная изотопия в первом текстовом эпизоде (подготовка к юбилею Евгения Николаевича), но уже достаточно удаленно от абсолютного начала текста: *«... друг его Иван (по паспорту Абдурахман) Мурадович – не то парс, не то перс, похож на индуса, родом откуда-то из Средней Азии»*; профессия у Ивана – хирург по интимной мужской части, но врач презирует своих больных: *«Он презирал своих больных, теряющих мужскую силу к пятидесяти»*. Профессия Евгения Николаевича – прокурор, но главный интерес в его жизни – собирательство: *«Это собирательство, случайно начавшееся у Евгения Николаевича в давние военные, а особенно в послевоенные времена, сделалось с годами настоящей профессией, прокурорская же работа превратилась в почетную завесу, но не вполне декоративную: чем далее, тем более вкладывал прокурор*

неконвертируемых советских денег в конвертируемые ценности». Утверждение настоящего лица и маски (второго лица) тут же отрицается и переворачивается, так что становится вовсе не понятно, где лицо истинное, а где маска, какое из лиц настоящее, а какое второе. Наличием двух лиц характеризуются и прочие персонажи рассказа, все их поведение может быть трансформировано в направлении данного признака: мена настоящего и ложного лица. Смена лиц происходит так быстро, что ни читатель, ни сами герои не успевают осознать процесс смены лица. У всех из них было второе лицо, которое они хотели спрятать, но это им не удавалось, тайные мысли о наследстве прикрывались маской заботы о старом человеке. Только Машура и Серенький Козлик не имели второго лица, поэтому-то им и досталось именно то наследство, которого они желали и заслужили. Впрочем, у Машуры было второе лицо, но в отличие от остальных, лица, которые угадывались в Машурином, это были лица любимых Евгением Николаевичем людей – его жены и бабушки Машуры Эммы (*«маленькая эта жучка посмотрела на него Эмочкиными серо-зелеными глазами, подняла левую бровь, как бабушка, бывало, делала»*) и матери Машуры – Люськи (*«И у Люськи такой же непреклонный характер. И похожи на Эмму, и совсем другие, черт их дер!»*).

Еще одна изотопия, заданная ‘вторым лицом’, – ‘две половинки’. Все родственники образуют пары, первое предложение текста актуализирует семантику двух равных половинок, на которые разбилась тарелка (*«Пирожковая тарелочка, верхняя в стопе, соскользнула и, чмокнув о спинку стула, мягко упала на ковер двумя почти равными половинками»*), все гости приходят не по одному (*«Двоюродному брату Славе велел приходить без жены для семейного разговора. Но жена его одного не отпустила»*; *«Потом приехала двоюродная сестра из Киева. <...> Приехала с дочкой»*; *«Вокруг многодетной частоколом стояли четыре хмурые девицы. Присутствовал и брат двоюродный с женой, и шурин, и все племянники. Лена титерская приехала с мужем»*), или очень страдают от того, что их разлучили (как сестры в розовом и голубом); только Саша Козлик не имеет пары.

Изотопия ‘второе лицо, собеседник, слушающий, ты’ вступает в синонимичные отношения с изотопными конструкциями ‘второй в очереди на наследство’ и ‘собеседование, застолье’. В направлении этих признаков трансформируются все элементы текста: предполагаемых наследников Евгений Николаевич вызывает на собеседование, рассматривает их за столом, каждый получает собственную характеристику не только с позиции их манеры вести разговор, но и манеры есть,

сидеть за столом, располагаться относительно главы стола и друг друга.

Кроме полиизотопной конструкции, образуемой предикатом ‘второе лицо’, в композиции рассказа усматривается еще ряд изотопий, где базовым признаком является другой актуализатор. Например, другой род искусства – кино. Данная изотопия сопровождается актантами, состоящими из прецедентных имен (Элизабет Тейлор: *«Ей и шестидесяти еще не было, выглядела великолепно. Элизабет Тейлор, на треть уменьшенная»*); Кадочников: *«Сам Евгений Николаевич в молодые годы был красавец – с актером Кадочниковым одно лицо. Теперь-то не помнит никто, а раньше девки на улице за ним бегали, автографы просили. Он давал: “Кадочников” – писал большими твердыми буквами»*); театральными терминами – роль, спектакль; прецедентными ситуациями – пробы, на которые были вызваны все потенциальные наследники и утверждение / неутверждение их главным режиссером. В соответствии с этим изотопным признаком рассматриваются все встречи Евгения Николаевича со своими родственниками: постановочность и игра в «спектакле на двоих» с Леной, неискренность поведения родственников, игровое поведение самого Евгения Николаевича.

Или изотопия, образуемая признаком ‘время’. Сам Евгений Николаевич собирает часы, с часами связан отъезд дочки Эммы – Люськи, часы оказались замурованы в стену и никому не достались, Евгений Николаевич постоянно рассуждает о времени (ощущает улучшение времен, борется с временем (старением организма), считает, что времени у него предостаточно (дед до ста лет прожил), в доме его окружают предметы других времен – старинная посуда, мебель).

Изотопия ‘лица’ реализуется через развертывание в тексте галереи лиц родственников и знакомых, которые собираются за столом у Евгения Николаевича, на юбилеи и похороны; альбомы, которые собрала перед смертью его жена; фотографии самого Евгения Николаевича, стоящего на заднем плане у Вышинского и пр. Евгений Николаевич даже рассматривал возможность передачи своей коллекции государству: *«... висит, скажем, неплохой Поленов или любимый синерозовый Кустодиев, а под ним подпись: “Дар Русскому музею от Е.Н. Кирикова”*». Особенностью данной изотопии является то, что чаще всего лица подменяются другими частями тела, которые как бы замещают лицо (*«Женя-Арахис <...> с растопыренными пальцами»*; *«Лицом Ленка была не ахти, но шея – как у хорошей лошади, длинная, с изгибом»*; *«Покойной сестры две пожилые дочери, одна в розовом, ружая в голубом»* и др.). Поэтому Евгений Николаевич является органи-

затормозив довольно странной галерее, где лицо есть только у него самого и его жены Эммочки.

Поиск изотопных признаков, организующих композиционные варианты текста, может быть продолжен. Основным требованием к избираемому изотопному признаку является оценка его с точки зрения вероятности и возможности реализации в тексте, наличия текстовых единиц, актуализирующих и поддерживающих его. Все перечисленные изотопии потенциально способны организовать данный текст в единое целое, задать направление развертывания вектора композиционного построения и образовать целостный композиционный вариант в условиях дискурсивной актуализации текста.

Изотопия создается за счет предикативного признака, носящего абсолютный или оппозитивный характер. Абсолютный характер имеют предикативные признаки: 'второе лицо' 'второй в очереди на наследство' 'вторая половина' 'собеседник, ты, слушающий', 'лица', 'кинопробы' и др. Вариативность и подвижность изотопной конструкции придает смена актантных расширителей (кто является наследником, квантитативный и компаративный признаки, заместители лица и др.). Это обуславливает, с одной стороны, динамичность композиционной структуры, с другой, позволяет сохранить целостность в пределах одного композиционного варианта, и не превышать предела изотопичности.

Оппозитивный характер предикативного признака, образующего изотопию композиционной организации текста, поддерживает единство композиционного варианта за счет константных актантных признаков. Например, композиционный вариант, организованный признаком 'застолье'. При сохранении актантных расширителей (потенциальные наследники Евгения Николаевича) изменяется ситуация застолья, трансформируясь в галерею лиц и личин (масок). Или оппозитивный композиционный вариант 'маска / истинное лицо' при сохранении субъектного актанта происходит перманентная мена предикативного признака.

Вопрос о тексте как целостном образовании всегда был связан с жестким ограничением текста: «... *полученная* информация представляет собой известное обеднение того несметного количества возможностей выбора, которым характеризовался *источник* до того, как выбор осуществился и сформировалось сообщение» (курсив автора. – Н.П.) [Эко, 2004, с. 54]. Выбор того или иного элемента текста, актуализирующего тот или иной вариант равновероятен. Следовательно, каждый элемент текста обладает равновероятной возможностью создавать це-

почки эквивалентностей или входить в них, участвуя в создании изотопий. Это порождает энтропию системы текста: «... *энтропия некоторой системы – это состояние равновероятности, к которому стремятся ее элементы*» (курсив автора. – Н.П.) [Эко, 2004, с. 54].

Чем выше энтропийность системы, тем большее число изотопий может быть организовано. В этом смысле тексты классической литературы обладают низкой энтропийностью, а тексты литературы современной – высокой. Актуализатор ограничивает комбинационные возможности текстовых элементов и число самих элементов, участвующих в создании изотопии. Предикативный признак в составе актуализатора задает систему вероятностей. Говорить же о целостности текста как признаке абсолютном неправомерно, поскольку любой текст, являющийся собой систему, обладает многообразными и равновероятностными возможностями построения *семантически* гомогенных конструкций, находящихся друг с другом в отношениях взаимопересечения / непересечения. Следовательно, *текстовая* реальность требует перевести вопрос о целостности из плоскости единства текста вообще в плоскость единства дискурсивного варианта текста.

Литература

- Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003.
 Гончарова Е.А., Шишкина И.П. Интерпретация текста. Немецкий язык. М., 2005.
 Ковалев О.А. Заметки о фикциональности в рассказах В.М. Шукшина. Филология и человек. 2009. № 2.
 Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М., 1979.
 Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
 Панченко Н.В. От единиц текста к единицам композиции. Филология и человек. 2007а. № 1.
 Панченко Н.В. Состав единиц композиции текста (на материале русской прозы конца XX – начала XXI века) // Сибирский филологический журнал. 2007б. № 4.
 Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород, 2001.
 Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. М., 2007.
 Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика. М., 2009.
 Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб., 2007.
 Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.

ВАРИАТИВНОСТЬ В ЛЕКСИКО-ДЕРИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

(на материале эксперимента)

Ю.В. Трубникова

Ключевые слова: деривация, структура, текст, вторичный текст, трансформация.

Keywords: derivation, structure, text, secondary text, transformation.

Для вторичных текстов характерна множественность и принципиальная бесконечность возможных трансформаций, поскольку текст, свернутый при восприятии, при понимании и воспроизведении может быть развернут в разные текстовые формы. Это и обуславливает расхождения первичного и вторичного текстов, а также различия нескольких вторичных текстов. Тем не менее конечное множество лексико-деривационной организации текста [Трубникова, 2006] должно соответствовать некоему конечному же множеству возможных формально-семантических вариаций. Более того, можно определить зависимость изменений во вторичной единице от деривационных особенностей исходной. Данное положение было подтверждено нами экспериментально.

Экспериментальный материал представлял собой контексты из современной газетной публицистики с актуализированными формально-семантическими связями (далее – ФСС) между **детерминантом** (D) – первой, детерминирующей единицей, и **детерминатами** (Dn), единицами детерминированными. Условия отбора материала определили два требования: контекст должен а) представлять собой естественное речевое произведение, б) жестко задавать условия реализации ФСС его частей и входящих в него единиц; то есть использованные контексты могут рассматриваться как отдельные мини-тексты с четко заданной лексико-деривационной структурой.

Материал предлагался студентам 2–3 курсов негуманитарных специальностей вузов (взрослые носители языка со сложившейся языковой способностью и средним уровнем языковой компетенции). Перед испытуемыми были поставлены четкие задачи: 1) найти в контекстах повтор слов или корней (термин *повтор* использовался как наиболее общий и понятный аудитории); 2) оценить его как стилистически оправданный или ошибочный; 3) изменить предложение, уstra-

нив повтор. Важным условием являлась активная роль каждого испытуемого, который выступает одновременно как реципиент и как субъект речи. В результате полученные измененные варианты могут рассматриваться в качестве полноценных вторичных текстов. Важна также намеренная фиксация внимания испытуемых на повторе, поскольку доказано, что ФСС лексических единиц актуализируются в большей степени именно у воспринимающего, таким образом, в ходе нашего эксперимента намеренно актуализированные при восприятии текста ФСС «работали» и при порождении речи.

Результаты эксперимента

1. *Каждое толкование – это скорее попытка оживить, сделать более осязательным для читателя творчество столь известного, но и столь же неизвестного прозаика.*

Всего информантов – 192, количество замен – 76 (40%).

Варианты замен: *известного, ...незнакомо* (51), *известного, ...непонятого* (12), *известного, ...неизученного* (10), *известного, ...непознанного* (1), *известного, ...неведомого* (1), *известного, ...незагаданного* (1).

Контекст содержит эпидигматический лексико-деривационный ряд (далее – ЛДР) с противительными отношениями. Все исправления контекста – синонимические замены второго компонента ряда.

2. *Каждая из входящих в этот блок сил преследует здесь свою выгоду: правительству, естественно, выгодно иметь такую поддержку, Жириновскому выгодно демонстрировать свою респектабельность.*

Всего информантов – 192, количество замен – 19 (10%).

Варианты замен: *...выгоду: правительству выгодно иметь такую поддержку, Жириновскому – демонстрировать...*(15), *...выгоду: правительству необходимо., Жириновскому – ...* (3); *...выгоду: правительству важно .., Ж-му – ...* (1).

Контекст содержит семантико-синтаксический ЛДР с отношениями конкретизации между D и D_n и альтернативными отношениями между D_n. Основной вариант замен – сжатие D2, которое может сопровождаться синонимической заменой D1.

3. *Не удалась торжественность, удалось то, что принято называть обменом мнений.*

Всего информантов – 177, количество замен – 71 (40%).

Варианты замен: *не удалась .., (но, но все-таки, хотя) было...* (42), *не удалась., (но, хотя) состоялось...* (17), *не удалась., (но) получилось...* (12).

Контекст содержит ЛДР с противительными отношениями. Изменения – синонимические замены D1. Интересно, что испытуемые дополняют контекст квалификаторами синтаксических отношений (чаще противительных), исходно неясных.

4. *Это ваш выбор, могли вложить деньги правильно, могли неправильно.*

Всего информантов – 192, количество замен – 84 (44%).

Варианты замен: *могли... правильно, могли ошибиться* (45), *могли... правильно, могли нет* (32), *могли... правильно или нет* (4), *могли... правильно или ошибиться* (3).

Контекст, как и предыдущий, тоже содержит ЛДР с противительными отношениями, дополняющий альтернативный ряд *могли* (1–2). Изменения этого контекста по большей части направлены на замену второго члена антонимичной пары *правильно – неправильно*, причем здесь мы наблюдаем замену единиц внутри семантического поля; только небольшая часть испытуемых принимает во внимание и устраняет повтор модального глагола.

5. *Им объявили, что присутствовать на банкете **необязательно, обязательно** только платить.*

Всего информантов – 177, количество замен – 83 (47%).

Варианты замен: *необязательно, нужно* (21), *необязательно, необходимо* (18), *необязательно, надо* (17), *необязательно, главное* (15), *необязательно, следует* (9), *можно не присутствовать, нужно только платить* (2), *присутствовать желательно, а платить обязательно* (1).

В данном случае существование в языке большого количества синонимов определяет и наличие разнообразных вариантов, причем изменения контекста связаны с заменой как D1, так и D противительного ряда (в редких случаях заменяются даже оба компонента), в отличие от предыдущего контекста, где замене подвергается только D1. Заметим, что изменение D повлекло за собой введение квалификатора синтаксического отношения.

6. *Кувалдин в своем романе вторгается на чужую и чуждую территорию.*

Всего информантов – 192, количество замен – 72 (37%).

Варианты замен: *на чужую территорию* (30), *на чуждую территорию* (19), *на чужую и незнакомую территорию* (12), *на неизвестную территорию* (11).

ЛДР в этом контексте реализует отношения градации. Основной тип изменений – сжатие и уменьшение объема информации. Немного-

численные замены D1 связаны, вероятно, с недостаточной языковой компетенцией: неверным пониманием общего смысла предложения или невозможностью выразить его иными, чем исходно, средствами.

7. *Лучшие наши демократы представляют ту меру свобод, которую они **допускают** и которую готовы **отпустить** народу.*

Всего информантов – 177, количество замен – 78 (44%).

Варианты замен: *допускают и готовы дать* (22), *допускают и готовы отдать* (21), *допускают и готовы предоставить* (18), *допускают и готовы передать* (17).

Основной тип изменений ЛДР с отношениями градации – синонимические замены второго компонента ряда.

8. *Я, например, в интеллектуальной и художественной областях человек **нетерпимый** и **терпимым** быть не собираюсь.*

Всего информантов – 192, количество замен – 71 (37%).

Варианты: *нетерпимый и другим быть не собираюсь* (36), *нетерпимый и меняться не собираюсь* (23), *нетерпимый и сдержанным быть не собираюсь* (10), *нетерпимый и добреньким быть не собираюсь* (1), *нетерпимый и лицемерить не собираюсь* (1).

Основной тип изменений ЛДР с отношениями градации – замена второго компонента ряда внутри семантического поля.

9. *Сирия **задолжала** России около 11 млрд. долларов. До сих пор **долги** оставались главным раздражителем в отношениях между Дамаском и Москвой.*

Всего информантов – 177, количество замен – 14 (8%).

Варианты замен: *задолжала... это оставалось...* (9) *задолжала... это было...* (2), *задолжала... эти деньги...* (2), *задолжала... невозвращенные кредиты...* (1).

Все изменения касаются второго компонента ряда, часть их – замены внутри семантического поля, основной же их тип – дейктические замены.

10. *Не смотри **дареному** коню в **зубы**: ну сам посуди, будь у него во рту хотя бы один **зуб**, кто бы тебе его **подарил**.*

Всего информантов – 177, количество замен – 15 (8%).

Варианты замен: *дареному... его отдал* (8), *дареному... его дал* (5), *дареному... его показал* (2).

Данный контекст содержит два ЛДР: эпидигматический ряд с отношениями тождества *дареный–подарил* и семантико-синтаксический ряд *зубы–зуб* с отношениями конкретизации. Все изменения, синонимические замены D1, связаны с первым из этих рядов, в котором обыгрывается внутренняя форма фразеологизма.

11. *Пародия* – самый несвободный из жанров, так как намертво прикована к тому, что **пародирует**.

Всего информантов – 192, количество замен – 18 (9%).

Варианты замен: *пародия.., что изображает* (5), *пародия.., что высмеивает* (5), *пародия.., что показывает* (3), *пародия.., что смешно* (3), *пародия.., что плохо* (1), *пародия.., что нелепо* (1).

Основной тип изменений – замена D1 синонимом или словом одного семантического поля, часть изменений связана с заменой его оценочным компонентом.

12. *Я потому и начал писать статью, что уходит память. Уходят люди, которые помнили эти события.*

Всего информантов – 177, количество замен – 81 (46%).

Варианты замен: *память.., видели* (24), *память.., знали* (21), *память.., участвовали в событиях* (21), *память.., наблюдали* (15).

В данном случае ЛДР с альтернативными отношениями включен в контекст с отношениями пояснения и конкретизации, это определяет единственный тип изменений – замену внутри семантического поля второго компонента ряда *память–помнили*, а ряд *уходит–уходят* остается без изменений.

13. *Можно выразить возмущение наглым тоном заметки, напомнить о Герострате или о том варварском короле, который следовал наказу разрушить то, что построили другие, ибо не мог строить выше.*

Всего информантов – 177, количество замен – 14 (8%).

Варианты замен: *построили... не мог сделать выше* (8), *построили... не мог создать выше* (3), *построили... не мог выше* (1), *построили... не мог забраться выше* (1), *построили... не мог возвыситься* (1).

В данном контексте ЛДР с альтернативными отношениями формируется предикатами, это объясняет иной по сравнению с предыдущим контекстом основной тип изменений – замена D1 внутри семантического поля.

14. *Один герой помер. Другой возвращается из воспоминаний в постылый дом к постылой жене.*

Всего информантов – 192, количество замен – 76 (40%).

Варианты замен: *в постылый дом к нелюбимой жене* (25), *в постылый дом к ненавистной жене* (21), *в постылый дом к жене* (17), *домой к постылой жене* (13).

ЛДР этого контекста реализует синтаксические отношения конкретизации, а не альтернативы. Именно поэтому «изъять» один из членов ряда затруднительно, ряд воспринимается как прагматичный, сле-

довательно, мы имеем гораздо меньшее количество измененных вариантов путем свертывания конструкции (свертыванию в этом случае примерно с одинаковой вероятностью могут подвергаться оба компонента ряда). Основной тип изменений контекста – синонимические замены D1.

15. *Некоторые уверены, что современность можно **игнорировать**. Это заблуждение: **игнорировать** нельзя ничего.*

Всего информантов – 192, количество замен – 79 (41%).

Варианты замен: *игнорировать... не обращать на нее внимания нельзя* (42), *... можно игнорировать. Это заблуждение* (37).

В данном контексте отношения тождества между членами ЛДР сопровождаются противительными отношениями между синтаксическими единицами. Среди измененных контекстов почти равное количество синонимической замены D1 и свертывания конструкции за счет второй части предложения.

16. *Коль ты **стреляешь**, то знай, зачем **стреляешь**.*

Всего информантов – 177, количество замен – 90 (51%).

Варианты: *...стреляешь, то знай зачем* (69), *стреляешь..., зачем это делаешь* (21).

Основная часть замен в данном случае направлена на свертывание синтаксической конструкции. Большее количество таких замен по сравнению с предыдущим примером и больший процент измененных контекстов в целом объясняется разницей реализуемых синтаксических отношений между синтаксическими единицами: не противопоставление, но отношение обусловленности, при котором дублирование значения становится избыточным.

17. *Что-нибудь в этом роде будет **написано** всегда готовыми к услугам газетными **борзописцами**.*

Всего информантов – 192, количество замен – 77 (39%).

Варианты: *будет напечатано ...борзописцами* (37), *будет создано ...борзописцами* (23), *будет написано ... всегда готовыми к услугам журналистами* (16), *изобразят ... борзописцы* (1).

Основной тип изменений контекста – синонимические замены преимущественно детерминанта ряда, что отличает этот контекст от всех предшествующих. Большинство испытуемых сохраняют экспрессивное *борзописцы*, ощущая его нарочитость в данном контексте, и заменяют нейтральный D.

18. *Неужто же у наших **городских голов** своя **голова** на плечах отсутствует?*

Всего информантов – 177, количество замен – 81 (46%).

Варианты замен: *у городских властей ... голова на плечах* (27), *у городских начальников ... голова на плечах* (20), *у городской администрации ... голова на плечах* (13), *у городских голов ... своя на плечах отсутствует* (11), *городские головы не умеют думать (сами, самостоятельно и т.п.)* (10).

В данном контексте членами ряда являются устойчивые словосочетания, их столкновение определяет экспрессивность предложения. Это объясняет и большой процент замен по сравнению с предыдущим контекстом. Кроме того, это определяет характер замен, которые, в отличие от предыдущего контекста, не столь однонаправленны. Хотя основной тип изменений – синонимические замены D, почти четверть всех изменений касается D1: либо он свертывается, либо синонимической замене подвергается вся вторая часть предложения.

19. *Рукопись* была начисто **переписана** автором.

Всего информантов – 192, количество замен – 157 (82%).

Варианты замен: *работа была... переписана* (86), *книга...переписана* (42), *произведение... переписано* (27), *повесть... переписана* (1), *статья...переписана* (1).

Изменяя данный тавтологичный контекст, испытуемые ищут адекватную замену внутри семантического поля D существительному, причем на выбор слова, вероятно, оказывают влияние морфологические характеристики первоначального слова *рукопись*, поэтому появляются замены *повесть*, *статья*, но не *роман*, например; появление варианта *произведение* возможно ввиду его обобщенной семантики.

20. *Эту песню хотят послушать радиослушатели из Смоленска.*

Всего информантов – 177, количество замен – 147 (83%).

Варианты замен: *эту песню просили передать...*(69), *эту песню мы передаем для...*(42), *это песня для...*(22), *эту песню заказали...*(13), *эту песню хотят послушать радиолюбители...*(1).

И в этом тавтологичном контексте все изменения связаны с D, однако, в отличие от предыдущего примера, это предикат. Испытуемые заменяют всю синтаксическую конструкцию синонимическими, исключая дублирование корня. Объясняется это трудностью подбора синонимов к *радиослушатели* (вариант *радиолюбители*, обнаруженный только в одной анкете, не является адекватной заменой, так как изменяет семантику высказывания).

Описав отдельные трансформации исходных единиц, обнаруживаемые в единицах вторичных, перейдем теперь к анализу материалов эксперимента в целом. При рассмотрении общего количества замен,

которому подвергались в ходе эксперимента отдельные контексты с различными моделями организации ФСС, четко выделяются три основных группы: 1) контексты, количество изменений которых не превышает 10% (контексты с семантико-синтаксическими ЛДР); 2) контексты, количество изменений которых колеблется от 35 до 50% (эпидигматические ЛДР); 3) контексты с количеством изменений 70–85% (контексты с явной тавтологией, нарушенными лексической сочетаемостью или синтаксическими связями). На наш взгляд, это определяется разницей в восприятии различных моделей ФСС, обусловленной объективными различиями в их организации.

Кроме того, несомненной является и разница в организации речевой деятельности испытуемых при установке на актуализацию в их сознании ФСС слов. Статистический анализ данных показал, что в целом 3,5% испытуемых изменили все предложенные контексты, устранив любые ФСС означающих. Еще 17,5% изменили 70–80% предложенного материала. Таким образом, становится очевидно, что примерно для 20% испытуемых характерным оказался такой способ организации речевой деятельности, при котором практически все эпидигматические связи сознательно исключаются из текста, постоянно воспроизводится модель отрицательной формальной детерминации.

Около 15% испытуемых изменили всего 2–3 контекста (10–15% материала), еще 5% – 6–7, причем изменены были только контексты с эпидигматическими ЛДР, все остальные, включая тавтологические, остались неизменными. Отсюда следует, что опять-таки около 20% испытуемых не актуализируют в своей речевой деятельности формальную сторону языка и текста.

Рассмотрев общий характер изменений экспериментальных контекстов, можно установить различие в направлении изменений разных типов контекстов. Семантико-синтаксические ЛДР в целом воспринимаются как единый текстовый комплекс, детерминируемый своим D, поэтому испытуемые во всех подобных контекстах заменяют только D1. В контекстах с эпидигматическими ЛДР названный тип замены также является наиболее частотным, но на характер изменений начинают оказывать влияние синтаксическая структура и семантика контекста, особенности слов – членов ряда. Так, в эпидигматических ЛДР с градационными отношениями часто один член (чаще D1, но иногда и D) просто опускается, это становится возможным из-за идентичности синтаксической позиции членов ряда. Среди ЛДР с противительными отношениями наиболее частотны синонимические замены D1. Напро-

тив, в большинстве контекстов с тавтологией изменяется преимущественно D.

Рассматривая особенности изменений различных контекстов с ЛДР, нельзя не обратить внимание на то, что они обусловлены функциональными особенностями компонентов данных рядов. Члены ряда по-разному участвуют в формировании разных синтаксических отношений, например, реализуя альтернативные отношения, они выполняют только номинативную функцию, тогда как при отношениях градации прежде всего эпидигматическую и экспрессивную. Результаты эксперимента, на наш взгляд, полностью подтвердили гипотезу о функциональности формы лексических единиц в процессе создания текста.

В целом анализ результатов эксперимента позволяет говорить о достаточно жестких закономерностях взаимодействия первичного и вторичного текстов. Наши материалы доказывают, что характер и количество конкретных преобразований во вторичном контексте зависят от особенностей организации исходного и от протекающих в нем деривационных процессов. Различные типы формально-семантического взаимодействия, актуализируя формальное взаимодействие лексем, способствуют усилению эмоциональности текста, прагматически акцентируют внимание на определенном содержании. Таким образом, названные типы, формируя структуру текста и обуславливая наличие у текста в целом такого признака, как функциональность формы, определяют особенности деривационных связей первичной и вторичной единиц.

Материалы эксперимента доказывают, кроме того, что характер и количество конкретных преобразований определяют степень смыслового расхождения исходного и вторичного текстов, семантическое расстояние между ними. Таким образом, на основе соотношения структур исходного и вторичного текстов можно выделять разные типы преобразования текстов в общих терминах деривации, выделяя, в частности, процессы трансформации и мутации.

Литература

Трубникова Ю.В. К вопросу о компонентах лексико-деривационной структуры текста // Человек – коммуникация – текст. Вып. 7. Барнаул, 2006.

СИСТЕМА ЭТИКЕТНЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕМЕЙНОГО ОБЩЕНИЯ

С.А. Рисинзон

Ключевые слова: семейное общение, речевой этикет, прагматические детерминанты, конвенции.

Keywords: family verbal communication, politeness, pragmatic factors, conventions.

Речевой этикет (далее – РЭ) в институциональном и межличностном дружеском общении исследован подробно и разносторонне, однако в семейном общении этикетные действия партнеров коммуникации до сих пор остаются малоизученными. Изучению этой сферы коммуникации посвящены работы А.Н. Байкуловой, А.В. Занадворовой, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, Я.Т. Рытниковой, в них отмечены общие и частные проявления этикета. Большинство лингвистов, изучавших семейный РЭ, обращало внимание прежде всего на употребление этикетных формул, стереотипных ритуализованных единиц. Поскольку поток этикетной информации в речи практически непрерывен [Гольдин, 1983, с. 53], мы считаем речевые действия этикетными, если они способствуют гармонизации речевого взаимодействия коммуникантов, направлены на удовлетворение коммуникативных потребностей партнера, связанных с его социальной ролью и чувством собственного достоинства [Brown, Levinson, 1987, с. 61], соответствуют социокультурным и прагматическим конвенциям [Колтунова, 2005, с. 45]. Именно выявлению и анализу таких речевых действий, влиянию на их использование различных конвенций и прагматических детерминантов [Ратмайр, 2003, с. 43] посвящена эта статья.

РЭ представляет собой большой класс средств, различающихся по степени стандартизованности, стереотипности. Одни этикетные единицы кодифицированы в словарях и учебниках [Формановская, 2002; Балакай, 2001], они высоко конвенциональны, устойчивы, регулярно используются в определенных коммуникативных ситуациях и воспринимаются носителями национальной речевой культуры как индексы этих ситуаций. Мы будем называть такие этикетные средства **языковыми этикетными единицами**.

Другие этикетные средства употребляются носителями языка не так часто, нерегулярно, обычно они не стереотипны, их языковая форма не шаблонна. Но в каких-то коммуникативных ситуациях, жанрах

речи они могут быть обязательным этикетным действием (например, выражение расположения к удаленному адресату в политическом интервью [Рисинзон, 2009]) или могут манифестировать индивидуальные особенности речи говорящего. Данные средства не воспроизводятся как клише, а употребляются в речевых произведениях конкретного человека по отношению к определенному адресату, то есть в дискурсе [Русский язык и культура речи, 2008, с. 96], поэтому мы рассматриваем их как **дискурсные этикетные средства**.

Материал исследования составляют этикетные средства, использованные в семейных беседах в 80–90-х годах (*речь москвичей* – РМ [Китайгородская, Розанова, 1999]) и в начале XXI века (материал кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета и записи автора, которые мы по аналогии назвали *речь саратовцев* – РС), составляющие около 30 тысяч словоупотреблений. Мы допускаем, что социально-политические изменения в нашей стране за 15–20 лет (между записью РМ и РС) могли повлиять и, скорее всего, повлияли на семейное общение, но наша задача состоит в том, чтобы изучить этикетный код семейного дискурса, который, как мы думаем, сохранился вместе с русскими семейными традициями, ценностями, русской семейной культурой.

Результаты проведенного анализа позволяют считать основными дискурсивными факторами, влияющими на использование этикетных средств в данной коммуникативной ситуации: а) характер отношений коммуникантов, б) определенные социокультурные и прагматические конвенции в разных коммуникативных ситуациях и жанрах семейного общения, в) семейный статус и гендерные особенности речевого поведения коммуникантов, соответствующие традициям русской семейной речевой культуры, г) тему разговора.

Мы исходим из понимания семейного общения А.Н. Байкуловой [Байкулова, 2006, с. 8] как общения неофициального, обыденного, межличностного, адресованного не просто хорошо знакомым людям, а именно членам семьи, живущим вместе, которые в нашем материале разговаривают дома и на даче. Речь в такой коммуникации чаще всего не готовится специально, не планируется, не обдумывается (хотя могут быть и исключения, например выражение просьбы, ее аргументация). В связи с этим нам кажется не совсем точным говорить об этикетных тактиках семейного общения как речевых ходах, реализующих определенную стратегию речевого поведения. Если обобщить и несколько утрировать рассуждения о семейной жизни психологов, психолингвистов [Куницына и др., 2001], то можно сказать, что членов семьи объ-

единяет в той или иной мере забота друг о друге и общая хозяйственная деятельность. Этикетные действия обусловлены этими двумя семейными гиперстратегиями. Безусловно, общение в семье – это далеко не только выражение заботы, есть и недовольство, раздражение, диктат, и другие проявления конфликтного речевого поведения. Но наша задача состоит в изучении гармонизирующего речевого механизма, позволяющего семье функционировать подобно единому организму.

Повседневные бытовые дела, отношения с родственниками и знакомыми, вопросы, относящиеся к сфере личных интересов коммуникантов, обсуждаются в семье на основе широкой общей апперцепционной базы. Речевое поведение обусловлено постоянными социальными ролями матери, отца, жены, мужа и т.п., шаблонными семейными правами и обязанностями [Беликов, Крысин, 2001], коммуникативными ожиданиями, как характерными для русской семейной культуры, так и специфичными для каждой семьи [Байкулова, 2006].

По данным нашего анализа, в семейном общении преобладают этикетные средства, выполняющие конативную (ориентация на адресата) и фатическую (поддержание контакта) функции. Для многих знаков РЭ характерен синкретизм функций [Якобсон, 1975, с. 198], относящийся прежде всего к взаимопроникновению информативного и фатического начал [Винокур, 1993, с. 24]. В иерархическом соотношении функций этикетная роль высказывания может быть как доминирующей, так и вторичной.

Две указанные выше гиперстратегии семейной жизни обуславливают использование наиболее распространенных, по данным нашего материала, этикетных действий, гармонизирующих коммуникацию и, следовательно, отношения между членами семьи. Ниже мы приводим данные о частотности употребления этикетных средств, чтобы показать основные тенденции в этикетном коде семейного общения. За единицу подсчета принимаются содержащие этикетную информацию, тематически связанные инициативные или ответные реплики-высказывания в мини-диалогах и мини-полилогах с отношениями иллюкутивного вынуждения [Крейдлин, Баранов, 1992] в семейном общении. По нашим данным, этикетные функции выполняют речевые действия, имеющие следующее назначение:

1) проявление заботы о родных, участия, внимания к их потребностям, желаниям: А. *У тебя если ноги болят я могу полить*// *Скоро же вода*// – Б. *Нет поливать буду я/ а ты пиши методичку*// (РС) (215 подобных этикетных действий, или 26% от общего количества этикетных средств);

2) информирование, предупредительное уведомление членов семьи о своих намерениях, обмен информацией: А. *Ну ладно/ я пошла дальше работать//* (РС) (всего 211 – 26%);

3) выражение доброжелательности, проявление вежливости, поддержание контакта: А. (мужу) *Пойдешь (на улицу)/ мусор захвати **пожалста**//*(РМ) (всего 129 – 16%);

4) эмоциональная интеграция и гармонизация, установление психологического контакта: А. (шутливо) *Пап/ ты творческий работник? – Б.(поддерживает шутливую тональность) Оо...Глубоко творческий// – А. Глубоко творческий? – Б. Да// Лежу вот и думаю/ что бы сотворить//* (РС) (всего 126 – 15%);

5) согласование, координация действий: Д. *Выключить вилку что ли? Не надо?* (РС) (всего 74 – 9%);

6) соучастие, согласие, согласие-обещание, уступка, избегание несогласия: А. *Я думаю что все уже готово// – Б. Да-а/ это же **цуккини**// Они быстро//* (РМ) (всего 56 – 7%);

7) проявление интереса к сообщаемой адресатом информации: М. *Одна палатка солдатская и палатка офицерская стоит и все в поле вестимо// – Ж. **И как же вы?*** (РС) (всего 32 – 4%).

Думается, можно говорить о том, что в семейном общении сложилась система этикетных ожиданий, которая имеет внутрисемейную и этнокультурную специфику. Эти ожидания реализуются при использовании речевых средств, соответствующих социокультурным конвенциям гармонизации общения (функциональная разновидность этикетных действий 3 в приведенной выше классификации) и прагматическим конвенциям а) преимущественно семейного общения (разновидность 2), б) разделяемым семейным общением с другими сферами коммуникации, например дружеской (остальные разновидности: 1,4,5,6,7).

Соответствие речевого действия той или иной конвенции, видимо, влияет на роль этикетной функции (доминирование или вторичность) в иерархическом соотношении функций высказывания. Этикетная функция доминирует в высказываниях, выражающих доброжелательность и вежливость при приветствии, прощании, пожелании, одобрении и похвале, благодарности, извинении, приглашении, например: А. (муж) *Спасибо// Было очень вкусно// – Б. (дочь) Особенно рыбка// Давно не ели//* (РМ), и в коммуникативах, поддерживающих контакт: Б. *В основном/ я смотрю/ такие вот на подставках чайники// – А. Угу//* (РС). Однако в вежливо оформленных просьбах, которые мы включили в эту же группу, этикетная функция, на наш взгляд, вторична, так как

реплика направлена на удовлетворение потребности говорящего, использующего специальные речевые средства для снижения давления на адресата: А. (жена) *Ты мне массаж не сделаешь? Рука отваливает-ся!* (РМ).

Анализ функционирования этикетных средств первой группы позволяет предположить, что для них характерен синкретизм доминирующих функций. Говорящий проявляет заботу о домашних, предлагая им что-то на завтрак/обед: А. (сыну) *Алеш/есть будешь? Давай чайку//Или кофе!* (РС), или выражая беспокойство: *А – Ты утром таблетки выпил?* (РС), или давая совет: А. (мать и взрослый сын отдыхают в саду) *Ой/ Олег/ ты же в носках! Разуйся/пусть хоть ноги отдохнут!* (РМ) и др. Приведенные примеры, относящиеся к разным жанрам, содержат информацию, которая ориентирована на потребности и желания собеседника. То же самое можно сказать и о проявлении внимания к событиям личной жизни близких, к их привычкам, интересам, А. (дочь отцу) *Па-а-н/ «Коломбо» (телесериал) начинается! Будешь смотреть?* (РМ). Неравнодушное отношение, желание благополучия своим близким, которые при очень близкой дистанции общения в соответствии с конвенциями русского семейного общения, реализуясь вербально, сочетаются с выражением нужной информации.

В фатике общение ради общения часто располагает к шутке, эмоционально объединяющей собеседников, облегчающей разговор, солидаризирующей их в шутовском взгляде на обсуждаемую тему, настраивающей на одну эмоциональную волну: В. (сын шутовски) *А ты электриком я слышал устроилась?* – Л. (мать) *Да!* (смеется) – В. *Там костюмы дадут! Тебе своей одежды не хватает!* (РС). Поэтому мы считаем, что в речевых средствах, приводящих к эмоциональной интеграции, этикетная функция тоже доминирует.

Обмен информацией (преимущественно в фатическом общении), а также согласование действий, выражение согласия и даже проявление интереса к содержанию речи направлены прежде всего на сообщение или запрос фактуальной информации: А. (мать) *Хо-о-лодно!* – Б. (дочь) *Между прочим завтра/ будет теплее/ восемнадцать градусов!* (РС). Поскольку такие речевые действия выполняются в интересах собеседника, для них характерна и этикетная функция, но в таких высказываниях она вторична.

С соответствием той или иной конвенции связана и степень стандартизованности этикетных средств. Далеко не все речевые действия, даже с доминирующей этикетной функцией, имеют шаблонную форму (например, при выражении заботы об адресате или эмоциональ-

ной интеграции с ним). Говорящие используют стереотипные этикетные единицы в основном в ритуализованных коммуникативных ситуациях: при приветствии, прощании, благодарности, извинении, поддержании контакта, пожелании, например: А. (к жене Б) *Я ложусь// Спокойной ночи//* Б. *Ну давай//* (шутливо цитирует) *«Спи спокойно дорогой товарищ»//* (РМ). Хотя и в таких ситуациях, как мы видим из примера, адресанты иногда стремятся избежать шаблона, однако в данном случае не очень удачно. Стереотипным может быть не только конструкция, но и компонент высказывания (самый распространенный – *пожалуйста*) или форма высказывания (просьба в форме вопроса): А. *Валь/ ты мне не поможешь маленько?* (РМ).

Кроме того, стереотипный арсенал средств используется при выражении согласия (*хорошо, ладно, понятно, ясно* и т.п.): А. (муж) *Ты мне пуговицу не пришьешь/ на куртке?* – Б. *Хорошо/ вечером///* (РМ), несмотря на то, что этикетная функция для них вторична. Можно предположить, что это объясняется высокой частотностью выражения в речи согласия. В результате длительной речевой практики в языке закрепились небольшие по составу клише, удобные для частого, многократного восприятия.

В нашем материале разговоров в разных семьях можно отметить конструкции, стереотипные для одной семьи и даже для одного члена семьи. Например, в одной семье, как, возможно, и во многих других семьях, мать, в сферу обязанностей которой, видимо, входит приготовление еды для домашних, очень часто употребляет конструкцию вопроса с разным лексическим наполнением А. (сыну) *Вермишель будешь?*; А. (к О.) *Макароны будешь с сыром?*; А. (сыну) *Алеи/есть будешь?* (РС). В записях, сделанных в других семьях, предложение накормить чем-то в такой форме не встретилось.

Речевые средства, сообщающие какую-либо информацию, не стереотипны, а индивидуальны, они не воспроизводятся, а создаются для определенного адресата: Б. (сын матери) *У нас семнадцатого дискотека//* (РС), поэтому конструкции, информирующие членов семьи о чем-то важном, интересном, усиливающие эмоциональный контакт, ориентированные на согласование действий и проявление интереса к информации собеседника мы считаем дискурсными этикетными средствами. Следует отметить, что нестандартизированный характер дискурсных средств сочетается с вторичной этикетной функцией.

Указанные выше группы этикетных действий имеют свои прагматические детерминанты: говорящий, совершающий речевое действие в интересах члена(ов) семьи, адресат, чьи этикетные ожидания реализу-

ются, и определенная тематическая ситуация. Рассматривая характеристики говорящих, использующих те или иные этикетные средства, мы обратили внимание на гендерные предпочтения, которые, по нашему мнению, связаны с этнокультурными традициями семейной жизни и пониманием конвенционального коммуникативного поведения носителей разного семейного статуса, а также с особенностями мужской и женской речи. Во всех анализируемых дискурсах, за исключением одного (он не учитывался в расчетах) участниками коммуникации были и мужчины, и женщины. Изучение соотношения говорящих – женщин / мужчин, производящих этикетные действия, позволяет назвать некоторые из них преимущественно женскими или мужскими. Так, преимущественно женскими можно назвать этикетные средства:

- выражающие интерес к содержанию речи собеседника, регулярно поддерживающие речевой контакт – 100% от общего количества этикетных средств этой группы;
- выражающие заботу о потребностях близких – 88% (189);
- согласовывающие действия адресанта с другими членами семьи – 82% (59);
- содержащие согласие, уступку, избегание несогласия – 77% (43);
- выражающие вежливость, доброжелательность – 67% (87).

Мужчины же чаще всего сообщают женам, матерям, иногда дочерям какую-либо информацию, соответствующую их желаниям и коммуникативным потребностям – 80 % (168), а также проявляют чувство юмора, гармонизируют общение, усиливая психологический контакт – 64% (81).

Этикетное поведение зависит также от характера иерархических отношений с адресатом – горизонтальных или вертикальных. При общении супругов наиболее заметно различие редко употребляемых дискурсных этикетных средств: жена, по нашим данным, редко вербально выражает одобрение действиям мужа, а муж редко проявляет интерес к событиям в личной сфере жены. При общении родителей с детьми (в нашем материале в основном с взрослыми) наиболее распространены этикетные проявления заботы, интереса к их сообщениям и согласия с ними; дети чаще всего информируют о событиях своей жизни, согласовывают свои действия и вежливо выражают просьбу.

Выбор этикетных действий, выполняемых членами семьи, зависит и от тематических детерминантов, которые могут быть темами-ситуациями и дискурсивными темами [Китайгородская, Розанова, 1999, с. 254]. Гармонизирующие речевые действия часто сопровожда-

ют выполнение каких-либо семейных обязанностей, они имеют прагматическое значение настоящего времени данного момента. Большинство таких этикетных средств, по нашим данным, используется в мини-диалогах, вызванных темой-ситуацией: это относится к проявлениям заботы, внимания, выражению вежливости и доброжелательности, согласованию действий. Согласие с собеседником востребовано в ситуациях с разными темами приблизительно одинаково. В разговорах с дискурсивными темами, чаще всего посвященных событиям прошлого, этикетное поведение говорящих обычно предполагает проявление внимания, информирование собеседников и выражение интереса к их речи.

Таким образом, в соответствии с этнокультурными традициями семейной жизни, в русском семейном общении в целом и в каждой отдельной семье сложилась система ожидаемых этикетных действий, большая часть которых соответствует прагматическим конвенциям, не стандартизирована, выполняется преимущественно женщинами и тесно связана с внеязыковой ситуацией. Степень конвенциональности и ритуализованности таких этикетных средств в домашнем общении невысокая, а ритуализованные почти не встречаются.

Литература

- Байкулова А.Н. Речевое общение в семье : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
- Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001.
- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М., 2001.
- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 2007.
- Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983.
- Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи. М., 2008.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей. М., 1999.
- Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М., 2005.
- Крейдли Г.Е., Баранов А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2.
- Кунецкина В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб., 2001.
- Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003.
- Рисинзон С.А. Риторические приемы с использованием этикетных средств в русском и английском интервью // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2009.
- Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge. 1987.

АНОНИМНАЯ НОВОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДСКОГО ОБЩЕНИЯ

Е.В. Осетрова

Ключевые слова: городское общение, новость, модус, анонимная информация.

Keywords: urban communication, news, mode, anonymous information.

Содержательное пространство городского общения во многом определяется так называемой новостью, которая часто становится поводом для языкового контакта людей друг с другом. Наблюдения показывают, что модусная авторизационная рамка [Шмелева, 1995, с. 26–29] такой новости может быть трех типов. Первая является собственно **авторской**. Это тот случай, когда от говорящего субъекта исходит личная информация, а сам он является участником либо прямым наблюдателем некоторого, достойного внимания и описания, события. Соответствующий модусный «аккомпанемент» типично звучит как *Со мной по дороге на работу случай произошел...* или *Я сегодня такое видел!..* Второй тип назовем модусом¹ **нюс-мейкера**, имея в виду случаи, когда лицо, публикующее новость, пользуется чужой информацией, основанной, однако, на определенной источниковой базе: теле-, радиопрограмме, Интернет-ресурсе, рассказе конкретного человека; ср.: *По «Вестям» сказали, что...; Эти отморозки на «Рекламе-маме» (сайт красноярских рекламистов. – Е.О.) опять про выборы мнениями делятся... и Мне Маша из секретариата шепнула...* Наконец, третий тип модусной рамки оформляет **а н о н и м н о у**, или неавторизованную, информацию, которая, как и в предыдущем случае, является опосредованной, заимствованной для рассказа, но проигрывает ей по ли-

¹ Данный термин используется здесь в соответствии с традиционными представлениями о семантике высказывания, по которым оно обязательно включает не только объективное (исходящее от действительности), но и субъективное (исходящее от автора) начало, то есть «модус» [Балли, 1955, с. 44].

нии очевидности источника. Здесь он будет представлен адресату неопределенным или вообще неизвестным, маркированным разнообразными клише: *Мне в очереди одна женщина объяснила / подсказала...; Тут в газете какой-то прочитал...; Я на работе услышала, что...; Слухи опять ходят...; Рассказывают...* и т.д.

В центр дальнейших рассуждений выведем последний случай, поскольку русский человек часто предпочитает вводить новую информацию как раз в анонимном режиме. Причина этого кроется в том, что инициатор сообщения, избегая указания на конкретный источник, сохраняя его в тайне, может легко вывести его «из зоны ответственности за разглашение» и ту же ответственность снять с себя самого. Ответственность за **достоверное** сообщение, естественно, снимается автоматически.

Информация, которая попадает в устную речевую среду, оказывается анонимной еще и потому, что для типичного ее адресата – обывателя – важным и интересным является содержание, а не авторизованный субъект, имя которого, помимо прочего, трудно, с усилием удерживается в памяти, если человек заранее его не знал и не выделил:

А. *Вика, о колледже вашем так плохо **отзываются** в прессе!*

Б. *Да ты че?*

А. *Да.*

Б. *Кто?*

А. *Я читала **тут** статью в «Красноярском рабочем»...*

Б. *Ага.*

А. ***Не помню**, журналистка, **то ли** Винская, **то ли**... Ну не важно, в общем. **Не помню**. Но пишет, значит, о как бы преподавателях, об отношении к студентам не очень порядочном.*

(Речь Красноярска, 2003. Архив каф. русс. яз.¹).

Данный пример служит хорошим подтверждением высказанной идеи. Инициатор общения, размещающий в диалоге анонимную информацию², конечно, использует онимы, оформляя ее источник: лексемы «*Красноярский рабочий*» и *Винская* фиксируют единичную референцию. Однако в отдаленном и ближайшем контексте имена собственные окружены знаменательными и служебными словами с семан-

---

¹ Такое оформление имеют примеры, заимствованные из материалов диалектологической практики «Речь горожан» (проводилась в 1999–2006 годах кафедрой русского языка Красноярского государственного университета; руководитель – кандидат филологических наук Л.А. Киселева).

² Далее для обозначения этой коммуникативной роли будем использовать наименование «транслятор», точно отражающее, с нашей точки зрения, ее основную функцию.

тикой неопределенности (*отзываются; то ли ... то ли; тут* в значении 'недавно') и множественными прямыми показателями того, что точное авторство совершенно не актуально (*Не-е помню <...> Ну не важно, в общем. Не помню*).

Изложив видимые причины появления анонимной новости в живом диалоге, рассмотрим далее, как она входит в городскую среду, оформляясь в параметрах «место», «время», «участники» и «режим общения».

Что касается участников общения, они, в зависимости от обстоятельств, оказываются в отношении друг друга «своими» либо «чужими».

Очередные новости люди регулярно обсуждают в кругу семьи, в пространстве, которое М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, изучающие городскую речь Москвы, называют «Домом» [Китайгородская, Розанова, 1999, с. 25]. Можно даже говорить о выделенных локусах, где по преимуществу идет обмен подобного рода информацией – это локусы кухни или гостиной, и об уточненной временной координате – вечернее / послерабочее время. Анонимная новость во многом является здесь фатическим [Винокур, 2005] по целенаправленности текстом, предоставляя членам семьи новую интересную тему для общения, позволяя «своим» в процессе обсуждения демонстрировать по отношению друг к другу социальную и коммуникативную сопричастность [Храковский, Володин, 1986, с. 231; Kim, 2008, с. 62, 64].

Чуть реже в городской среде новость поступает к человеку от совершенно незнакомого ему субъекта, находящегося рядом по производному стечению обстоятельств. Типичные локусы в этом случае: общественный транспорт, магазин или рынок, поликлиника, депутатская приемная, городской праздник и т.п. – то, что М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова называют сферой «Вне дома» [Китайгородская, Розанова, 1999, с. 25–26]. Чужие друг другу люди на некоторое время оказываются физически связаны общим пространством, исполнением аналогичной временной роли (например, пациента, отдыхающего, пассажира или покупателя) и отсюда – принадлежностью к одному, по случаю создавшемуся коммуникативному коллективу. Если при этом возникают обстоятельства более или менее длительного ожидания, когда человек вынужден буквально бездействовать, это становится благодатной почвой для фатического по первоначальной установке общения, инициировать которое помогают и содержание которого формируют как раз анонимные новости. Их составляют в основном сюжеты об очередном повышении цен на продукты и

коммунальные услуги, отключении воды, погоде, выборах, то есть обо всем актуальном для данного коллектива, объединенного социальной (пенсионеры, инвалиды, студенты, «бюджетники»), административной (жители одного города, района, области), гражданской (граждане России) или национальной (русские, украинцы, татары) характеристикой.

Со стороны инициатора взаимодействия возможно двойное исполнение данной коммуникативной функции. Анонимная новость часто рассказывается приглушенным голосом и только своему ближайшему соседу, что приобретает очертания кулуарности и посвящения в некую закрытую тему. Иногда же проявляют себя «любители», что называется, публичного исполнения, и тогда новость сообщается открыто, громко, с явной установкой на включение в активное обсуждение или хотя бы пассивное осведомление как можно большего числа окружающих.

Существенный объем анонимной информации обращается также среди «своих», статус которых имеют коллеги по работе либо члены малой социальной группы, вошедшие в нее на основании некоего неформального интереса. Тексты публикуются в этом случае в известных местах и в «дежурное» время неформального общения: в курилке, в столовой и буфете, в офисе и коридоре, во время обеденного перерыва, в корпоративных локусах различного типа, в обстоятельствах совместного послерабочего отдыха. Новость может касаться того же, о чем беседуют между собой «чужие». Однако здесь возникает и специфический интерес: в рамке анонимности обсуждают темы, интересные именно для конкретной корпорации: если это, к примеру, рабочий коллектив, то в центре внимания новости, связанные с зарплатой, увольнениями, повышением / понижением в должности, личная жизнь членов группы, особенно начальников и «звезд». Например, разговор на пляже:

А.: И как там они (начальство. – Е.О.) поживают?

Б.: Да я думаю, все нормально у них.

*В.: А вы знаете, у меня есть сведения, что **Иванов собирается увольняться к осени! Он в Красноярске себе место подыскивает.***

Д.: Да-да, я об этом тоже слышала. Ему поэтому и до производства, до цеха нет дела.

(Речь Краснотуранска, июль 2005. Архив автора).

В целом, анонимная новость может быть размещена во внешнем, открытом поле общегородской коммуникации; тогда, учитывая известную дихотомию «свое – чужое», следует констатировать, что она распространяется от «чужого» к «чужому» и в «чужом» локусе. Не менее

часто та же новость обсуждается среди «своих» в границах «своего дома». Наконец, не исключен и третий, промежуточный, вариант обращения интересующих нас текстов – между видимо «своими» (друзьями, знакомыми, коллегами) в относительно закрытом и относительно «чужом» пространстве профессионально-корпоративной среды.

Рассмотрев обстоятельства опубликования анонимной новости, перейдем теперь к обсуждению режима ее речевого развертывания.

Определенных, жестко фиксированных сценариев введения и обсуждения этого специфического текстового материала не существует: слишком разнообразно и фактически безгранично его содержание и одновременно слишком велика – именно в данном случае – степень свободы от «установленного порядка изложения». Эта свобода, в свою очередь, берет исток в неформальном общении, которое составляет ситуация, и еще усиливается, как отмечалось выше, безответственностью ее участников в отношении к фактической стороне дела. Поэтому здесь нужно говорить не о коммуникативных сценариях, а, скорее, о возможных коммуникативных «ходах» [Иссерс, 2006, с. 114–118, 125]; они реализуются автономно либо в комплексе, составляют множество комбинаций, но, в конечном счете, полностью обеспечивают введение анонимного фрагмента в контекст живого диалога.

Новость может быть принципиально неизвестна адресату. В таком случае коммуникация сводится к ее пересказу, который сопровождается репликами притягивания / непритягивания, маркирующими персуазивность (*Да-да-да ...; Конечно; – Вранье!; Глупости!; Ерунда какая-то*) и эмоционально нагруженными высказываниями (*Да ты что!; Не может быть!; А я и не знал; Ничего себе!; Ну и что?*). Такое оперативное обсуждение заявленной темы, по сути, составляют два хода: **информирование** со стороны инициатора общения → **оценочно-персуазивная реакция** со стороны слушателя.

Другое положение дел мы имеем, когда с какой-либо актуальной информацией адресат предварительно уже знаком и она, преподнесенная в форме новости, оказывается для него вторичной. Здесь коммуникативная структура общения включает все то же первоначальное информирование, а затем → развитие образовавшегося сюжета. Если несколько участников коммуникации уверены в достоверности или просто эмоционально привержены именно своей новостной версии, обсуждение принимает характер дискуссии. На уровне семантики происходит как бы «столкновение модусов» и очередная реплика начинается с высказываний типа: – *А я слышал...* – *Нет, мне говори...* – *Вы ничего толком не знаете: мне мой знакомый все объяснил...*

– Да ну, у меня совсем другая информация... Причем в этом столкновении могут участвовать модусы всех трех перечисленных выше типов: автора, ньюс-мейкера и анонимный модус. Каждый из вступающих в диалог доказывает авторитетность личного источника, защищая собственную текстовую версию.

Когда беседующие настроены друг к другу нейтрально, они осуществляют «взаимоподдержку модусов», а новость обрастает подробностями и деталями в комфортном речевом режиме. Например, разговор двух подруг на кухне:

А.: **Ты слышала, там перед тем, как нам уезжать, было убийство?**

Б.: Мгм.

А.: **Ты слышала, да?** <...> **И вот его, директора, в общем, убили. Он ушел в гараж. Его сидит жена... Все нету, нету, нету, нету. Кошмар! Тоже пошла в гараж, а он там валяется! Сразу, вообще.**

Б.: Барковский – «Назаровское молоко»?

А.: Нет. Барковский – это «Назаровское молоко». А это – «Агатинская вода».

Б.: А-а! Это в Бору у нас?

А.: В Бору, ну-ну. **Вот ты не слышала по радио?**

Б.: **Слышала, называли... Вот этот, а потом еще следом один...**

А.: **Сперва Моисеева, а еще...**

Б.: **Про Моисеева я слышала.**

А.: **У Моисеева, короче, из дома утащили все. И у Хованских.**

Б.: **Да! Вот про Хованских я слышала <...> И вот слышала или про Хованских, или про этих, что повезли в Красноярск сына, наверно, вот как ты уехала в Красноярск. Ну и никто не знал, что они уехали. Знал только родственник, ну, что уехали. А родственник – наркоман. Вообще никто не знал, что они уезжают.**

(Речь Красноярска, 2000. Архив каф. русс. яз.).

Если инициатор общения и / или кто-то из участников не уверен в достоверности излагаемого содержания – как случается со ссылкой на анонимный непроверенный источник (часто на слухи), – то семантика маркеров персуазивности [Шмелева, 1995, с. 26–29] будет, скорее, промежуточным значением неуверенности: *Может, это какая-то левая информация...; Я, конечно, точно не знаю...; Разумеется, я не настаиваю...* При данных обстоятельствах дополнительно реализуется ход «**проверка достоверности**», когда заинтересованное лицо просит собеседника (потенциального эксперта) поделиться собственным представлением о ситуации, каузируя его фразами: *А ты ничего про это не*

слышал?..; Ты же в Интернете зависишь, что там про это пишут?; Вы же там ближе «к телу», должны знать...

Наблюдения за объектом заставляют выделить также коммуникативный ход «**проверка авторства**». Он реализуется, когда один из участников общения подозревает другого в точном знании, но сознательном сокрытии истинного происхождения информации. «Любопытный» может заставить «знающего» проговориться, используя для этого известные всем с детства вопросы из серии «*А тебе кто сказал-то?*» – и получить положительный ответ, состоящий в обнаружении искомого: *Татьяна Петровна, кто же еще!*

В общем, в границах последних трех ходов происходит содержательное приращение новости: к ее событийной основе дополняются какие-то обстоятельства, детали, участники, расставляются акценты в отношении причин и следствий происшедшего.

Другая проблема, которая становится важной при обсуждении анонимной новости – это ее маркирование, то есть те модусные показатели, которые выделяют ее из информационного потока городской информации и отделяют, скажем, от фрагментов с индивидуальной авторской принадлежностью.

Классифицируем эти маркеры-показатели, разделив на две принципиальные группы.

Во-первых, анонимная информация в действительности часто имеет совершенно конкретный источник, но, как мы уже говорили выше, говорящий, по соображениям этического характера, не разглашает его, «прикрывая» лексикой и клише с семантикой неопределенной референции – *Тут один человек поделился...; Мне на днях рассказали...; У меня есть надежный источник, вот он говорит...* Такую неопределенность источника транслятор заинтересован до некоторой степени уточнять, в частности, по параметрам времени (*вчера, сегодня, два дня назад*), места (*в деканате, во дворе, на работе, в нашей поликлинике, в клубе, на фирме*), причастности к говорящему (*моя знакомая, один мой друг, коллега по работе, поклонник*). В результате модусная часть высказывания зачастую выглядит как *Мне одна моя знакомая вчера на работе рассказала...*, что не снимает его анонимности, а, наоборот, подчеркивает установку автора на сохранение «секретности» источника. Модус речевых обстоятельств может не детализироваться вообще, однако, его референтная формула – ‘я знаю источник, но другим его знать не нужно’ и показатели достоверности будут и в этом случае эксплицировать ту же высокую степень внутреннего уверенного знания. Например, разговор на автобусной остановке:

А.: *А девятнадцатый точно здесь ходит? Что-то мы слишком долго стоим.*

Б.: *Точно, он идет мимо рынка, а потом поворачивает на Горького.*

А.: *Угу.*

Б.: *Он прямо до моего дома идет. Но вообще люди говорят: «Там, где мы обходились двадцатью рублями, теперь надо платить сорок».*

А.: *Да? ... Это после переделывания маршрутов. Вообще, какой смысл? На людей только наплевали.*

Б.: *У меня есть информация из одного такого источника! ... Ну, ты понимаешь?*

А.: *Такого, что ему можно доверять?*

Б.: *Вот именно, такого источника. Что все это просто передел рынка городского транспорта. В Красноярск пришли столичные и вытеснили местных, красноярские компании. Как уже произошло во многих городах.*

А.: *Ага.*

(Речь Красноярска, ноябрь 2008. Архив автора).

Во-вторых, субъект, передающий новость, может в действительности не знать источник информации, либо он изначально является для него непринципиальным. В этом случае будет использован, что называется, «слуховой» модус: *по слухам, (люди) говорят, рассказывают, кто-то в очереди сказал...*

В связи со всем сказанным закономерно встает вопрос: когда и при каких условиях анонимная новость преодолевает локальные рамки частного диалога и, разрывая их, модифицируясь в слух, входит в устный канал распространения массовой информации, начиная в нем интенсивно обращаться? Принципиальный ответ формулируется следующим образом: чтобы стать слухом, неавторизованная информация должна удовлетворять общему качеству актуальности, то есть являться важной и / или интересной для социального коллектива.

Литература

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 2005.
Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.
Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.

Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания : дисс. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. М., 1995.

Kim Igor E. Levy-Bruhl's concept of participation and the indirect use of relation nouns in the Russian language // Journal of Siberian Federal University: Humanities & Social Sciences. 2008. № 1.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

С.В. Доронина

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, эпистемическое модальное значение, фактуальное значение, субъективное значение, дискурсивные слова.

Keywords: linguistic expert examination, epistemic modal sense, fact meaning, subjective meaning, discourse words.

Одной из главных задач лингвистической экспертизы, нового направления прикладной лингвистики, является семиологический анализ текста с целью разграничения утверждений о фактах, соотносимых с объективной действительностью, и мнений, носящих субъективный характер.

В соответствии с законом, мнение может быть выражено свободно, утверждение же должно соответствовать действительности. На основании этого целью экспертного анализа является обнаружение в предложении фактуального компонента. Предложение, содержащее и сведение, и мнение, требует выделения объективной информации с целью ее последующей судебной верификации.

Определение языковых признаков так называемых «утверждений о факте» или «фактологических / фактуальных суждений» [Арутюнова, 1988; Падучева, 2004; Дмитриевская, 1988] до сих пор является неразрешенной проблемой лингвистики, осложняемой в нашем случае требованиями, предъявляемыми к данной операциональной единице со стороны юридической науки. Так, актуальная для лингвистики оппозиция «событие – факт» в рамках судебного речеведения оказывается незначимой, поскольку в рамках юрислингвистического подхода к

описанию семантики предложения категория процессуальности нейтрализуется. Напротив, на первый план выступает оппозиция «декриптивное – прагматическое значение».

Как прагматическая сущность, **утверждение** о факте противопоставлено открытому ряду иных прагматических значений (иллокутивных функций): предположениям, волеизъявлениям, побуждениям, этикетным высказываниям, различного рода комиссивам (обещания, клятвы, угрозы), вопросам и пр. Иллокутивные функции имеют широкий спектр средств выражения: знаки препинания, частицы, полужнаменательные, перформативные глаголы. Наличие этих средств выводит высказывание из сферы утверждений о фактах.

Как семантическая сущность утверждение о **факте** может быть охарактеризовано в рамках противоположения: **объективность – интерпретационность** [Апресян, 2006], где под интерпретационностью понимается наличие в семантике языковой единицы (слова или предложения) одного или нескольких из основных модальных значений: деонтического, аксиологического, эпистемического. Всякий раз интерпретационность / объективность высказывания проявляется в большей или меньшей степени. Однако очевидная для лингвиста диффузность значений языковых единиц вступает в противоречие с установками, диктуемыми юридической наукой, с позиций которой высказывание может либо сообщать сведение, либо выражать мнение субъекта. Такое положение дел требует создания специальных юрислингвистических параметров анализа семантики высказываний.

Для решения поставленных задач требуется разноаспектный анализ спорных контекстов. Прежде всего необходимо исследование **конструктивной формы предложения**. К утверждениям о фактах относятся лишь те грамматические конструкции, которые имеют форму индикатива настоящего или прошедшего времени (*Проворовался!*; *В арбитражном суде действуют серые кардиналы*). Остальные грамматические формы предложений выражают нефактуальную информацию. Предложения в индикативе настоящего или прошедшего времени требуют дальнейшего анализа, остальные формы – только в том случае, если предложение представляет собой полипропозитивный диктум. Сложное предложение на данном этапе требует анализа конструктивной формы каждой предикативной части.

Следующим этапом исследования является анализ **информативной структуры предложения**. Коммуникативный статус пропозиции зависит от типа предиката, в частности от степени интерпретационности его семантики. Ю.Д. Апресян называет интерпретативами «слова,

не обозначающие никакого конкретного действия или состояния, а служащие лишь для какой-то интерпретации другого, вполне конкретного действия или состояния» [Апресян, 2006, с. 145]. Полагаем, что семантическая категория интерпретативности формируется из модальных и оценочных компонентов плана содержания. Модальные смыслы являются принципиально непроверяемыми, поскольку представляют собой выражение отношения производителя речи к объективному содержанию высказывания. Оценочные семы не поддаются верификации по причине их неконкретности. Количественный (много – мало) или качественный (хорошо – плохо) признак в структуре значения хоть и предполагает существование представлений о норме в естественном языке (иначе все лексемы данной семантики были бы лишены смысла), однако эта норма не дискретна. Оценочные шкалы количества и качества имеют широчайшую зону вариативности. Именно поэтому присутствие того или иного оценочного компонента в структуре значения говорит не об объективных свойствах референта, а скорее об особенностях концептуальной системы индивида, высказывающего данное суждение [Вольф, 1985].

Ср.: Х., *превознося себя и свою роль в психиатрии*, (мешает получению врачами свежей информации). Словарное толкование слова «превозносить» – ‘давать оценку выше, чем следует’. Анализ семантики выделенного предиката выявляет в структуре значения лексемы два интерпретативных компонента: количественный (выше) и деонтический (следует). На этом основании лексему следует отнести к интерпретативным глаголам, а анализируемое выражение – к оценочным суждениям.

Наконец, на информационный статус высказывания влияет наличие в нем **слов с собственно модальным значением**. Разграничение фактуальных и нефактуальных высказываний требует первостепенного внимания к группе эпистемических модальных лексем. Непосредственным выразителем субъективной оценки истинности выступают лексемы полагания (*кажется, считаю, думаю, предполагаю*), незнания (*неизвестно, тайна, секрет, все равно*), сомнения и допущения (*сомневаюсь, не верится, еще не доказано, неправдоподобно, возможно, может быть*) [Арутюнова, 1988; Падучева, 2004]. Наличие этих слов в структуре высказывания значительно облегчает задачу интерпретатора, поскольку их семантика и функции в предложении очевидны. Более пристального внимания исследователя требуют лексемы с категорическим эпистемическим значением. Кроме того, возможность сложной комбинации модальных значений в структуре предложения ставит

проблему соотношения категории «истинности – ложности» с другими модусными смыслами высказывания.

Значение категорической достоверности ('правда, что P') традиционно имеет нулевой способ выражения. В естественном языке любое предложение типа *Идет снег* включает эпистемическое значение истинности. Поэтому наличие в языке богатого синонимического ряда *бесспорно, несомненно, безусловно, действительно, правда, ясно* и пр. объясняется тем, что лексемы данной лексико-семантической группы обогащены дополнительными коммуникативными смыслами, учет которых является важным для определения юрислингвистического статуса выражения. Существует мнение о том, что данная лексико-семантическая группа вообще неспособна маркировать объективную информацию: «Утверждение знания полностью исключает не только выражение неуверенности и указание на возможность ошибки, но и выражение уверенности. Выражение даже самой сильной уверенности никогда не может перейти в знание» [Дмитровская, 1988, с. 10]. В рамках данного ряда необходимо разграничить лексемы знания и мнения, высказанного с высокой долей уверенности. Однако данная прагматическая информация пока не находит должного лексикографического отображения.

Исследование некоторых слов, выражающих эпистемическое значение, находим в работе Е.С. Яковлевой [Яковлева, 1994]. Автор определяет разницу между лексемами категорической достоверности *бесспорно, естественно, конечно, настоящий, поистине, суций*, ссылаясь на известное противопоставление непосредственного знания и умозаключения, принадлежащее Б. Расселу: «Мы говорим, что знакомы с чем-либо, если нам это непосредственно известно – без посредства умозаключений и без какого бы то ни было знания суждений истины», а также: «Существование вещи, соответствующей описанию, выводится из существования других, знакомых мне вещей, с помощью некоторых общих принципов» (цит. по: [Яковлева, 1994, с. 199]). В проекции на оппозицию «сведение – мнение» объективными следует признать лишь суждения первого рода. Всякое умозаключение, прежде чем стать знанием, проходит этап верификации, соотнесения выводов с объективной реальностью. Поэтому информацию второго типа следует отнести к мнениям, пусть даже выраженным категорически.

На этом основании могут быть разграничены лексемы *несомненно, очевидно* и *действительно, правда, верно*. Первые представляют собой логический вывод из каких-либо положений, в котором говорящий уверен как в объективном знании. Например, в ТВ-шоу «Интуи-

ция», суть которого сводится к тому, чтобы игрок угадал род занятий неизвестных ему людей, встречаются следующие реплики: «**несомненно/ дайвингист/ это номер четыре**», «**чемпион мира по фитнесу/ номер два/ это совершенно очевидно**» (игрок и его помощники); «**скажите/ Вы действительно/ стриптизерша**», «**Татьяна/ это правда/ что вы знаете/ шесть языков**» (ведущий, обращаясь к незнакомцам). Взаимные синонимические замены модальных лексем в данных высказываниях невозможны. Поэтому только *действительно, правда, верно* выражают семантику, свойственную сведениям.

Лексемы *ясно, понятно* также маркируют выводное знание и, следовательно, мнение. Особенно наглядно это проявляется в контекстах, где подчинительная синтаксическая конструкция отражает семантику умозаключения, поскольку

1) имеет форму будущего времени: *Сегодня уже понятно, что критика правительства станет стержнем предвыборной кампании Единой России; Стало ясно, что никаких принципиальных решений на сей раз принято не будет* (материалы Национального корпуса русского языка, далее – Корпус);

2) представляет собой деонтическое суждение (умозаключение о необходимости): *Понятно, что для раздумий гражданам необходимо время, и немалое; И уже сейчас ясно, что в первоочередном порядке необходимо принять около 25 законов;* (Корпус);

3) с той или иной степенью эксплицитности отражает причинно-следственные, целевые отношения: *И приехавшей милиции стало сразу ясно, что о самоубийстве 82-летнего человека речи быть не может; Совершенно понятно, что если вдруг резко повышается температура воздуха, то возникает ажиотажный спрос на воду и мороженое* (Корпус).

Как это часто бывает, особенность значений модальных лексем ярко проявляется в контекстах с отрицанием. Отрицание со словами *правда, верно* имеет значение «Р ложно»: *неправда, неверно*. Отрицание лексем с семантикой логического вывода дает значение сомнения в истинности суждения: *неясно, непонятно, (отнюдь) не бесспорно* и пр.

Е.С. Яковлева разделяет маркеры категорического утверждения на две группы в соответствии с качеством передаваемой информации. По ее словам, суждение может базироваться на неполной, но достаточной для вывода информации, так как говорящему известны сущностные, индивидуализирующие черты объекта. Такая информация называется характерной. Нехарактерной считается информация о несущественных, но сопутствующих, соотносимых с событием признаках. На

ее основе невозможно судить о событии без привлечения операций логического вывода. В рамках этой логики автор противопоставляет лексемы *явно, определенно*, с одной стороны, и *бесспорно, несомненно, безусловно, очевидно* – с другой [Яковлева, 1994, с. 219]. В проекции на лингвистическую экспертологию данная оппозиция вызывает вопрос: можно ли отнести к фактивам высказывания с маркерами характерной информации.

Анализ значений лексем *явно, определенно* в контекстах негативной характеристики лица (именно они становятся предметом лингвистической экспертизы) показывает, что так называемая «характерность» является непостоянным признаком данных лексем. Так, в контекстах *Вопреки расхожим представлениям о том, что вся страна «спит и видит» поселиться в Москве, наш опрос не подтвердил этот тезис: из всех городов Москва оказалась лишь на 1% притягательнее Санкт-Петербурга и уж явно проигрывает областным центрам. Скорее всего, обречена на провал и инициатива с приближением к партии членов кабинета министров – пример главы МВД Грызлова заразительным для его коллег явно не оказался* действительно передается информация, представляющая собой очевидный вывод из конкретных фактов. Однако в Национальном корпусе русского языка имеется значительное количество контекстов, в которых данная семантика нейтрализуется: *В России такая господдержка сегодня явно отстает от нужд нашего малого бизнеса. Они носят явно контрпродуктивный и, если говорить о социальной политике в целом, антисоциальный характер. По этому критерию нынешняя путинская Россия на цивилизованность явно не тянет*. Во всех этих контекстах частица выражает скорее усилительное эмоциональное, нежели эпистемическое значение достоверности. Усмотреть в предложениях вывод, основанный на легко проверяемых, очевидных фактах, мешает интерпретативность семантики, оперирование такими оценочными понятиями, как «цивилизованность», «продуктивность деятельности» и пр.

Полагаем, что семантический (и юрислингвистический) статус лексемы *явно* определяется следующими признаками. Она не может быть заменена фактивной частицей *действительно* без ощутимого изменения модального смысла высказывания: *Стоимость нового суперкомпьютера не разглашается, но она явно немалая – Стоимость нового суперкомпьютера не разглашается, но она действительно немалая*. Вместе с тем, она легко заменяема лексемами, выражающими уверенное мнение (*бесспорно, безусловно*), с условием замены присловной модусной характеристики на припропозитивную: *Действия латвий-*

ских властей этому явно не способствуют – Безусловно, действия латвийских властей не способствуют этому. Наконец, слово явно может сочетаться как с интерпретативными, так и с конкретными предикатами. В последнем случае предложения приобретают оттенок логического вывода в условиях недостаточной информированности субъекта: *Расследование против Microsoft явно затихает – Расследование против Microsoft явно передано в суд. Избрание спикером Думы на третий срок ему явно не грозит – Баллотироваться на должность спикера Госдумы ему явно запретили.*

Таким образом, лексема *явно* встречается в интерпретативных контекстах, окрашивает модальностью уверенности продукты ментальной деятельности говорящего и, вследствие этого, маркирует мнение. Отличие *явно* от других лексем данной лексико-семантической группы лежит в плоскости синтагматики. Что касается качества информации (ее характеристики), то это скорее референциальный признак целого выражения, не зависящий от лексемы *явно*.

Частица *определенно* близка *явно* по своим семантическим свойствам, о чем свидетельствует возможность их взаимозамены: *Главным же редактором газет определенно импонирует такой тон: чем скандальнее статья, тем лучше газета продается – Главным же редактором газет явно импонирует такой тон: чем скандальнее статья, тем лучше газета продается.* Отличие данных лексем заключается в большей синтаксической «свободе» лексемы *определенно*. В следующих предложениях возможность замены одного синонима на другой появляется лишь после конструктивной перестройки предложения, обеспечивающей присловную связь частицы *явно* и предиката: *Что отнимут дипломы и звания, это определенно – Дипломы и звания явно отнимут. Совершенно определенно, что для рынка никеля в настоящее время существенно снижение темпов ввода в строй новых предприятий – Темпы ввода в строй новых предприятий на рынке никеля явно снижаются.* Ограничение на употребление частицы *явно* налагает также и личное местоимение 1 лица: *Нет, я определенно болен, лезет же в башку всякая блажь – Нет, ты / он явно болен, лезет же в башку всякая блажь – *Нет, я явно болен...*

Лексико-семантическая группа категорического отрицания по структуре значения не изоморфна группе категорической утвердительной модальности, в большинстве случаев маркирующей мнение. Главной особенностью выражений *не может быть, исключено, невозможно* является их многозначность.

Модальный предикатив *невозможно* обладает следующими значениями: 1) отсутствие физической возможности (*эти частицы невозможно увидеть в простой микроскоп*); 2) неприемлемо (*это невозможно для России*); 3) тяжело, трудно, неприятно (*невозможно жить в этом районе*). Очевидно, что эпистемическим (и проверяемым) в строгом смысле является только первое значение.

Лексема *исключено* способна выражать первые два из перечисленных значений, а также отличается от *невозможно* синтаксическими свойствами: она употребляется как одноместный предикатив (*Нет, нет, это исключено, это невозможно*), причем в огромном количестве случаев с отрицательным припропозитивным смыслом (*Не исключено, что часть дел будет просто закрыта*). Таким образом, *исключено* также может выражать и истинностное, и оценочное (аксиологическое) значение.

Выражение *не может быть* наиболее часто употребляется в эпистемическом значении «(не)возможность» (*Вообще-то в демократическом обществе не может быть абсолютной консолидации*) или в деонтическом значении «запрет» (*Согласно ему, один и тот же иск не может быть заявлен больше чем в один суд*). Эпистемическое значение «(не)истинность» обогащено дополнительными прагматическими оттенками: данная единица выражает не столько ложность утверждаемой пропозиции, сколько отказ говорящего поверить в истинность сообщаемого. Этим объясняется преимущественное употребление выражения в разговорной речи и сопровождающие высказывание эмоциональные интонации речи. Ср.: *Первая реакция – этого не может быть!; Нет, не может быть, люди они в высшей степени честные; Не может быть, не верю!* (Корпус).

Таким образом, лексика, выражающая категоричное отрицание, также способна передавать субъективную информацию. Для решения вопроса о юрислингвистическом статусе выражений, включающих данные лексемы, требуется их анализ в контексте предложения.

Рассмотрим эпистемический потенциал других лексико-семантических групп. Выразители аксиологической модальности способны маркировать наличие в предложении эпистемически окрашенной пропозиции. Большинство аксиологических суждений, как правило, содержит утверждение о факте в виде пресуппозиции: *Хорошо, что X был разоблачен*, где «X был разоблачен» – факт.

Многие эмотивы имеют фактивную пресуппозицию. Так, высказывание *Чуткий консульский корпус тоже был предельно возмущен беспардонной выходкой X, посмеяшего послушаться самого вождя ми-*

рового пролетариата содержит утверждение о факте «Х слушался вождя мирового пролетариата» (см. об этом также: [Падучева, 2004]). Однако, вопреки мнениям некоторых исследователей, не вся лексико-семантическая группа эмотивности обладает такой особенностью. Например, в высказываниях *грустно сообщать неприятные известия, противно идти на поклон к негодям, приятно сделать доброе дело* остается невыясненным, действительно ли событие, подвергаемое эмоциональной оценке, имело место. Не имеют фактивной пресуппозиции также глаголы *бояться, опасаться*. Всякое эмоциональное состояние имеет причину – некоторое объективное положение дел, вызвавшее эмоцию. Причина эмоции страха, как правило, проспективна и окрашена модальностью предположения. Ср.: *Боюсь его гнева* – с пресуппозицией «возможно, что Р будет иметь место»; *Боюсь, что вы устали* – с пресуппозицией «возможно, что имеет место Р». В обоих случаях пресуппозиции не представляют собой факта.

Эпистемическое значение истинности способны выражать лексемы коммуникативной модальности, осуществляющие референцию к речи автора или персонажа (*говорить, настаивать, уверять, подтвердить*). В исследовании Е.В. Падучевой [Падучева, 2004] признаются фактивными глаголы сообщения (*сообщить, информировать, предупредить*), а нефактивными – глаголы речи (*утверждать, заявлять, настаивать*). Способность лексем данной группы отражать объективное диктумное содержание не всегда очевидна. В частности, фактивность выражения «*по словам Х*» можно доказать лишь методом моделирования контекстов.

Так, из четырех контекстов:

(1) *Глава городской администрации нарушил федеральный закон, в результате чего городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей;*

(2) *Нарушение федерального закона главой администрации привело к тому, что городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей;*

(3) *Я полагаю, что глава городской администрации нарушил федеральный закон, в результате чего городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей;*

(4) *По моему мнению, действия главы городской администрации являются нарушением федерального закона, в результате чего городской бюджет недополучает пятьдесят миллионов рублей* – контексты 1–2 являются утверждениями о фактах, контексты 3–4 – оценочными суждениями. При переводе прямой речи в косвенную употребление

вводной конструкции «по словам...» нормативно только для контекстов 1–2. Для передачи контекстов 3–4 требуются конструкции «по мнению...», «по предположению», «как полагает...». Следовательно, в контексте *По словам X, действия главы городской администрации являются нарушением закона, в результате чего городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей* вводная конструкция «по словам...» является средством выражения утверждения о фактах.

Напротив, глагол «называть» никак не маркирует информационный статус диктумной пропозиции. Докажем это аналогичным методом:

(1) *По моему мнению, это спланированное мошенничество;*

(2) *Я полагаю, здесь можно говорить о спланированном мошенничестве;*

(3) *Все эти действия – спланированное мошенничество;*

(4) *Это не что иное, как спланированное мошенничество.*

Контексты 1–2 являются оценочными суждениями, контексты 3–4 – утверждениями о фактах. При пересказе любого из контекстов употребление глагола «называть» будет нормативным: *он называет все происходящее спланированным мошенничеством*. Поэтому употребление исследуемого коммуникатива делает истинность диктумного содержания неопределимой.

В рамках юрислингвистического исследования текста лексемы эмотивной, волитивной, операциональной (ментальные действия) семантических групп имеют еще одну особенность. Речевые конфликты возникают на базе текстов, посвященных третьему лицу. Поэтому в большинстве случаев эксперт имеет дело с контекстами, в которых осуществляется атрибуция модальных значений персонажу (так называемая «субъективация модуса») [Арутюнова, 1988]: *Вы оставили государственную газету без помещения и стульев, желая, чтобы она влачила жалкое существование*. В этом случае вновь возникает ситуация «знание на основании умозаключения». Автор текста приписывает персонажу мысли, цели, эмоции, основываясь на фактах объективной действительности и личном жизненном опыте. Данный языковой признак также способствует тому, чтобы относить высказывания к разряду мнений.

Таким образом, для решения прикладных задач судебного речеведения требуется дальнейшее исследование лексем – выразителей эпистемического значения.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Апресян Ю.Д. и др. Языковая картина мира и системная лексикография. М, 2006.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: знание и мнение. М. 1988.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru>
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

РАСЧЛЕНЕННЫЕ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ИХ ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

О.В. Марьина

Ключевые слова: расчленение, парцеллированные конструкции, функции парцеллированных конструкций.

Keywords: parcellation, parceled constructions, functions of parceled constructions.

Изучение парцелляции ведется по нескольким направлениям: она рассматривается как экспрессивный синтаксический прием (Г.Н. Акимова, Н.Н. Барулина, В.Н. Ярцева и др.); как коммуникативно-синтаксический процесс (Ю.В. Ванников, Т.Г. Винокур, Е.А. Иванчикова, А.П. Сковородников и др.); описываются составляющие парцеллированных конструкций (Л.Ю. Максимов, В. Фусян и др.). Чаще всего парцелляция исследуется в ряду смежных структур, таких как неполные (эллиптические) предложения и присоединительные конструкции (В.Т. Гневко, Е.А. Земская, М.В. Панов, А.П. Сковородников, Н.И. Формановская и др.).

О парцелляции как показателе расчленения текста имеются наблюдения у В.В. Виноградова, Е.А. Иванчиковой, Р.П. Лисиченко, Е.А. Покровской, Г.Е. Щербань, С.Г. Фоменко и др. Лингвисты обращают внимание на то, что расчлененная посредством парцелляции

синтаксическая конструкция не просто выразительна, а приспособлена для передачи спонтанности (Е.А. Иванчикова). Она является сильным средством выделения отдельных частей высказывания (Р.П. Лисиченко) и самой яркой конструкцией расчленения (Е.А. Покровская).

В данной статье внимание сосредоточено на функции парцелированных конструкций в художественных текстах, созданных на рубеже XX–XXI веков. С одной стороны, основанием для исследования послужила недостаточная изученность роли данных предложений в художественных текстах вообще и текстах 1980–2000-х годов, в частности. С другой стороны, анализ базового компонента и парцеллята вводит в сферу внимания ученых-лингвистов новый аспект изучения – рассмотрение текста с позиции расчлененных конструкций, что позволяет открыть новые грани в изучении авторского повествования, речевой характеристики героев, выявить ситуативные особенности использования парцелляции в тексте и т.д.

Неоднократно было отмечено, что парцелированные конструкции, наряду с другими формами расчленения, такими как именительный предствления, вопросительные конструкции в монологе и др. (Н.А. Акимова, М.В. Панов), вставными конструкциями, сегментацией и др. (Е.А. Покровская, Г.Е. Щербань, С.Г. Фоменко), выполняют в синтаксическом построении текста экспрессивную функцию. Причем, в отличие от обозначенных конструкций расчленения, «при парцелляции используется максимальная степень интонационного (пунктуационного) расчленения» [Покровская, 2001, с. 280]. Частные же смысловые значения парцеллята и базового компонента, выявленные в художественных текстах определенного временного промежутка или литературного направления, только предстоит описать.

В данной статье предпринимается попытка установить функции парцелированных конструкций в художественных текстах 1980–2000-х годов. Расчленение базового компонента и парцеллята в литературе обозначенного периода используется в следующих целях:

– с целью пояснения, дополнения, конкретизации базового компонента: 1. *Ему пришла в голову мысль – подарок сделать Зинаиде. Какой-никакой* (Ю. Антропов «Живые корни»). 2. *А Ткачев смотрит на нее. На ее фигуру. На ее мягкие движения* (В. Маканин «Полоса обменов»). В качестве парцеллята могут выступать как определения, так и обстоятельства, значимость которых усиливается за счет не обособления, а выделения данного компонента в качестве самостоятельного предложения.

Парцеллированным элементом в конструкции со значением дополнения могут быть однородные члены предложения, тогда как обобщающее слово заключается в базовом предложении: *Мы решительно никогда их не видали и не знаем их в лицо, однако это именно они – самые знаменитые люди Невского того времени! И Бенц, и Тихонов, и Темп...* (А. Битов «Пушкинский дом»). Возможно, расчленение синтаксически связанных элементов объясняется разной эмоциональной окраской контактирующих предложений.

Довольно часто парцеллируются многочлены с разнотипными семантико-синтаксическими отношениями. Например: *1. Вечерами, ожидая, ставила на подоконник розовую круглоногую лампу, – семейный маяк во мраке. Чтобы крепили узы, чтоб на сердце тепло: темен терем, темна ночь, но горит, горит, горит огонечек – то звезда души его не спит, – может, банки закатывает, может, постирушку какую затеяла* (Г. Толстая «Охота на мамонта»). *2. Это очень важное и благородное дело. Поэтому за него так хорошо платят* (Л. Зернов «Брайтон-Бич опера»). Несмотря на структурную самостоятельность придаточных предложений, смысловые отношения между ними и главными предложениями остались традиционными: придаточная часть поясняет главную;

– для обозначения добавочного действия: *1. Если бы мама жала на меня хоть чуточку полегче, я бы сбегала домой. Не раздумывая* (А. Лиханов «Благие намерения»). *2. Воскресным утром в дверь позвонили. Один раз, а потом еще один* (Л. Улицкая «Перловый суп»). Вынесение в самостоятельное предложение слов и сочетаний «не раздумывая», «один раз, а потом еще один» смещает смысловые акценты с основного на дополнительное действие. Значимость парцеллята усиливается за счет того, что в базовом предложении имеющиеся обстоятельства (*не раздумывая; один раз*) не обособлялись бы;

– с целью сообщения о действиях героев, происходящих в одно и то же время или последовательно: *1. Я сглотнул, чтобы проглотить волнение. Отвел глаза с ее лица на свои повисшие в пространстве руки. Соскользнул глазами от ногтей к запястью. Застрял взглядом на часах* (В. Токарева «Ехал грека»). *2. – Вот покушайте пока, – попросила мама тетку, и тетка приняла миску. – Ой, да так неудобно, – всполошилась мама и притащила газету. Постелила ее на покрытый синекрасным ковром Цветковский сундук, усадила женщину как бы к столу* (Л. Улицкая «Перловый суп»). В данном случае парцеллируются сказуемые, которые могли бы быть в ряду однородных членов в базовом компоненте. По мнению Н.Н. Барулиной, отделяя однородные члены

предложения точками, «пишущий преследует цель заострить внимание читателя на каждом из действий, выделить их в высказывании, придав членам предложения большую смысловую значимость» [Барулина, 1982]. В данном случае происходит смещение акцента со сходности явлений, отношений, действий и т.д. (однородные члены предложения обычно выражают однотипные понятия), подкрепленной перечислительной интонацией, на каждое отдельное самостоятельное действие;

– при описании состояния героя: *1. Ночами он мечтал о дожде. Просыпался через каждые два часа и слушал плотный шелест листьев, бегущих по ветру: не вода ли полилась? Или вздрагивал от редких шагов одинокого пешехода, надеясь, что это стучат капли на балконе* (О. Михайлов «Час разлуки»). *2. А, вот телефон. Лоре позвонить. Умер сам – научи товарища* (Т. Толстая «Сомнамбула в тумане»). Несмотря на то, что глаголы-сказуемые, содержащиеся в базовом компоненте и парцелляте (пример № 1), сообщают о действиях героя, определяющим, позволяющим отнести их к данной группе является их назначение – передача эмоционального состояния героя. Вслед за В.Т. Гневко мы характеризуем предложения, составляющие пример № 2, как неполные парцеллированные: «Неполные предложения могут возникнуть вследствие намеренного выделения частей предложения, чтобы придать им особую значимость. Такое намеренное расчленение предложений с экспрессивно-стилистической целью называют парцелляцией. Парцеллированные части являются контекстуальными неполными предложениями, хотя это можно и оспаривать» [Гневко, 1985, с. 66]. «Нестабильность» состояния героя передается именно благодаря данным «отрывочным» предложениям, которые, на первый взгляд, либо вообще не связаны между собой (в большей степени два заключительных предложения), либо эту связь можно назвать условной;

– при описании внешности героя: *1. Надя росла. Из неуклюжего подростка становилась стройной, хорошо сложенной девушкой с отличной спортивной фигурой, гривой золотисто-каштановых волос и задумчивыми серыми глазами* (Н. Сизов «Конфликт в Приозерске»). *2. Примерно каждый четвертый из студентов, попадавших в поле зрения внимательного наблюдателя, носил пенсне, причем многие именно на шелковой ленте. Примерно каждый пятый имел на физиономии некоторое количество прыщей. Хватало и сутулых* (Б. Акунин «Азazel»). Как правило, парцеллят выполняет такую же структурно-семантическую функцию, что и вторая часть бессоюзного сложного предложения со значением

а) пояснения: содержание первой части (в данном случае – базового компонента) раскрывается второй частью (парцеллятом) (пример № 1);

б) перечисления: предложения (в данном случае – и базовый компонент, и парцеллят) однородного состава с перечислительной информацией (пример № 2);

– с целью сопоставления информации, содержащейся в базовом компоненте и парцелляте: *1. Все было тяжело, мучительно, но впереди была цель, ожидание и надежда, что там, пусть и не сразу, а потом, но все-таки станет легче и лучше. Стало хуже* (Н. Дубов «Родные и близкие»). *2. Я невольно взглянул ему прямо в лицо. Лучше бы не делал* (Вик. Ерофеев «Знакомство»). В данном случае к основной смысловой функции (сопоставление) добавляется еще одна: в заключительном предложении подводится итог того, о чем говорится в начальном предложении;

– с целью добавочного градационного значения: *1. Она поняла, что купит его. Или отберет. А если понадобится – украдет* (В. Токарева «Лиловый костюм»). *2. Ткачев попросту его не приметил, потому что портрет мал. С ладонь. С его мужскую ладонь* (В. Маканин «Полоса обменов»). Структура парцеллированной конструкции со значением градации включает более двух элементов, каждый последующий из которых усиливает значение предыдущего;

– с целью усиления, выделения заключительной части текстового фрагмента: *1. Я заметил качественную перемену, которая проступила с годами: раньше правдами и неправдами стремились устроить балбесов, теперь просят за хороших ребят. Просят, в сущности, о том, чтобы к ним отнеслись объективно – всего лишь* (Г. Бакланов «Меньший среди братьев»). *2. То есть мы, конечно, сведем леса, воды, рыбы, почвы, звери... зверей, зверей первыми, чтобы наедине остаться... но все это потом, не успеем даже до конца... Потому что, прежде всего, нам грозит – от бесплатного, от Богом данного, от того, что ничего никогда не стоило, ни денег, ни труда, от того, что не имеет стоимости – вот откуда нам гибель – от того, чему не назначена цена, от бесценного!* (А. Битов «Пушкинский дом»). В данной группе, в отличие от предыдущей, вывод, заключенный в финальном предложении (по структуре парцеллированная конструкция двукомпонентна), не имеет никакого дополнительного значения.

Сюда же могут быть отнесены конструкции, в которых парцеллят – простое нераспространенное предложение: *1. С того момента, как Федя полез на крышу для спасения Одинокой мыши, его никто больше*

не видел. Таковы коты (Л. Улицкая «История про кота Игнасия, трубочиста Федю и Одинокую Мышь»). 2. *И Михеев осудил свою мать, решил окончательно порвать с ней всякие отношения и сменить место жительства. Навсегда!* (Л. Улицкая «История про воробья Антверпена, кота Михеева, столетника Васю и сороконожку Марью Семеновну с семьей»). В данном случае наблюдается тесная контекстуальная связь составляющих парцеллированную конструкцию;

– с целью введения нового речевого слоя: 1. *И старуха, обомлев, взглянет на него полными слез глазами: как? вы знаете меня? не может быть! боже мой! неужели это кому-нибудь еще нужно! и могла ли я думать! – и, растерявшись, не будет знать, куда и посадить Симеонова, а он, бережно поддерживая ее сухой локоть и целуя уже не белую, всю в старческих пятнах руку, проводит ее к креслу, взглядываясь в ее увядшее, старинной лепки лицо* (Т. Толстая «Река Оккервиль»). 2. *Умненькая Дуся все думала, что бы такое сказать Инатьевой, чтобы она их не прибила, хуже того, не прогнала... Украли? Или отняли? Или еще чего? Сказать «потеряла» казалось ей совсем невозможным* (Л. Улицкая «Капустное чудо»). Показателями несобственно-прямой речи являются восклицательные, вопросительные предложения (пример № 1), вопросительные предложения (пример № 2). Именно данные конструкции, отличные от основного повествования целевой установкой и эмоциональной окраской, расчленяют последовательное авторское изложение. При несобственно-прямой речи происходит частичная трансформация внутренних реплик и мыслей персонажа в условиях авторского повествования, где доля авторского участия в субъективной перспективе персонажа варьируется в зависимости от определенных стилистических задач [Сладкомедова, 2006]. На расчленение текстового фрагмента указывает также краткость, сжатость обозначенных конструкций (вопросительных, восклицательных), встречающихся в прямой речи повествователя в виде микроформ [Омелькина, 2007, с. 9].

Мы обращаем внимание на то, что парцеллированные конструкции могут появляться в художественных текстах в ряду других синтаксических процессов, и пытаемся определить, как последние влияют на функции парцеллированных конструкций. Итак, парцеллированные конструкции употребляются:

а) в сочетании с интеграционными средствами связи: 1. *Надо ехать на юг, плавать в море и бегать по горам. Надо принципиально не замечать своего сердца, и тогда оно подчинится. Как женщина* (В. Токарева «Ехал грека»). 2. *Сам не свой от неожиданности, с кривой усмешкой, болтавшейся точно на гвозде, Анфилогов сжимал в*

кармане что-то твердое, ключ или зажигалку. Сжимал до боли, до теплого пота, всем существом желая, чтобы это была волшебная палочка – способная единым взмахом, прямо сквозь карман, как киношный пистолет, разрушить ухоженное, медально-полированное личико Цирицци, сосредоточие ее неустанных забот (О. Славникова «2017»). Из интеграционных средств связи выделяются различные виды повторов: лексические (примеры № 1, 2), синтаксические (анафора, параллелизм) (пример № 1). Благодаря взаимодействию данных средств и парцелляции передается состояние героя;

б) в ряду других дезинтеграционных процессов: *То и дело звонит телефон. Какой-то человек упорно добивается:*

– Любу мне... Как не туда? А куда я тогда попал?

Перегруженный едой, он тяжело дышит, медленно соображает. Поел, выпил, теперь ему – Любу (Г. Бакланов «Меньший среди братьев»). Последний абзац фрагмента содержит неполное парцеллированное предложение, которое вместе с базовым участвует в создании характеристики героя;

в) в ряду интеграционных и дезинтеграционных процессов: *Он долго и безропотно терпел все ее выходки и капризы, до сих пор они касались только его одного. Но сейчас... Сейчас она решила запачкать имя Нади...* (Н. Сизов «Конфликт в Приозерске»). В качестве интеграционного средства связи мы отмечаем синтаксический стык [Марына, 2008, с. 115], в качестве дезинтеграционного – умолчание. Именно благодаря сочетанию обозначенных средств сообщается о состоянии героя.

На наш взгляд, ни интеграционные, ни дезинтеграционные синтаксические процессы, ни их сочетание не оказывают решающего действия на установление функций парцеллированных конструкций в художественных текстах. Могут возникать лишь дополнительные значения, как, например, при сочетании парцелляции с одним или несколькими дезинтеграционными процессами. Но и в этом случае стоит помнить, что при взаимодействии парцелляции с каким-то другим синтаксическим процессом такое (дополнительное) значение может не появляться.

В работе не отмечается, какие из функций расчлененных парцеллированных конструкций преобладают в художественных текстах определенного а) временного промежутка (1980-е, 1990-е, 2000-е годы) или б) литературного направления. Дальнейшее наше исследование видится в установлении того, в каких выделенных смысловых группах функция расчленения будет наиболее показательной. А для этого

необходимо определить основания и разработать критерии (шкалу) расчленения парцеллированной конструкции.

Литература

Барулина Н.Н. Роль знаков препинания при актуализации высказывания // Русский язык в школе. 1982. № 3.

Гневко В.Т. Современный русский язык. Минск, 1985.

Марьина О.В. Интеграционные процессы в синтаксисе русской художественной прозы 1980-х – 2000-х гг. Барнаул, 2008.

Омелькина О.В. Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория (на материале немецкоязычной прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007.

Покровская Е.А. Русский синтаксис в XX веке. Ростов-на-Дону, 2001.

Сладкомедова Ю. Несобственно-прямая речь как стилистический прием в произведениях Виктории Токаревой [Электронный данные]. URL: // <http://www.mediascope.ru>

О МЕСТЕ КАТЕГОРИИ ПАРНОСТИ В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

М.В. Артамонова

Ключевые слова: парность, концептуально-языковая категория, концептуальная система, русский язык.

Keywords: binary word-combinations, conceptual linguistic category, conceptual system, Russian language.

В современных лингвистических исследованиях наряду с описанием многочисленных языковых категорий (грамматических, лексико-семантических) все чаще появляется рассмотрение концептуально-языковых категорий и единиц, отражающих специфику интерпретации говорящим концептуального содержания речи. Названные категории и единицы выполняют интерпретирующую функцию, которая, по словам Н.Н. Болдырева, «подчеркивает их особую природу и место в общей концептуальной системе человека, а именно: как форм отражения онтологии человеческого сознания, его интерпретирующей функции, как форм проявления индивидуального опыта, знания, оценок» [Болдырев, 2007, с. 104]. Интерпретирующие (или модусные) категории имеют языковую реализацию и «обнаруживают концептуально-языковую

природу» [Болдырев, 2007, с. 105]. Одной из таких концептуально-языковых категорий, с нашей точки зрения, является категория парности. Под категорией парности мы понимаем систему бинарных языковых единиц, объединенных концептуальным значением «два в одном». Данное значение возникает в результате совмещения объектов, которое обусловлено познавательной деятельностью человека, его восприятием и оценкой мира. Средствами языкового воплощения категории парности выступают парные сочетания, представляющие собой сочинительные соединения семантически и структурно связанных и уравновешенных компонентов (*города и веси, друзья-товарищи, небо и земля, отец и мать, совет да любовь, честь и хвала* и др.).

В научной литературе существует несколько подходов к рассмотрению подобных сочетаний, которые, на наш взгляд, условно можно обозначить следующим образом: 1) структурный (А.А. Потебня), 2) функциональный (Д.С. Лихачев, А.П. Евгеньева, С.В. Друговейко, С.В. Николаева), 3) структурно-семантический (В.В. Колесов, О.Ф. Жолобов, Л.П. Клименко, М.В. Пименова, Г.А. Николаев, Д.В. Дмитриев, С.А. Аверина, Ф.Н. Двинягин, Т.П. Рогожникова, А.В. Алексеев).

Впервые структурные особенности паратаксических сочетаний описал А.А. Потебня, представлявший их в виде противоположного гендиадису явления, названного «двое в одно, двойственность субстанции, сливающаяся для позднейшего сознания в единство» [Потебня, 1968, с. 217]. Удвоение, объединение двух понятий в паратаксических сочетаниях с точки зрения А.А. Потебни есть способ создания нового значения, состоящего в обобщении частных значений, а также в «идеализации в изображении предмета».

В работах, отражающих функциональный подход к определению анализируемых сочетаний, они рассматриваются преимущественно как средство создания художественной образности, то есть в стилистической функции. Д.С. Лихачев называет данные сочетания разновидностью синонимических сочетаний – «сращений», имеющих «в своем значении особый, дополнительный, новый оттенок. Перед нами по существу новое слово, с новыми особенностями значения, новым кругом поэтических ассоциаций и как бы усиленное в своем значении» [Лихачев, 1979, с. 107–108]. Вслед за Д.С. Лихачевым А.П. Евгеньева, С.В. Друговейко, С.В. Николаева отмечают стилистическую функцию парных сочетаний в тексте: их употребление в тексте обусловлено абстрагированием изложения и усилением его экспрессии.

В исследованиях, представляющих структурно-семантический подход к определению парных сочетаний, отражена попытка выделить их грамматические и семантические характеристики с указанием на структурно-содержательную слитность. Так, В.В. Колесов выделяет особенности семантической организации парных сочетаний: на основе сближения частных значений объединяемых слов образуется «понятие собирательного смысла, художественная сила которого возникает из совместимости прежде разнонаправленных смыслов» [Колесов, 1990, с. 28], повтор же сходных по значению слов В.В. Колесов считает не стилистическим, а дополнительным семантическим средством к художественной образности в выражении синкретизма средневекового мировоззрения. Именно в семантической, а не в стилистической («украшающей») функции парные сочетания рассматриваются и в работах М.В. Пименовой, определяющей их как один из видов семантически несвободных сочетаний слов, в которых находит отражение структурно-синтагматическая синкретсемия – явление, при котором «одно значение (одна семема) выражается узуально закрепленными в языке формами нескольких лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами)» [Пименова, 2000, с. 17]. Синкретичное (диффузное, нерасчлененное) значение парного сочетания выводимо из тех значений, которые присущи условно выделяемым составляющим его компонентам. Применительно к семантически несвободным сочетаниям выведение значения целого знака из значений составляющих его элементов напоминает анализ организации иероглифа или анаграммы, которые представляют собой результат обобщения ситуации, синтез чувственного восприятия и абстрактной деятельности.

Парное сочетание определяется О.Ф. Жолобовым как «номинационная синтагма-парадигма», создающая «объемное, дискретно-континуальное обозначение» благодаря нумерологическому принципу построения [Жолобов, 2000, с. 114]. Бинарная модель, по которой построены парные сочетания, позволяет эксплицировать семантические признаки как равноправные и дискретные, при этом происходит не расширение объема понятия, а углубление его содержания.

В качестве источников исследования парных сочетаний были привлечены памятники письменности XI–XVII веков, произведения русской литературы XVIII–XIX веков и современные художественные тексты и материалы печатных и аудио-визуальных СМИ. Анализ этих материалов показывает, что определить языковой статус парных сочетаний весьма сложно. Эта сложность обусловлена рядом факторов.

1. В русском языке структурная организация парных сочетаний не является однородной. Характерной особенностью данных единиц можно назвать асимметрию между их семантической цельностью и знаковой раздельнооформленностью. Эта асимметрия в большей или меньшей степени присуща всем парным сочетаниям, которые могут быть представлены тремя моделями: 1) сложные слова, организация которых является способом устранения указанной асимметрии и установления равновесия между понятийной связностью и стремлением к цельнооформленной структуре. Парные сочетания подобного типа представлены сложными словами паратаксического типа с сочинительной / бессоюзной связью компонентов и характеризуются наибольшей структурно-семантической слитностью. Данные единицы могут иметь следующие модификации: а) свободный компонент + несвободный (автономно не употребляющийся) компонент, например, *елки-моталки* (выражение досады, раздражения), *цап-царап* (обозначение быстрого действия, молниеносного захвата когтями), *штучки-дрычки* (о чем-то замысловатом, необычном); б) несвободный компонент + несвободный компонент (с нередким затемнением этимологии составных элементов): *алья-улю* (обозначение удачного, ловкого ухода), *тары-бары* (о болтовне, пустых разговорах), *тыры-пыры* (указание на множество подробностей, деталей), *фигли-мигли* (проделки, сомнительные поступки), *ширли-мырли* (о чем-либо абсурдном, странном и бессмысленном), *шуры-муры* (любовные похождения, флирт); в) свободный компонент + свободный компонент, например, *диван-кровать*, *кресло-кровать* (названия мебели, имеющей две функции), *мать-и-мачеха*, *иван-да-марья* (наименования растений), *плащ-палатка* (специальная многофункциональная одежда военнослужащих); 2) несвободные сочетания, представленные фразеологически связанными единицами (*авось да небось*, *альфа и омега*, *без суда и следствия*, *без шума и пыли*, *в пух и прах*, *и да и нет*, *и смех и горе*, *и стар и млад*, *и хорошо и плохо*, *ни жив ни мертв*, *ни рыба ни мясо*, *ни свет ни заря*, *ни шатко ни валко*, *словом и делом*, *туда-сюда*, *хлеб да соль*, *хлеб и вода*) или терминологически связанными единицами (*дебет-кредит*, *купля-продажа*, *прием-выдача*, *приход-расход*, *экспорт-импорт* (экономические термины), *роман-поэма*, *роман-эпопея* (литературоведческие термины)). Несвободные парные сочетания демонстрируют высокую степень асимметрии между семантической нерасчлененностью компонентов и их формально-знаковой раздельнооформленностью; 3) свободные словосочетания характеризуются особым видом асимметрии содержания и формы: парные сочетания этого типа имеют лингвистически раз-

дельнооформленную семантику и раздельнооформленную структуру, однако обнаруживают когнитивную семантическую слитность, что позволяет усматривать в них определенную степень асимметрии, неуравновешенности между смысловой и структурной организацией и делает их определение как свободных единиц условным. В данном случае целесообразно воспользоваться термином Н.В. Юдиной, определяющей подобные единицы как «композиционно несвободные, лингвистически свободные» сочетания [Юдина, 2006, с. 307], например, *петь-заливаться, цари-короли, радио и телевидение, газеты и журналы, красота и сила, тонкие и слабые* (о волосах), *понять и простить, честь и достоинство, честь и совесть, добрый и красивый, верхи и низы, физики и лирики* и др.

Асимметрия между семантической цельностью и знаковой раздельнооформленностью парных сочетаний обуславливает проблему их описания в лексикографической практике: парные сочетания sporadически представлены в словарях (исторических, историко-этимологических словарях, толковых и фразеологических словарях современного русского языка, словарях разговорной речи) в качестве или номинативных, или (чаще) фразеологических единиц. При этом большое количество парных сочетаний, функционирующих в речи современного русского человека, не фиксируется в словарях. Так, например, в словарях не находят отражения современные термины-биномы, используемые в различных отраслях человеческой деятельности: термины делопроизводства (*план-график, план-отчет*), технические термины (*тамбур-шлюз, факс-модем, фильтр-пресс*), названия профессий (*секретарь-диспетчер, диспетчер-радиотелефонист, оператор-постановщик, режиссер-сценарист, следователь-дознаватель, слесарь-сантехник, парикмахер-стилист, парикмахер-визажист*) и мн. др.

2. Парные сочетания характеризуются также разнородностью частеречной выраженности структурно-семантических компонентов. В русском языке обнаруживается употребление следующих частеречных типов парных сочетаний: 1) субстантивные сочетания (*базар-вокзал* (шумный разговор, ссора), *«земля-воздух»* (принцип действия ракеты), *купля-продажа* (торговые операции), *ножи-вилки* (столовые приборы), *плоть и кровь* (родное дитя), *сад-огород* (участок земли)); 2) адъективные сочетания (*жив-здоров* (находящийся в благополучии), *тихий и безмятежный* (о времени), *белый и пушистый* (о характере человека)); 3) глагольные (*петь и молиться* (производить молебное пение), *пить и есть* (питаться), *плакать-заливаться* (горько плакать), *радоваться и*

веселиться (праздновать); 4) адвербиальные (*образцово и показательно* (так, как должно), *подобру-поздорову* (без принуждения), *швырком-броском* (грубо, резко)).

3. Синкретичная функция союза, соединяющего компоненты парных сочетаний, также затрудняет определение языкового статуса исследуемых единиц. Союз в парных сочетаниях, на наш взгляд, совмещает в себе несколько функций. Помимо функции конъюнкции, союз в парных сочетаниях может выполнять функцию плеонастической частицы, обнаруживаемую А.А. Потебней в выражении «последовательности восприятия вещей, сопоставленных в пространстве» и указании «на субъективную последовательность восприятий, явственное выражение медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим» [Потебня, 1968, с. 219]. По наблюдениям А.П. Евгеньевой, союз в парных сочетаниях имеет усилительную функцию [Евгеньева, 1963, с. 270]. С нашей точки зрения, в бинамах, сходных по структуре с сложными словами и несвободными сочетаниями слов, союз выполняет функцию интерфиксации (соединения структурно и семантически связанных компонентов в единое целое, что характерно для сложных слов).

4. Тематическое многообразие парных сочетаний позволяет называть их универсальным средством номинации различных реалий, но в то же время затрудняет выделить интегрирующий компонент в их семантике и создать полную семантическую типологию данных единиц. Парные сочетания реализуют лексическое значение парности, обозначая парные объекты, то есть те, которые составляют пару. Пара есть два однородных предмета, вместе употребляемых и образующих единое целое. В пару объединяются предметы / признаки / действия / явления, предполагающие одновременное наличие, существование друг друга. Ментальное соединение двух начал в парном сочетании может быть обусловлено как эмпирически (при этом формирование понятия о парносоставности денотата идет опытным путем, через чувственное познание), так и интенционально (при этом парность создается целенаправленно, обращением сознания и воли на удвоение в денотате).

Эмпирическая парность может быть представлена следующими тематическими объединениями: 1) парные сочетания с социально обусловленной парностью, например, *дом и семья, имя-отчество, брат и сестра, мать-отец, мать и дитя, муж и жена, деды и отцы, на работе и отдыхе, закон и порядок, обычаи-порядки, военное и мирное* (время); 2) сочетания с исторически обусловленной парностью: *крас-*

ные и белые, Ленин и Сталин, Маркс и Энгельс, материализм и идеализм; 3) сочетания с природной парностью: *вьюги-метели, день и ночь, зимой и летом, утром и вечером, жизнь и смерть, земля и вода, небо и земля, море и суша, птицы и звери, солнце и луна, широта и долготы, высота и ширина*; 4) сочетания с психологически обусловленной парностью: *грех и беззаконие, радость и веселье / радоваться и веселиться, стыд и срам, мир и любовь, тихий и безмятежный, радостный и счастливый, смех и слезы, плакать-убиваться*; 5) сочетания с сенсорно обусловленной парностью: *мягкие и шелковистые (волосы), мягко и нежно* (о действии косметических средств), *ни холодно ни жарко* (о состоянии безразличия), *твердость-мягкость, глухость-звонкость* (характеристики согласных звуков). Сочетания с эмпирической парностью предстают как архетипы мысли, возникшие в результате познания устройства реального мира, социума и его составляющей – человека (как физической, так и духовной природы человека).

Интенциональная парность реализуется в следующих тематических объединениях парных сочетаний: 1) парные сочетания с ассоциативной парностью, например, *песни-пляски, грибы-ягоды, чай-сахар, поить-кормить, молодо-зелено, шито-крыто*; 2) сочетания, парность компонентов которых обусловлена речевым этикетом: *дамы и господа* (в качестве обращения), *мил-дорог, дорогой(-ая) и любимый(-ая), нежный(-ая) и заботливый(-ая)* (о супругах); 3) сочетания с культурологически обусловленной парностью (парные сочетания, употребление которых в речи возникло под влиянием литературного, религиозного, кинематографического, рекламного и др. дискурсов): *огонь и лед, вода и пламень* (А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»), *отцы и дети* (И.С. Тургенев. «Отцы и дети»), *преступление и наказание* (Ф.М. Достоевский. «Преступление и наказание»), *принц и нищий* (М. Твен. «Принц и нищий»), *рога и копыта* (И. Ильф и Е. Петров. «Золотой теленок»), *Слон и Моська* (И.А. Крылов. «Слон и Моська»), *Ромео и Джульетта* (Шекспир. «Ромео и Джульетта»), *Содом и Гоморра, Каин и Авель, Адам и Ева, Давид и Голиаф* (библейские имена), *любовь и голуби* (название одноименного кинофильма), *человек и закон* (название одноименных журнала и телепередачи) и др. В подобных примерах мы наблюдаем парность, обусловленную мыслительной деятельностью человека, направленной на удвоение смысла на основе синтеза, сравнения, ассоциации как мыслительных операций или на основе знания фактов искусства, истории религии и т.п.

Анализ вышеизложенных факторов позволяет нам заключить, что парное сочетание представляет собой комплексный знак, в семантике

которого отражена интеграция двух ментальных пространств, и обнаруживает сходство, с одной стороны, с лексическими единицами, а с другой – с синтаксическими единицами. Однако парные сочетания как модусные единицы имеют функциональное отличие от языковых единиц – лексических и синтаксических: специфика структурно-семантической организации парных сочетаний состоит в том, что они имеют не только собственно языковую (номинативную, коммуникативную), но и концептуальную, интерпретирующую, категоризирующую названные объекты действительности функцию. Наши наблюдения позволяют сделать вывод о том, что асимметрия характеризует лишь отношения смыслового содержания и формальной организации парных именований, семантика же исследуемых единиц имеет обратное свойство – выражение отношений симметрии, смыслового равновесия компонентов сочетания, установление говорящим равноправия и единства двух субстанций в предметном мире, двух разных ментальных пространств, что объясняется стремлением создать гармоничное, «идеализированное» понятие: так, в человеческом сознании закреплено представление об обязательном одновременном существовании двух признаков – *первый и последний, белое и черное*, или двух форм бытия (*душа и тело, жизнь и смерть*), или двух пространств, стихий (*небо и земля, воздух и вода, море и суша*), и парности сочетаний есть не что иное, как способ гармонизировать мир с помощью ментальной интеграции двух разных (часто противоположных) субстанций.

Семантически интегрированное значение парных сочетаний оформлено двумя взаимообусловленным знаками, имеющими двухуровневую связь: во-первых, собственно языковую – синтагматически-парадигматическую и, во-вторых, когнитивную, позволяющую рассматривать парные сочетания как единицы, отражающие интерпретацию говорящим отдельных смыслов. Так, например, в парном сочетании *мать-отец* реализуется собирательное значение ‘родители’; используя сочетание *кожа да кости*, говорящий интерпретирует понятие о худобе и одновременно выражает оценку очень худого человека; *хлеб-соль* для русского человека является символом гостеприимства. В образовании парного сочетания можно усматривать способ создания нового значения, состоящего в обобщении частных значений, а также в «идеализированном» представлении о денотате.

Парность в языке – явление довольно архаичное, в древних и современных языках парность есть проявление «мировоззренческого значения» [Лихачев, 1979, с. 398]. Это «мировоззренческое значение»

определяется ментальным сближением и одновременно противопоставлением двух начал в мире – верхнего и нижнего (*вверх-вниз, руки-ноги*), внешнего и внутреннего (*красота и доброта, мир и покой*), идеального и материального (*душа и тело, в мыслях и делах*), мужского и женского (*отец-мать, муж и жена, брат и сестра*), положительного и отрицательного (*добро и зло, свет и тьма*), божественного и человеческого (*ангел и человек, небо и земля*) и т.п. Значение парности в исследуемых сочетаниях обусловлено принципом двойного отражения действительности, и сигнификативное удвоение или раздвоение используется не для расширения объема понятия, а для углубления его содержания. В образовании парных именовании мы наблюдаем ситуацию удвоения мира, «выражение идеального через материальное» [Доброхотов, 1996, с. 54].

Принцип двойного отражения действительности (или дуализм) характеризует ментальность человека на разных исторических этапах развития языка. Так, в памятниках письменности XI–XVII веков словесный символ отражает совмещение понятий о *ниже – выше, правом – левом, переднем – заднем, конкретном – абстрактном, чистом – нечистом* и др., и в основе этого совмещения лежит дуалистичность мировоззрения, для которого свойственно понимание материального и идеального, бытия и мышления как единства, что демонстрируется употреблением многочисленных парных сочетаний типа *злато и серебро, честь и слава, плач и рыдание, смирение и покорение, страх и ужас, ярость и гнев, правда-истина, времена и лета, грады и села, мужи и жены*. В литературных текстах XVIII–XIX веков парные сочетания являются так же частоупотребительными, как и в древнерусский период: «*Где гром и молния, там ярость возвещает разгневанный Зевес и землю устрашает*» (А.П. Сумароков. «Эпистола о стихотворстве»); «*Красуется велик и мал; жить хочет век, кто в гроб желал*» (М.В. Ломоносов. «Ода на взятие Хотина 1739 года»); «*Повсюду вопль и стон, не слышно там речей*» (М.М. Херасков. «Чесмесский бой»); «*В градах и селах пролетая, к величию он всех зовет*» (А.Н. Радищев. «Вольность»); «*Но мне приятно там откушать, <...> где можно говорить и слушать тара-бара про хлеб и соль*» (Г.Р. Державин. «На рождение царицы Гремиславы Л.А. Нарышкину»). В XX веке советская эпоха порождает многочисленные семантически неделимые сочетания, демонстрирующие парность в способе образования и зачастую становившиеся названиями символов эпохи, например, *город и деревня, партия и правительство, народ и партия, рабочие и крестьяне, серп и молот*.

В современном русском языке (рубеж XX–XXI веков) мы наблюдаем продуктивность бинарной модели со значением парности. Парность как модель номинации используется в самых различных областях человеческой деятельности: для названия телепередач, кинофильмов, мультипликационных фильмов («*Человек и закон*» (цикл передач об отношениях человека и правовой системы), «*Елки-палки*», «*Отец и сын*», «*Слова и музыка*», «*Таланты и поклонники*» (названия художественных фильмов), «*Дерзкие и красивые*» (название сериала)), новых товаров, услуг, магазинов (*бальзам-ополаскиватель*, *шампунь-кондиционер* (при обозначении химико-биологического действия и предназначения), «*Мать и дитя*» (туристическая программа компании «Weekend»), «*Беби-мама*» (название магазина)), парные сочетания употребляются в качестве рекламных слоганов («*Philips. Разумно и просто*», «*Благороден и благотворен*» («Демидовский бальзам»)) и т.п. Значение парности можно считать языковой универсалией; парное сочетание, как модель, реализующая принцип двойного отражения действительности, является ментально закрепленным, довольно продуктивным и частоупотребительным способом номинации, который используется с целью определения и интерпретации собирательного понятия.

Отметим, что парность обусловлена не только дуализмом мышления: бинарность связана не только с «двоемирием», но и с видением в ней формы множественности, многофункциональности. Парность, на наш взгляд, как и двоичная система счисления, является способом кодирования информации: путем комбинации двух знаков происходит удвоение, раздвоение или разложение единого смысла на части. В рационалистичном и прагматичном мышлении современного человека закрепляется понимание многих объектов действительности в виде «два в одном», что в вербальном общении выражается в различных смысловых комбинациях в пределах замкнутой двухкомпонентной структуры. Именно этим, возможно, и обусловлена парность в наименовании одного предмета, выполняющего функции двух предметов или имеющего свойства двух предметов, например, *диван-кровать*, *приемник-распределитель*, *словарь-справочник*, *кафе-бар* (совмещение функций двух предметов), *бальзам-ополаскиватель*, *крем-гель*, *крем-пудра* (совмещение химических свойств двух веществ).

Исследование семантической организации и особенностей употребления парных сочетаний позволяет сделать вывод о том, что данные единицы выполняют интерпретирующую функцию, проявляющуюся в создании нового смысла сквозь призму опыта

говорящего, его индивидуального видения мира. По наблюдениям В.В. Колесова, в парных сочетаниях происходит «наложение» гетерогенных символов в результате компоновки новой синтетической модели мира» [Колесов, 1990, с. 28].

Парность, являясь универсальным принципом обозначения различных классов предметов, признаков и явлений, ориентирована в большей степени не на собственно номинацию реалий окружающего мира, а на их осмысление говорящим, пытающимся найти наиболее точные названия предметов и явлений и передать коммуникативно значимый смысл. При этом иногда передача коммуникативно значимого смысла становится второстепенной и на первое место говорящим помещается оценка того или иного факта действительности, личностное восприятие какого-либо объекта. Определяя место категории парности в концептуальной системе русского человека, мы можем сделать вывод о том, что парность является способом интерпретации как неотъемлемого свойства человеческого сознания и, следовательно, относится к категориям, имеющим концептуальную основу и в то же время собственно языковую реализацию в парных сочетаниях, которые можно определить как ментально-лингвальные комплексы, актуальные в когнитивном плане и имеющие возможность использоваться в вербальном общении для интерпретации и оценки передаваемой информации.

Литература

- Болдырев Н.Н. Проблемы исследования языкового знания // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М. ; Калуга, 2007.
- Доброхотов А. Мир как имя // Логос. 1996. № 7.
- Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XIX вв. М. ; Л., 1963.
- Жолобов О.Ф. К теории и истории гендиадиса // Русская историческая лексикология и лексикография. СПб., 2000. Вып. 5.
- Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск, 1990.
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Пименова М.В. Эстетическая оценка в древнерусском тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб. ; Владимир, 2000.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3.
- Юдина Н.В. Сочетания «прилагательное+существительное» в лингвокогнитивном аспекте. М. ; Владимир, 2006.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕСНИ В ПОЭЗИИ А.П. СУМАРОКОВА

В.В. Трубицына

Ключевые слова: фольклор, литература XVIII века, классицизм, жанр, песня, лирическая поэзия, мотив.

Keywords: folklore, literature of XVIII century, classicism, genre, song, lyric poetry, motive.

Народная песня была неотъемлемой частью быта всех слоев русского общества, о чем свидетельствуют документальные источники как русских, так и иностранных авторов: мемуары, письма, записки, дневники, семейные хроники. Так, описывая празднование именин помещика в 1752 году в своих «Записках», А.Н. Болотов вспоминает, что крепостным оркестром «больше всего исполнялось русских плясовых песен, под которые можно было танцевать; кроме музыки, гостей развлекали дворовые девушки своими десьнями» [Колпакова, 1977, с. 98]. На вечерах и приемах при дворах вельмож и цариц песнями развлекались совершенно так же, как на деревенских праздниках и молодежных вечерках. Народные плясовые, хороводные и протяжные песни составляли естественный художественно-эстетический фон воспитания дворянина. Но в силу своего простонародного происхождения песня не могла быть признана средством выражения высоких чувств дворянина и «не отвечала вполне на запросы новонарождающейся русской интеллигенции на западно-европейский лад» [Перетц, 1900, с. 206]. В русской культуре назрела необходимость развития жанра литературной песни, которая, по справедливому замечанию О.Б. Лебедевой, представляла «удобную форму выражения непосредственного частного чувства, изгнанного из высоких жанров официальной литературной иерархии, но властно поощряемого персонализмом новой светской культуры России» [Лебедева, 2000, с. 137].

Александр Петрович Сумароков (1717–1777) одним из первых почувствовал в народной песне – национальной лирической форме – огромный потенциал поэтических форм и языка русской лирики. По замечанию А.М. Новиковой, для народной поэзии XVIII века «был характерен веками сложившийся поэтический стиль и язык, ей был доступен огромный арсенал самобытной поэтики, устоявшиеся жанровые и композиционные формы, с которыми соперничать массовой книжной лирике было не просто» [Новикова, 1982, с. 9].

Сумароков, ощущая себя первопроходцем в создании литературной песни, теоретически обосновывает свое обращение к низкому жанру. Посвятив его описанию значительное место в своей «Эпистоле о стихотворстве» (36 стихов), он утверждает законное и равное положение песни в классицистической иерархии лирических жанров рядом с идиллией, эклогой, элегией, балладой. В статье «О стихотворстве камчатдалов» поэт отмечает, что стихотворство, которое «чистейшим изображением естества назваться может», рождается «чувствием непросвещенным» и мыслями, «единым чувствием провождаемыми», а далее приводит в качестве «изрядного свидетеля» своих рассуждений народную «Камчатскую» песню [Сумароков, 1787, Ч. 9, с. 248].

В собственной поэтической практике Сумароков создает образцы жанра литературной песни на основе как западноевропейской поэтической традиции, так и русской народной поэзии, на тот момент более совершенной, чем произведения русской книжной лирики.

В песенном наследии Сумарокова можно выделить ряд текстов, в которых поэт сознательно обнажает фольклорный элемент. Так, в песнях «В роще девки гуляли» (№ 8)¹, «Не грусти, мой свет» (№ 65), «Где ни гуляю, ни хожу» (№ 70) и «Прости, моя любезная» (№ 94) Сумароков первым вводит в авторскую лирику народный обряд (встреча весны и гадание на венке в праздник Ивана Купалы), который в дальнейшем станет темой многих лирических произведений (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин и др.). Композиционно песня «В роще девки гуляли» представляет собой традиционное сочетание хоровой повествовательно-описательной части и монолога солирующего певца, сопровождаемого регулярным хоровым рефреном-припевом: «Калина ли моя, малина ли моя!». Припев песни в несколько измененном виде так же, как и запев, мог быть заимствован поэтом из песни «Во саду девки гуляли»: «Во саду девки гуляли, / В саду красные гуляли, / Калина, малина. / И цветики срывали, / И венки свивали, / Калина, малина!» и т.д. (из сборника П.В. Киреевского), на что указала А.М. Новикова [Новикова, 1982, с. 58]. В акте заимствования Сумароков соблюдает уже сложившуюся в рамках народной песни традицию переноса «внешнего» припева из одной песни в другую. Такой припев легко переносится, поскольку является «сильно обобщенной, потерявшей свой исходный

---

¹ Здесь и далее нумерация песен дана по изданию: Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. 1–10. – М., 1787 (2-е издание). – Ч. 8. Указанные номера песен соответствуют следующим страницам: № 8 с. 189–191, № 65 с. 254–255, № 70 с. 260–261, № 94 с. 286. Далее тексты произведений Сумарокова цитируются с соблюдением орфографии и пунктуации источника.

смысл формулой параллелизма» [Еремина, 1978, с. 160], лишен индивидуальности, реального символизма и выражает оттенок уже закрепившегося за ним настроения. Для собственно литературной песни припев играет ритмообразующую роль и, как повторяющаяся единица текста, тесно связан с мелодическими повторами.

В зачине описан обряд встречи весны, в котором героиня не желает принимать участия по причине разлуки с «другом». В духе печальных «девичьих» песен о разлуке и измене Сумароков воспроизводит лирическую ситуацию: «приходит весна, но покинутой девушке нет радости ни в чем» [Пропп, 2001, с. 225]. Этот лирический зачин Сумароков использует и в других – не «народных» – песнях: «Прекрасная весна на паство возвратилась, / ... / Но часть моя еще и больше огорчилась» (№ 14), «Вся природа обновлена, / Неприятна мне весна» (№ 54). Описание весеннего обряда Сумароков строит на последовательности ритуальных действий: гуляния в роще, прославление весны, вождение хороводов, плетение венков; в изображении страданий девушки-героини использует традиционные обращения к природе, при этом усиливая их императивный характер, чтобы передать драматизм душевного состояния героини: «Вянь, трава чиста луга, / ... / Не всходи, месяц ясный, / ... / Не свети ты, день красный, / ... / Не плещите вы, воды» (№ 8). Аналогично в другой песне: «Вы вяньте, розы, вяньте, валитесь прочь от лоз, / ... / Престаньте, птички, песни в дубровах воспевать, / Престаньте сей забавой мне бедну досаждать, / ... / Садися, красно солнце, скоряе за леса; / Закройте, густы тучи, от глаз мне небеса, / Ступайте, волки, в стадо, поеште всех овец, / Терзайте мое сердце и сделайте конец» (№ 80). Драматизируя лирическую ситуацию, поэт разрушает народно-песенный канон, демонстрируя «выделение» лирического героя из «хора» и самоощущение «я» «в мире» как независимого, но и неприкаянного: любовная тоска лирического героя впервые становится еще и тоской неслиянности человека с космосом, отлучения его от всеобщей гармонии.

В песне «В роще девки гуляли» Сумароков использует типичные для лирических народных песен риторические фигуры клятвенных признаний в любви, мольбы или укора в неверности. Укор лирической героини в предполагаемой неверности своего «друга» выражается у Сумарокова в антитезе внешней красоты и «сердечности»: прекрасной, но непостоянной и легкомысленной сопернице противопоставляется сама героиня, внешне, возможно, менее красивая, но верная: «Я любила сердечно / ... / И любить буду вечно. / ... / Та прекраснее будет, / ... / Да тебя позабудет. / ... / Ах, а я не забуду, / ... / Сколько жить я не

буду» (№ 8). Последние строки являются широко распространенной фигурой любовной речи – «любовь до гроба», традиционной в фольклоре, в любовных виршах конца XVII – начала XVIII веков, во французской поэзии эпохи Возрождения, с которой был знаком Сумароков. Например, в народной песне «Туманно красно солнышко туманно» (из сборника М. Чулкова) девушка дает обещание долгой памяти о своем возлюбленном: «Я в те поры мила друга забуду, / Когда подломятся мои скорые ноги, / Когда опустятся мои белые руки, / Засыплются глаза мои песками, / Закроются белые груди досками» [Народные лирические песни, 1961, с. 135]. Эта «клятвенная» формула любви станет постоянной в песнях Сумарокова: «Ты так, как прежде мне была, / По смерть мою всегда мила» (№ 77), «Пленник твой, / Пока дух в теле» (№ 78), «Покорилась вся мысль моя, я по смерть уже твоя» (№ 79), «Никто мя не пленит другая, / Доколь продлится жизнь моя» (№ 81), «Ты до смерти будешь мил» (№ 92) и т.п. При этом в своих уверениях героини Сумарокова нередко апеллируют к незыблемости естественных законов природы, уподобляя ей верность в любви. Так, в песне «В роще девки гуляли» убедительным аргументом верности героини становится образ неумолимого и постоянного течения реки: «Не пойдут быстры реки / Ко источнику веки, / Так и мне неудобно / Быть неверной подобно» (№ 8).

Сохраняет Сумароков в указанном тексте и народно-песенный трехударный тонический стих. Но урегулированность рифмы и литературная обработка языка подчеркивают авторское происхождение песни.

Прототипом песни Сумарокова «Где ни гуляю ни хожу» (1765) А.М. Новикова считает народную песню «Грушица, грушица моя» (из сборника М. Чулкова) на основании общего в них обряда гадания. Более существенными представляются некоторые текстовые совпадения, позволяющие утверждать факт заимствования, но тем очевиднее те трансформации народной песни, которые производит Сумароков на пути к литературной лирике. В народной песне «Грушица...» два субъекта речи: автор-повествователь (термин Б. Кормана), эксплицирующий реалии исходной ситуации: «Под грушей светлица стоит, / Во светлице девица сидит, / Слезну речь говорит...», – и лирический герой, монолог которого содержит формульные обращения к «месяцу» и «солнцу» с просьбой о сочувствии его любовному страданию. Затем следует краткое описание душевного состояния в разлуке с «милым другом»: «Грусть превелику держу / ... / Сколь жить на свете тяжело / Без милого друга своего!» – после чего – характерное для хороводной

песни детальное перечисление обрядовых действий гадания на венке: пойду, сорву, совью, пойду, стану, брошу, погляжу: «Тонет ли, тонет ли венок? / Тужит ли, тужит мой дружок» – и результат гадания, обосновывающий предположения о верности / неверности возлюбленного: «Не тонет мой аленький венок, / ... / Знать-то, иная у него» [Народные лирические песни, 1961, с. 160–161]. Упоминание в песне «быстрого Дуная» указывает на ее происхождение от древнего общеславянского корня.

Сумароков формально модифицирует песню: заменяет трехударный тонический стих с нерегулярной глагольной рифмой более регулярным 4-стопным хорямбом с перекрестной рифмой; ликвидирует хоровую повествовательную часть; заменяет обращенный монолог уединенным; в срединную часть вводит адресата – чистое «лирическое ты», – который едва выражен в народной песне; вместо традиционных метафор, коррелятом которых выступают природные стихии, использует бытовые действия и реалии: «Где ни гуляю, ни хожу, / Грусть превеликую терплю; / Скучно мне, где я ни сижу; / Лягу – спокойно я не сплю» (№ 70). Намеренность отталкивания Сумарокова от известного народного источника выдает иное разрешение обряда гадания: в «Грушище...» венок не тонет, и героиня сокрушается о неверности дружка, в песне Сумарокова венок «пошел на дно», «потонул», утешая героиню знаком верности «миленького», «превеликая грусть» сменяется веселостью: «Стала теперь я весела: / Знать что и я ему мила» (№70).

Другим примером литературной обработки фольклорного источника можно назвать песню «Не грусти, мой свет, мне грустно и самой» (1770), восходящую к семейной бытовой песне, повествующей о тяжелой судьбе женщины, выданной против ее воли за нелюбимого: «Муж ревнивый не пускает никуда; / Отвернусь лишь, так и он идет туда. / ... / Ах, несчастье, ах, несносная беда, // Что досталась я такому, молода; // ... // Сокрушил злодей всю молодость мою» (№ 65). Перенос лирической медитации из настоящего времени в прошлое и будущее создает в песне Сумарокова событийный ряд: несчастливое замужество – любовь к «другу» – тайные встречи – клятва верности: «Хоть бы он меня и пуще стал губить, / Я тебя, мой свет, вовек буду любить» (№ 65).

Сюжет любовного адюльтера, трактуемый в народном эпосе (былина «Смерть Чурилы», семейно-бытовые баллады «Князь Роман жену губил», или «Казак жену убил») трагически, а в семейно-бытовой народной песне (песни о «старом муже») сатирически, у Сумарокова разработан в сентиментально-лирической модальности. Подобная трактовка является отражением светского этикета XVIII века, предпри-

сывающего практически обязательное наличие у замужней женщины, по ироничному выражению А.Н. Радищева, «годовых, месячных, недельных или, чего боже упаси, ежедневных любовников» [Радищев, 1971, с. 468]. Придавая светскому флирту высокий поэтический язык, Сумароков вольно или невольно способствовал «воспитанию чувств» в русском обществе.

Песня «Прости, моя любезная, мой свет, прости» (1770) тематически близка к народным солдатским песням (прощание с родными, тяготы военной службы и тоска по «родной сторонке») и воспроизводит ситуацию расставания молодого человека со своей возлюбленной по причине ухода на военную службу. Лирический герой обращается к «любезной» с прощальным словом, которое содержит размышление о будущей судьбе, о том, что ждет героя «назавтрее», и утешение плачущей возлюбленной: «Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез», – что соответствует эмоциональному комплексу народно-песенных «плачей» и «причитаний» во время проводов рекрута в солдаты: «Не ведомо мне то, увижусь ли с тобой, / Ин ты хотя в последний раз побудь со мной» (№ 94). Сумароков рисует два возможных исхода военной службы для своего героя: возвращение домой с победой или героической смертью. В первом случае он утешает возлюбленную обещанием щедрых подарков: «что я отголь с победою приду к тебе. / ... / А если алебарду заслужу я там, / С какой явлюся радостью к твоим глазам! / В подарок принесу я шиты башмаки, / Манжеты, опахало, щегольски чулки». Во втором случае утешением должна стать смелость и отвага героя, с которой он защищался и разил, «дрался с такой горячностью, с какой любил» (№ 94).

В своих творческих исканиях Сумароков, несомненно, стремился опираться на «темы, образы, словарь и даже ритмику» [Гуковский, 1941, с. 416] подлинных народных песен. Но обращение к фольклору не носило, на наш взгляд, характер подражания, стилизации, а было естественным поиском национальной формы нового лирического жанра. Тот факт, что «его произведения не стали близки народу», А.М. Новикова рассматривает как следствие неудачной попытки Сумарокова создать «русскую песню». Но Сумароков создавал именно литературную лирику, сознательно отталкиваясь от фольклорной песни, экспериментируя с ее мотивами, образами, ритмикой и языком. И в этом его значение. Не случайно А.С. Пушкин, скептически оценивавший поэзию Сумарокова, отметил его песенное творчество и включил его имя (единственного из поэтов) в проект будущей статьи о русских песнях (1831).

Литература

- Гуковский Г.А. Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы : в 10 т. Т. 4: Литература XVIII века. Ч. 1. М.; Л., 1941.
- Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978.
- Колпакова Н.П. Песни и люди. О русской народной песне. Л., 1977.
- Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века : учебник. М., 2000.
- Народные лирические песни. М., 1961.
- Новикова А.М. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX веков и народная песня : учебное пособие. М., 1982.
- Перетц В.Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1: Из истории русской песни. Ч. 1. СПб., 1900.
- Пропп В.Я. Сказка. Эпос. Песня. М., 2001.
- Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. 1–10. М., 1787 (2-е издание).
- Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Русская проза XVIII века. М., 1971.

ПО СЛЕДУ ЧИЖЕВСКОГО: ФИЛОСОФИЯ ГЕГЕЛЯ В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ РОССИИ 1840-х ГОДОВ

Е.К. Созина

Гегель, очевидно, приписал диалектике слишком большую роль; он, очевидно, не понял своего века, века, столь поглощенного идеей практической, нетерпеливо стремящегося добиться цели; дойти *до реальности*, пользуясь выражением, заимствованным у самого Гегеля.

П.Я. Чаадаев

Он <Гегель> так и не узнал, насколько был прав.

Ж. Батай

Ключевые слова: философия Гегеля, русский реализм, натуральная школа, антропологизм, метаязык культуры.

Keywords: philosophy of Hegel, Russian realism, natural school, antropologism, cultural metalanguage.

В 1939 году, ровно семьдесят лет назад, в Париже была издана книга Д.И. Чижевского «Гегель в России». По сию пору она остается,

выражаясь тривиально, настольной книгой для всех, кто изучает русскую философию и русскую литературу XIX столетия. Попробуем хотя бы частично – в одном из многочисленных сюжетов истории русского духа, прочерченных Чижевским, пойти по его «следу» и, в свою очередь, разметить некоторые ситуации русской литературы, содержащие прямую или косвенную отсылку к Гегелю. Некоторые из этих ситуаций уже были нами рассмотрены в предшествующих работах, в этом случае ограничимся здесь простым напоминанием или кратким пересказом.

Итак, в книге «Гегель в России» Д.И. Чижевский проследил эволюцию увлечения русских гегелевскими идеями и методом его философии, отметил этапы проникновения самого духа этой системы в сознание России, особое внимание обратив на «неистовое гегельянство» эпохи 1840-х годов, когда отечественная мысль осуществляла первое и наиболее сильное «погружение» в философию Гегеля. Он выделил ряд проблемных точек, означающих особый угол зрения русских «учеников» 40-х годов на философию «учителя». В частности, это массовое увлечение интеллигенции философией наряду с отталкиванием от нее и страхом «перед опасностями мысли» [Чижевский, 1939, с. 34], попытка непосредственно применить Гегеля к развитию русского самосознания и русской жизни, проблематизация поиска смыслов в самой «действительности» – и тем самым ее «оправдание» [Чижевский, 1939, с. 55], наконец, разочарование в гегелевской философии истории, через которое прошел едва ли не каждый из его ретивых «учеников».

Своеобразное и, судя по всему, независимое продолжение логики Чижевского мы нашли у современного философа А.М. Пятигорского. В одном из интервью он говорил о том, что всей мыслью России «Гегель – не прожит», хотя его же философия стала «огромным соблазном для последующих поколений немыслящих философов» [Пятигорский, 1996, с. 291]. В определенном смысле эти два автора дополняют друг друга, образуя крайние точки диалога, пространство которого занимает содержание проблемы «Гегель в России». «Замечательное десятилетие», как назвал русские 1840-е годы П.В. Анненков [Анненков, 1989], стало, пожалуй, одним из наиболее сильных контрапунктов указанного диалога. В его пределах совершилась кардинальная, этапная философская эволюция русской интеллигенции (даже не эволюция, а *революция*), происходившая под знаком Гегеля.

Предшествующий период, 1830-е годы, как известно, был посвящен постепенному освоению русской интеллигенцией философии немецкого идеализма. От Шеллинга и Шиллера, через Канта и Фихте,

русская мысль в конце 30-х годов открывала для себя Гегеля. В 1840-е годы Гегель стал своего рода «знаменем» «сознательной эпохи», которая, как писал о том В.Г. Белинский, сменила предшествующую, «созерцательную» [Белинский, 1948, с. 446]. Значение этой новой эпохи критик видел в «разумении значения фактов» («Теперь факты – ничто, и одно знание фактов тоже ничто, но... все дело в разумении значения фактов» [Белинский, 1948, с. 446]), то есть в отыскании смыслов самой «действительности», «жизни», на что как на основную черту периода указывал Д. Чижевский: «Существо “40-х годов” – не в философском чтении (как в 30-е годы. – Е.С.), а в философском мышлении. <...> “Дела семейные”, характеры друзей и знакомых, даже собственные и чужие денежные заботы, все делается предметом философского анализа – или по крайней мере облекается в философскую словесную одежду» [Чижевский, 1939, с. 55–57]. Оснований подобного утверждения много – это картины философских прений «людей 40-х годов», запечатленные в «Былом и думах» А. Герцена, в романах И. Тургенева, это переписка Н. Станкевича, В. Белинского, М. Бакунина, А. Герцена, наконец, это разнообразные мемуары и воспоминания современников и участников той эпохи.

Но быть «в сознании» для Белинского значило осуществить практическое тождество бытия и мышления. А следовательно, речь шла о попытке русских людей 40-х годов объединить теорию и жизнь, совершить прямой выход из философии в сферу практики, найти законы, которые управляют жизнью человека и общества, тогда как ранее, в 20–30-е годы, эти законы просто предполагались, имелись в виду, не познавались, но *угадывались* и постулировались, от личности требовалось только им следовать. На языке Белинского, Герцена – через призму воспринятого ими Гегеля – искомый синтез знания и жизни именовался *конкретным* знанием. Его поиск русской мыслью шел не только от ориентиров, заданных философией Гегеля, но и от органики исторического развития русского духа – от того, что Чижевский назвал, в применении к 1840-м годам, «неавтономным характером философского интереса» [Чижевский, 1939, с. 34]. Ярчайшим символом этой «неавтономности» выступает, например, Н.В. Станкевич, вплоть до конца 30-х годов направлявший философское развитие своих друзей и «путчиков». «...Я ищу истины, но с нею и добра» [Станкевич, 1982, с. 111], – формулировал он цель и принцип своих философских исканий.

О стремлении русской мысли к «живому знанию», «знанию-вере», впоследствии немало писали и Вл. Соловьев, и Н. Бердяев, и

В. Зеньковский. Но важно, что именно в 40-е годы состоялась обозначенная Чижевским целостная и синтетическая попытка русских умов «соединить знание и веру» [Чижевский, 1939, с. 24], полем же этого соединения выступало философско-культурологическое осмысление русской истории, повлекшее за собой вполне конкретные (хотя и не те, что ожидалось) итоги в виде политического размежевания русской мысли. И. Тургенев говорил позднее о своем поколении: «...Мы тогда в философии искали всего на свете, кроме чистого мышления» [Тургенев, 1976–1979, т. 11, с. 259]; эта черта, по-видимому, относится к числу характеристических свойств русского духа, ее имел в виду и Пятигорский в приводимом выше суждении. Характерно, что устами своего героя, «Гамлета Щигровского уезда», тот же Тургенев подверг критике прямое перенесение философских идей в русскую жизнь: «Что общего, скажите, между этой энциклопедией и русской жизнью? И как прикажете применить ее к нашему быту, да не ее одну, энциклопедию, а вообще немецкую философию... скажу более – науку?» [Тургенев, 1976–1979, т. 1, с. 256].

Однако в романе «Рудин», к которому также дает отсылку Чижевский, характер изображения и оценка героя, представляющего своего рода «зеркало» философских кружков конца 30-х – начала 40-х годов, радикально меняются. По мере движения романа фабульно Рудин мельчает, а образ его укрупняется, становится глубже и проблемнее. Автор стремится к тому, чтобы мы увидели, распознали *смысл* бесконечных блужданий и, казалось бы, безответственной пропаганды Рудина, об этом говорит и его внутрисюжетный антагонист Лежнев, который из обвинителя превращается в защитника Рудина перед пародирующим его путь Пигасовым и перед ним самим: «Ты назвал себя Вечным Жидом... А почему ты знаешь, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное предназначение...» [Тургенев, 1976–1979, т. 2, с. 126].

Вопрос о возможном и высшем предназначении Рудина так и остается вопросом: он погибает нелепо и по видимости бессмысленно, не разрешив его ни своей жизнью, ни смертью. Но в художественно-философском мирозерцании Тургенева, направление которого четко совпадало с основной тенденцией художественного сознания России той поры¹, вопрос о *предназначении*, центральный для романтической

---

¹ В. Зеньковский относил Тургенева, наряду с Герценом, к числу «полупозитивистов», имея в виду скептическую установку писателей в отношении высших начал и ценностей, а попросту говоря, атеизм, к которому они пришли в ходе жизни [Зеньковский, 1993].

парадигмы 30-х годов, высвечивается как проблема *смысла*. Ведь в контексте всеобщей деонтологизации русской мысли, парадоксально начавшейся с освоения Гегеля, *значения* преобразуются в *смыслы*, соизмеряемые и находимые человеком в пространстве собственной жизни, а потому, как и личность тургеневского Рудина, всегда могущие быть подвергнутыми сомнению (тогда как *значения* несут печать почти непререкаемой истины). Философия в те годы начинала заменять религию, и само это положение, и вытекающие из него следствия также были прочерчены Чижевским.

Под знаком Гегеля в 40-е годы происходило созидание культуры и ее философское обоснование: религиозное – у славянофилов, чисто светское – у западников в лице Белинского, Герцена, Грановского и др. Еще раз сошлемся на Чижевского: «Основная тема 40-х годов – творчество, создание русской культуры» [Чижевский, 1939, с. 32]. Эта мысль перекликается с высказываниями как современников, так и исследователей периода. Указывая на различие между западниками и славянофилами, П.В. Анненков писал: «Разногласие сводилось окончательно на вопрос о *культурных способностях* (здесь и в следующей цитате курсив наш. – Е.С.) русского народа...» [Анненков, 1989, с. 266]. Как «две культурно-психологические установки» рассматривал эти партии Г. Флоровский, толкуя их расхождение как «разномыслие» «в понимании *основного принципа – культуры*» [Флоровский, 1991, с. 249]. Именно культура, занимая промежуточное место между теорией и жизнью, идеей и действительностью, начинает выполнять роль технологического, орудийного компонента (вне которого «идея», спущенная в «жизнь», нередко меняется на свою противоположность), а затем, и довольно быстро, – роль «культы», то есть самой религии.

Последнее оказалось возможным в силу происходящей на рубеже 1830–40-х годов переориентации сознания русской интеллигенции: теоцентрическая, мифориторическая, романтическая парадигма сменяется парадигмой антропоцентрической, исторической, реалистической. В сфере философии это означало отказ от Гегеля и наступление эры позитивизма – «трезвого знания» (А. Герцен): ведь, как неоднократно поминал Чижевский, «дальше Гегеля» его русские ученики не пошли, ибо идти дальше было просто некуда [Чижевский, 1939, с. 143] – Фейербах не имел столь сильного влияния, как предшествующие ему фи-

---

Д. Чижевский определял мировоззрение Тургенева как «антропологический пантеизм», затем сместившийся в сторону пантеизма «натуралистического» [Чижевский, 1939, с. 163].

лософы, и популярность его в России была эпизодической и недолгой. Парадоксальность русского освоения Гегеля состояла в том, что период его наибольшей распространенности стал периодом и наибольшего разочарования в нем (самый яркий и известный пример, прекрасно разобранный Чижевским, – философская эволюция Белинского).

В области литературы эти сдвиги означивались складыванием в лоне натуральной школы, созданной усилиями Белинского, нового направления и новой, реалистической, стратегии письма. Поиск смыслов проращивался письмом и в письме, которое ранее, в 30-е годы, нередко выступало органом житнетворения личности и ее биографии. Параллельно шел поиск путей дальнейшего развития страны и ее исторических корней, по-разному представленный в трудах «славян» и «европейцев». Характерно, что освоение философии Гегеля и волюнтаристское отбрасывание ее в сторону в среде русских «европейцев» (проживали, но «не прожили») как раз и способствовало принятию культурой несвойственного ей ранее статуса: А. Пятигорский отмечал, что у Гегеля, по-видимому первого из европейских философов, философия и религия становятся одним и тем же [Пятигорский, 1996, с. 291]. Отождествление этих двух, принципиально различных форм сознания создало необходимые предпосылки для сосредоточения в культуре функций не просто «надындивидуального интеллекта» (Ю.М. Лотман), но источника сугубо человеческого знания и человеческих же *ценностей* – притом что иные и превышающие человеческое сознание в тот период были девальвированы, подвергнуты тотальному сомнению и отрицанию. Культура сосредоточивает в себе функции метаязыка, который активно используют литература, историософия, публицистика: так, на протяжении XIX века складывается интертекстуальное поле русской литературы, и уже Пушкин, Лермонтов, Гоголь для последующих писателей выступают в качестве «элементов» этого вторичного языка мета- (а метаязыки, что называется по определению, существуют на уровне вторичных моделирующих систем) или прототекстов¹.

«Если в 40-х годах в России “время гегельянствовало”, то после 40-х годов оказалось возможным быть гегельянцем, об этом ничего не зная», – писал Чижевский [Чижевский, 1939, с. 36]. Это утверждение вполне применимо не только к тем, кто жил и писал позже, но и к самим «людям 40-х годов». В те годы формируется новая жанровая форма – реалистический роман, развивавшийся затем через весь XIX век и

---

¹ Более подробную разработку этой темы см. в нашей работе: [Созина, 2001, гл. 3].

ставший славой и гордостью русской культуры. В романах А. Герцена («Кто виноват?») и И. Гончарова («Обыкновенная история») создается новая повествовательная техника – система реалистических мотивировок, обращающая внимание читателя на характерное для натуральной школы решение проблем «человек и обстоятельства», «натура и среда», «личность и век». Пытаясь угадать скрытые закономерности развития культурного организма, мы можем предположить, что значение гегельянства для художественного сознания России состояло именно в том, чтобы дать философское обоснование новому литературному методу и направлению. Если в историософии и публицистике осваивались в основном философско-исторические идеи Гегеля, то в литературе позиционировалась гегелевская антропология: идея антропологизма становится стержневой для классического русского романа, а по исследованию Г. Шпета, антропологический контекст в целом характерен для всей европейской культуры середины XIX века. [Шпет, 1921].

А.И. Герцен, будучи широко образованным и философски ориентированным человеком, Гегеля читал и знал, хотя вряд ли он целенаправленно вводил его антропологические концепты в свои художественные произведения: скорее, это происходило методом «бессознательного усвоения». Ожидать чтения немецкой философии от И.А. Гончарова достаточно трудно: в начале 30-х годов он был студентом Московского университета вместе с Белинским и др., но в ту пору Гегель был еще не в моде. Гончаров мог ознакомиться с его философией из разговоров в кружке Н.А. Майкова, с которым он сблизился в конце 30-х годов, а затем – из непосредственного общения с Белинским, формировавшим круг писателей натуральной школы, из словаря его критических работ. Поэтому нас не должен удивлять тот факт, что в основе внутрисюжетной эволюции героя первого романа Гончарова, скоротечность и «немотивированность» которой неоднократно вызывала озабоченность как тогдашних критиков (В. Белинского), так и современных исследователей, лежит модель философской антропологии Гегеля.

В «Обыкновенной истории» Александр Адуев представляет из себя воплощенный образ «душевного человека», выражающего христианско-антропологическую идею становящейся, незаконченной человеческой природы. Обратим внимание на то, что именно жизнь «сердца», «души» – центральных концептов поэтико-мифологической антропологии не только Гончарова, но и подавляющего большинства русских классиков XIX столетия – питает существование Александра

вплоть до его сюжетного отъезда в деревню. К истории его души, выдержанной в логике возрастного, природно-органического развития, сводится вся *обыкновенная* история этого юноши, необыкновенного по своей сердечно-эмоциональной активности, но обыкновенного по типичности, нормальности протекания в нем жизни вообще.

Концепт «душа» («сердце») буквально «на языке» у всех персонажей романа, им активно пользуется повествователь: «Боже, боже! – говорил он (Александр. – *Е.С.*) в отчаянье, – как тяжело... Дай мне это мертвое спокойствие, этот *сон души*... (здесь и далее в цитатах курсив наш. – *Е.С.*)» [Гончаров, 1977, с. 148]; «*Сердце* любит до тех пор...» и «*С сердцем* напрямик действовать нельзя...» [Гончаров, 1977, с. 162, 165] – Петр Иванович Адуев; «...*сердце* у него бьется или не бьется по приговору головы» [Гончаров, 1977, с. 214] – повествователь о дяде; «Ум начинал засыпать, а *сердце* бить тревогу» [Гончаров, 1977, с. 229] – о Юлии Тафаевой; «*В душе* было дико и пусто, как в заглушенном саду» [Гончаров, 1977, с. 258] – об Александре; «Боже!.. когда теплота веры не греет *сердца*, разве можно быть счастливым!» [Гончаров, 1977, с. 310] – из внутреннего монолога Александра, и т.д. Сама *душа* в понимании Гончарова – нечто живое, смена ее состояний означает изменения в жизни всего человеческого организма: душа – это подлинная самость человека, подчиняющаяся общеприродным законам. Поэтому в состоянии «сна души» человек уподобляется мертвецу. Для Петра Ивановича Адуева душа или сердце (в данном случае мы не акцентируем смысловое различие концептов) – «инструмент», хотя и «мудреный»; он требует умелого обращения, может «сломаться». Так уже в первом романе Гончарова постулируются две антропологические концепции: человека как природно-органического существа и человека-машины – детища наступающей технократической буржуазной цивилизации. Во втором романе писателя они будут с еще большей яркостью воплощены в образах Обломова и Штольца.

Поэтому Александр не может измениться так, как это требуют от него дядя и сам «век»; с трудом поддается жизненному воспитанию. Однако этапы его органического, естественного развития вполне сопоставимы со стадиями бытия «души», явленными в «Философии духа» Гегеля. Стадия «природной души» сменяется, по Гегелю, стадией души «чувствующей», а затем, как высшим этапом развития, плавно переходящим в сознание, – душой «действительной». К концу основной части романа Александр словно замирает; увядает и пустеет его «душа», он теряет всякий вкус к жизни и, исполненный разочарования, едет в деревню. Саму депрессию Александра можно рассматривать как «окук-

ливание» гусеницы прежде, чем из нее вылетит бабочка. В родном «благодатном застое» эта «бабочка» и появляется на свет: «...я вышел из тьмы...» [Гончаров, 1977, с. 316], – сообщает он в письме дяде и тете, поясняя далее, что «...дошел до того рубежа, где – увь! – кончается молодость и начинается пора размышлений, проверка и разборка всякого волнения, *пора сознания*» [Гончаров, 1977, с. 316]. В категориях души как природного организма Александр даже не повзрослел, а состарился и «заснул» (то есть умер). В филогенезе души, по Гегелю, у гончаровского героя сформировалась «действительная душа», вернувшаяся «к себе самой», присвоившая себя, выступающая «в абстрактной свободе своего “я”» и ставшая сознанием.

«Действительная душа», согласно Гегелю, живет *привычкой*, ибо в привычке «индивидуальные определения души приобретают форму чего-то *сущего, самому-себе-внешнего*...» [Гегель, 1977, с. 132] (курсив автора. – Е.С.). Именно привычкой до поры до времени и предпочитал жить Петр Иванович Адуев, к ней он сводил все индивидуальные чувства, и в первую очередь любовь. Рационализм гегелевского (и догегелевского) толка должен был бы торжествовать в нем свою победу. Но старший Адуев терпит фиаско уже в сюжете романа, эпилог добавляет иронии. В «Эпиплоге» романа Гончарова мы как раз и наблюдаем внешне не мотивированное превращение Александра в «действительного человека» (этот популярный в 40-е годы термин Гегеля часто употреблял Белинский): художественная мотивировка заменяется здесь идеологической, внетекстовой. Теперь герой полностью владеет и своим телом, и своей ушедшей в привычку, в «сон» душой, он привел себя в соответствие со стандартом преуспевающего петербургского чиновника, стал «румян», солиден и жизнерадостен, впервые занимает деньги у дяди и собирается жениться по расчету. Его душа здесь более не поминается – она полностью «объективировалась» в материальный, «действительный» мир. Дядя так и не дает своего последнего совета племяннику – финал, подобно самой «истине», остается релятивным, о чем в свое время хорошо писал В.М. Маркович [Маркович, 1982, с. 97–108]. Однако ироническая оценка автором этого «нового», «действительного» Александра поневоле распространяется и на гегелевский концепт, и роман становится еще одной, весьма примечательной и пространной репликой в той долгой полемике, что вела русская мысль с великим немецким систематиком¹.

¹ В одной из последних работ о Гончарове история Александра, его «следование от женщины к женщине» рассматривается как «странствие души в поисках абсолюта». «...Все

Неверная интерпретация конечных выводов гегелевской философии духа (о чем писал Чижевский), вызвавших столь жгучее негодование Белинского, отчасти мотивирует последовавший в те же годы, хотя не только по этой причине, откат русской мысли на позиции позитивизма. Ирония пронизывает многие тексты русской литературы конца 1840-х – начала 1850-х годов. Используя гегелевские категории, вошедшие в словарь Белинского и Герцена, можно сказать, что ее источником было противоречие между мыслящей индивидуальностью («самосознанием») и «субстанциональными» началами русской жизни, лишенными какой-либо рефлексии и устремленности к смыслополаганию. В 1847 году А.И. Герцен создает повесть «Доктор Крупов», где устами героя излагает историю «повального» сумасшествия рода людского. Как писал Э. Бабаев, «философская соль» повести – «в преодолении гегелевской “прекраснодушной” теории о том, что “все действительное – разумно, а все разумное – действительно”» [Бабаев, 1981, с. 12–13]¹. Однако ирония Герцена-автора в этом произведении охватывает все уровни текста и в первую очередь окрашивает образ рассказчика, несмотря на то, что автор отчасти разделяет убеждения доктора Крупова. Крупов означил состояние радикального сомнения и скептицизма, в которое «вошло» сознание Герцена – для него гегелевский панлогизм был уже неприемлем. Полемика с Гегелем была продолжена в творчестве писателя далее: в повестях «Поврежденный» (1951) и «Aphorismata: по поводу психиатрической теории д-ра Крупова» (1969), в «Былом и думах».

Ирония становится конструктивным принципом драматургии А.Н. Островского, это проявляется уже в первой большой его пьесе «Свои люди – сочтемся» (1850), которую, под названием «Банкрот», Островский писал, будучи в кружке Ап. Григорьева, проникнутого духом гегельянства и затем составившего ядро молодой редакции журнала «Москвитянин». Заглавия многих пьес Островского пословичны и в соотношении с сюжетом воспринимаются иронично, а сама ирония «задним числом» выявляется как двигатель действия, носитель амби-

---

происходящее в романе, – пишет Т.Л. Шумкова, – заключено в романтическую раму *тезис – антитезис – синтез* (Золотой век – Железный век – Золотой век), внутри которой пародийно высвечиваются веки духовного пути героя, следующего, подобно шлегелевскому Юлию, от женщины к женщине» [Шумкова, 2007, с. 335–336]. Логика автора вполне согласуется с нашей позицией, хотя мы понимаем иронию и более прагматически, и более расширительно, не замыкая ее контекстом романтической традиции.

¹ Нашу трактовку этой и ряда других повестей Герцена со сквозным персонажем доктором см.: [Созина, 2005].

валентного смысла всего произведения и выразитель точки зрения автора, не совпадающей с оценкой ситуации по всеобщей морали пословицы – «культурного кода», или «кода знания», согласно Р. Барту [Барт, 2004, с. 32].

Так, в комедии «Свои люди – сочтемся» заглавие, явленное в слове главного героя (в 11-ом явлении первого действия Большов говорит Подхалюзину: «Сочтемся как-нибудь» [Островский, 1949, с. 45]), иронически контрастирует с действием и резонансом ударяет в самого купца Большова, который по милости приказчика угодил в долговую яму. Циничность пословицы подчеркивается ее использованием Подхалюзиним, когда Большов уже объявлен банкротом, а бывший приказчик стал полновластным хозяином его богатств: «Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди – сочтемся» [Островский, 1949, с. 79]. Е.Г. Холодов писал: «Философия комедии отменяет философию пословицы» [Холодов, 1967, с. 159], но мы бы сказали – не «отменяет», а выявляет ее узость, несостоятельность, своего рода циническую двуличность, или релятивность. По-видимому, сама смена вариантов заглавий пьесы: от «Несостоятельного должника» к «Банкроту» и лишь затем – к «Свои люди – сочтемся» – подчеркивает важность для автора не столько даже событий, описанных в комедии, сколько их этического смысла, который, если вспомнить разные трактовки пьесы современниками драматурга (Н. Добролюбовым, А. Григорьевым и др.), может получать разные интерпретации. Сама новоиспеченная «действительность», взращенная всевластным деспотизмом в соединении с патриархальным простодушием хозяев старой России, иронически отзывалась на попытку применить «идею» к жизни, а жизнь видеть с позиций прогрессивного убывания в ней дурного и нарастания лучшего. Трагический пафос Белинского в литературе трансформировался в комический модус художественности.

Конечно, ирония в адрес «действительности» и человеческих сил, не могущих объять и познать эту «стоголовую гидру» (М.Е. Салтыков-Щедрин), зачастую определявшая эстетические установки литературы указанного периода, не была связана исключительно с оценкой Гегеля, но во многом вызывалась и стимулировалась последствиями его освоения российской интеллигенцией. Ранее мы говорили о специфически русской потребности искать практический, нравственный смысл в любой философеме и теоретической гипотезе. Вероятно, «сущность» здесь оказывается неотделима от условий ее «существования»: имея в виду извечные ссылки на «славянский» или «русский» характер, Д.И. Чижевский писал о «специфических условиях русской жизни»

[Чижевский, 1939, с. 14] – они требовали настоящего осмысления и ответа по типу «внедрения», которое и пыталась осуществить демократически настроенная интеллигенция.

Литература

- Анненков П.В. Замечательное десятилетие: 1838–1948 // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989.
- Бабаев Э.Г. Художественный мир А.И. Герцена. М., 1981.
- Барт Р. S / Z. М., 1994.
- Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1948. Т. 2.
- Гегель Г.В. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М., 1977.
- Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. М., 1977.
- Зеньковский В.В. Миросозерцание И.С. Тургенева: К 75-летию со дня смерти // Литературное обозрение. 1993. №11.
- Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л., 1982.
- Островский А.Н. Полное собрание сочинений : в 16 т. Т. 1. М., 1949.
- Пятигорский А.М. Избранные труды. М., 1996.
- Созина Е.К. Сознание и письмо в русской культуре. Екатеринбург, 2001.
- Созина Е.К. Доктор Крупов и другие // Кормановские чтения. Вып. 5. Ижевск, 2005.
- Станкевич Н.В. Избранное. М., 1982.
- Тургенев И.С. Собрание сочинений : в 12 т. М., 1976–1979.
- Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
- Холодов Е. Мастерство Островского. М., 1967.
- Чижевский Д.И. Гегель в России. Париж, 1939.
- Шумкова Т.Л. Ирония в русской литературе первой половины XIX века в свете традиций немецкого романтизма. М., 2007.
- Шпет Г. Философское мировоззрение Герцена. Пг., 1921.

К ВОПРОСУ ОБ ЭССЕИЗАЦИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ ЭПОХИ ГЛАСНОСТИ

М.В. Ерохина

Ключевые слова: эссе, литературные журналы, литературная критика, публицистика, гласность.

Keywords: essay, literary magazines, literary criticism, social and political journalism, glasnost.

Одной из характеристик литературно-критического процесса второй половины 1980-х годов было стремление критиков к соединению в рамках одного материала различных форм аналитической мысли – художественной, философской и публицистической. В корпусе литературно-критических статей рассматриваемого периода можно найти достаточное количество примеров такого жанрово-родового синкретизма (см.: [Аннинский, 1989; Кожин, 1991; Сарнов, 2007]).

Примеры эти подтверждают начало процесса эссеизации литературной критики, под которым М. Эпштейн понимает «распространение эссеистического принципа мышления на другие жанры и типы творчества» [Эпштейн, 1988, с. 347]. Мы намерены сформулировать основные предпосылки жанровых подвижек в литературной критике эпохи перестройки и проанализировать процесс эссеизации литературной критики на примере журнальных литературно-критических статей второй половины 1980-х годов.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов произошло кардинальное изменение социокультурной ситуации, своего рода тектонический сдвиг, в результате которого обесценились многие реалии прежней эпохи, не говоря уже об их идеологически ангажированных интерпретациях.

Стремление критиков говорить с «массами» на понятном для них языке и о понятных им вещах, равно как и желание обогатить обычный набор литературно-критических жанров, приемов и форм чисто журналистскими, впервые подчеркнул в 1988 году Сергей Чупринин: «Наряду с критикой, так сказать, традиционной, по-профессорски солидной стала стремительно нарождаться (народилась уже) критика нового, непривычного для России типа – я бы назвал ее «массовой» или, если угодно, «поп-критикой». Имя Татьяны Ивановой – постоянной обозревательницы сначала «Советской России», а затем «Огонька», «Книжного обозрения» и журнала «В мире книг» – для такой критики эмблематично <...> Очевидная каждому разница между Т. Ивановой с одной стороны, и Н. Ивановой, Н. Ильиной, Б. Сарновым, Ст. Рассадным – с другой, есть разница по преимуществу в уровнях, но не в типе литературно-критического высказывания» [Чупринин, 1989, с. 97–98].

Процесс, о котором говорит Чупринин, может быть интерпретирован как растущее своеобразие индивидуальных стилей писателей за счет обогащения их содержательными и формообразующими признаками эссеистичности. Под эссеистичностью мы понимаем такую особенность текста, которая проявляется в непосредственном выражении личности писателя, его видения мира, отношения к различным обще-

ственным проблемам своей эпохи, постановку онтологических проблем, сочетание художественного и научного способов постижения мира, что в целом определяет и стилистические особенности произведения [Степанова, 2007, с. 262].

Для наиболее полного осмысления процесса эссеизации литературной критики необходимо прежде всего дифференцировать жанры литературно-критической статьи и эссе. Данные жанры допускают самые различные подходы как в постановке проблем, так и в способах их решения – аналитический, литературно-теоретический, прогностический, – поэтому и границы жанров оказываются размыты.

А. Тертычный в качестве основных жанровых черт публицистической статьи выделяет анализ, основанный на фактах и логической аргументации, четко сформулированные основные тезисы выступления, а также наличие предложений по решению проблемы или условий решения общественно-значимых задач.

Литературно-критическая разновидность публицистической статьи рассматривает подобные вопросы сквозь призму материала, предложенного создателем художественного произведения. Автор литературно-критической статьи, отмечает Тертычный, не только дает общую оценку содержания и манеры автора, но и трактует значения тех или иных компонентов, характеризует произведение как в ряду работ одного автора, так и в общем литературном процессе. Если статья публицистична, критик рассматривает значимые проблемы, трактуемые писателем, сам факт появления произведения в контексте современности и авторскую оценку происходящего, а также то, какую роль в общественной жизни может сыграть произведение или обсуждение поднятых в нем вопросов [Тертычный, 2002, с. 232].

Е. Прохоров указывает, что публицистика предлагает особый тип ориентации – «не столько в законах действительности и в эпохах развития общества, сколько в текущих событиях во всем их многоцветии и разнообразии» [Прохоров, 1993, с. 224]. Б. Егоров, исходя из материала критики XIX века при описании идентичного жанра, использует термин «проблемная статья» и передает ее историческую специфику следующим образом: «именно здесь происходило формулирование и разъяснение понятий и терминов, разработка теоретических концепций» [Егоров, 1980, с. 53], «в целом, здесь преобладали синтез, завершенность анализа и открытость композиции» [Егоров, 1980, с. 37–38].

Важным моментом остается утверждение, что синтез здесь совершался при относительно большой свободе средств выражения. Именно благодаря этой свободе, жанр проблемной статьи с точки зре-

ния структурных особенностей и стиля изложения коррелирует со всеми формами интеллектуального письма: если преобладает ассоциативно-импрессионистический подход, жанр сближается с эссе; если конкретный анализ материала – с рецензией; если же основное содержание составляют литературно-теоретические рассуждения, статья носит характер научного исследования [Менцель, 2006, с. 165–169].

Если рассматривать корпус литературно-критических журнальных статей второй половины 1980-х годов, то можно сделать вывод о преобладании двух типов материалов. С одной стороны, это логически выстроенные и четко структурированные статьи, где через обсуждение литературных произведений постулируются определенные социально-антропологические идеи. В качестве типичных примеров можно привести дискуссии о романе А. Рыбакова «Дети Арбата» в журналах «Наш современник», «Октябрь», «Знамя», «Молодая гвардия»; дискуссии о поэме А. Твардовского «По праву памяти» на страницах журнала «Знамя»; обсуждение военной темы в творчестве отдельных поэтов и прозаиков в «Молодой гвардии», «Знамени» и «Огоньке».

Заметим, что содержательно статьи организованы как объемнейшие комментарии не столько художественного текста, сколько его литературно-социального контекста, то есть экспликативные высказывания доминируют над дескриптивными¹. Характерно, что общая значимость художественных текстов определяется не столько в соотношении с какой-либо эстетической традицией, сколько в категориях «актуальности / неактуальности». Авторское внимание предельно сконцентрировано не на творческом, а на общественно-социальном измерении литературы; функциональное воздействие статей реализуется прежде всего в нормативном и идеологическом аспектах.

Б. Менцель отмечает следующую особенность стиля авторских размышлений: «В некоторых статьях, особенно на темы новой литературы, применение дедуктивного метода ведет к тому, что критики довольно поверхностно касаются творчества относительно большого числа новых авторов, раньше нигде и никем не подвергавшегося серьезному анализу. Произведения лишь бегло рассматриваются пол углом зрения определенной концепции либо заносятся в те или иные классификационные ячейки, – словом, они служат критике в качестве аргу-

---

¹ Под дескриптивными высказываниями мы понимаем обсуждение содержательных и формально-языковых признаков литературного текста; под экспликативными – исследование текста в его внутреннем и внешнем контексте истории литературы и общества [Менцель, 2006, с. 14].

ментов, пригодных для обоснования его оригинальной теоретической конструкции» [Менцель, 2006, с. 165–166].

Отметим, что статьи рассматриваемого нами периода имеют еще один недостаток с точки зрения литературной коммуникации – замкнутость коммуникативного поля исключительно на литературно-критической сфере. Как справедливо пишет Б. Менцель: «Этот вид литературной критики предполагает, что в обществе существует определенное отношение к литературе и к чтению, характеризующееся непрерывностью <...> Все эти предпосылки естественны для такого типа издания, как литературно-художественный ежемесячный журнал. Но в других средствах литературной коммуникации эти поэтико-стилистические конвенции во многом утрачивают социальное и коммуникативное назначение» [Менцель, 2006, с. 168–169].

Таким образом, в журнальной литературной критике 1986–89 годов ярко реализуется публицистическая доминанта с ее ориентированностью на полемичность, декларативность и манифестарность. Заметим, что критики публицистического направления продуктивно работали во всех идеологических лагерях и к ним принадлежали представители всех поколений. Очерчивая круг самых ярких представителей критической журнальной публицистики второй половины 1980-х годов, назовем имена И. Дедкова, Н. Ивановой, А. Казинцева, А. Марченко, В. Кожина, А. Ланщикова, Б. Сарнова, Ст. Куняева, А. Бочарова, В. Кардина.

В качестве примера классической проблемной статьи можно привести материал Анатолия Ланщикова «Мы все глядим в Наполеоны...», опубликованный в рамках дискуссии 1988 года о романе «Дети Арбата» в «Нашем современнике». Свой критический отзыв А. Ланщиков конструирует из «двойной» полемики, оценивая текст романа, с одной стороны, и полемизируя с литературно-критическими статьями Д. Иванова в «Огоньке» [Иванов, 1987] и В. Кардина в «Знамени» [Кардин, 1987], с другой стороны. Центральный узел проблем, рассматриваемых Ланщиковым, туго закручен вокруг фигуры Сталина: он рассматривает роман А. Рыбакова прежде всего с точки зрения ответственности художественных реалий историческим.

Диалог критика с автором сведен к традиционному чередованию изложения с возражением. Доказывая неполноту исторической достоверности романа, А. Ланщиков параллельно художественному тексту приводит цитаты из официальных документов 1930-х годов. Отметим, что, несмотря на высокий градус критичности, манеру изложения аргументов нельзя назвать излишне агрессивной или бестактной:

А. Ланщиков в первую очередь апеллирует к фактам и во вторую – к личному мнению. В собственных оценках критик не категоричен и пытается сохранять объективность: «А. Рыбаков к своей писательской задаче отнесся серьезно, Сталин у него <...> по-своему убедителен. И все-таки при чтении «Детей Арбата» чувствуется, что самому автору далеко не все ясно в образе главного героя. Думается, писатель, покушающийся на создание образа Сталина, должен хорошо знать и представлять, как и какие узелки завязывались в двадцатые годы, хотя сюжетно произведение может и не включать в себя этот временной отрезок» [Ланщиков, 1988, с. 117].

Интересно, каким образом Ланщиков вписывает «Детей Арбата» в общественно-культурную ситуацию. Сопоставляя описания ссылки Саши Панкратова с аналогичными «ссылочными» эпизодами из повести В. Астафьева «Кража», автор переходит к полемике с вышеупомянутой статьей Д. Иванова в «Огоньке» и замечает: «Д. Иванов при беспрестанном употреблении слова “правда” делает вид, будто таких произведений как “Кража” В. Астафьева, нет и не было в природе: конечно, раскулаченных и всякого рода подкулачников с Дона и Сибири, дескать, высылали куда-то “за болото”, но в конце концов, не так уж важно, по какую сторону “болота” им жить. Трагедия – это когда высылают с Арбата» [Ланщиков, 1988, с. 140]. Общие положения А. Ланщикова поддерживают его коллеги по журналу, однако они так же часто, как и он, переходят с собственно критического разбора романа на полемику со своими оппонентами.

Обратимся теперь ко второй, меньшей части корпуса журнальных литературно-критических текстов. Ее составляют беллетризованные статьи, получившие у ряда исследователей название «художественной эссеистики» [Гусев, 1980; Эпштейн, 1988; Хализев, 2000; Адорно, 2001]. По композиционно-речевой форме, это неструктурированная последовательность размышлений с разнообразными ассоциативными отступлениями и ситуативными комментариями, отличающаяся импрессионистическим стилем и нередко ироничной манерой изложения.

Рациональное обсуждение предмета автор-эссеист сочетает с его образным описанием, легкой и остроумной манерой изложения. Если обязательной интенцией публициста является убеждение, а главным орудием – разработанная логическая концепция, то в эссе достаточно субъективных суждений автора, выраженных через риторические фигуры. Форма эссе, таким образом, предстает как пространство рефлексии, становления смысла и его обращенности на себя самого, что отмечает К. Зацепин: «Не четко сформулированная «концепция», но имен-

но внутренняя динамика образа, сложная сеть ассоциативных связей, парадокс как способ игры с читателем приобретают здесь важность» [Зацепин, 2007, с. 204].

Б. Менцель и М. Эпштейн также подчеркивают дилетантизм и независимость авторского образа мыслей как гносеологические свойства эссе: «Сам автор не специалист в той или иной области, а как раз наоборот, дилетант» [Менцель, 2006, с. 170]; «Дилетантизм тут носит не случайный или приготовительный, а вполне сознательный и принципиальный характер» [Эпштейн, 1988, с. 349].

Но именно поэтому, как отмечает А. Синявина, эффективность жанра эссе ниже эффективности литературно-критической статьи: «ограниченность фактологической основы эссеиста снижает степень доверия читателя. В связи с этим большее значение приобретает риторическое мастерство автора: функция убеждения текста эссе может быть реализована лишь тогда, когда ясность изложения дополнена стилистической привлекательностью» [Синявина, 2007, с. 64–66]. Этим обусловлена совершенно специфическая риторика эссе, о которой подробно рассуждает М. Эпштейн: «Метафора и понятие, факт и вымысел, гипотеза и аксиома, гипербола и парадокс – именно на гранях и стыках этих разнородных приемов выявляется то, что не вмещается ни в один из них: растущий опыт, который имеет обоснование в самом себе и потому должен ставиться и переживаться вновь и вновь» [Эпштейн, 1988, с. 354].

Среди критиков, работавших в жанре литературно-критического эссе, необходимо назвать Л. Аннинского, И. Золотусского, С. Рассадина, А. Якимовича, А. Зорина. Для их текстов характерны пространные лирические отступления, элементы нарративности, намеренно прерывистое движение мысли и образный метафорический язык.

Лев Аннинский является в этом смысле одним из пионеров эссеистического жанра. Свои литературно-критические статьи он называет «литературно-художественными», они являются «естественным выражением его личности по поводу чтения чужих текстов» [Руденко, 1993]. Стиль Аннинского отличается экспрессивностью – он мастерски чередует полутона и ироничность, часто использует неполные предложения и лаконичные высказывания. Удачным примером такой эссеистичности может послужить его статья «Отцы и дети Арбата», опубликованная в журнале «Октябрь» в 1987 году [Аннинский, 1987].

Главным средством профессионального анализа текста для Аннинского становится техника «перехвата темы», то есть подмена авторской проблематики своею собственной. Анализируя судьбу первого

советского поколения, критик выходит на уровень глобальных вопросов, сформулированных Чуприниным как «проблема Аннинского»: «Участие человека в драме общего бытия, которую он не писал и в ходе которой он не волен. Роль, навязанная человеку ситуацией. Роль, подменяющая человека. Когда он уже не разбирает, где роль, а где он сам». Однако в «Отцах и детях Арбата» эта проблема уточняется: «Что делать человеку и что делается с человеком в “строгие времена”? Что в таких временах – от самого человека? Что – от проклятого прошлого? И что – от иллюзии настоящего?» [Аннинский, 1987, с. 193].

Главная интенция Аннинского сводится к выявлению своей «версии человека» не только на уровне «детей» – «светлой молодости, брошенной во тьму битвы», но и на уровне «отцов» – «пирамиды руководителей разного масштаба», которую венчает Сталин. Это прекрасная иллюстрация к его традиционной повествовательной стратегии, которую можно описать как провокационное разрушение системы бинарных категорий критики. Так, в отличие от всех других критиков, главный моральный урок, вытекающий из книги А. Рыбакова, Аннинский видит в том, как человеку «выдержать в любые времена»: «Потому что времена делаются людьми. Хотя люди думают, что они тут ни при чем и что все наносит о них “ветром истории” или злоумыслом плохих вождей. Так кто же это выдержит? Выдержит только тот, кто возьмет на себя тяжесть признать, что это ОН делает время. Делает его и отвечает за него. Иначе – гибель» [Аннинский, 1987, с. 195].

Важной частью нашего исследования является поиск жанровой смычки между проблемной статьей и эссе. Где же именно заканчивается публицистика и начинается беллетристика? Применительно к журнальной критике конца 1980-х годов можно сказать, что проблемные статьи и эссе смыкаются на трех позициях: нежесткая структура композиции, наличие ситуативного комментария и вариативность стилей речи.

Мы остановились на этих трех признаках, потому что именно они позволяют поместить часть рассматриваемых литературно-критических текстов в промежуточное «междужанровое» положение. Речь идет, подчеркнем, лишь о части статей Н. Ивановой, Т. Ивановой, Б. Сарнова и С. Рассадина. Выделенные признаки позволяют проследить сам процесс эссеизации их публицистических текстов – через выделение в них типических жанровых черт беллетристики.

Наталью Иванову, ведущую рубрики журнала «Огонек» под провоцирующим названием «Что читать?», Сергей Чупринин назвал «санитаром непомерно разросшегося литературного хозяйства» [Чупри-

нин, 1988, с. 272]. Отличительная черта ее стиля – «в безошибочно точном вылавливании наиболее компрометирующих писателя цитат из разбираемой книги, их язвительного комментирования и сопоставления с тем, как на подобные вещи смотрели русские классики» [Чупринин, 1988, с. 273–274]. Но Иванова умеет писать о литературе и совсем по-иному, – взвешивая все pro и contra, входя в мельчайшие тонкости и нюансы, чему служат свидетельством позитивные отклики на достойные с ее точки зрения книги.

Примером ее полемических методов служит отклик на опубликованный в «Нашем современнике» диалог писателя А. Иванова и критика В. Свинникова о современном литературном процессе: «Интервью в “Нашем современнике” поражает воображение льстивой интонацией вопрошающего, заместителя главного редактора журнала, В. Свинникова <...> Но главное, к чему стремится Свинников, – создать впечатление, что Ан. Иванов – страдалец эпохи “застоя”. Сделать это, скажем прямо, нынче затруднительно, и поэтому интервьюер идет на прямой подлог. По его утверждению (с чем Ан. Иванов благосклонно соглашается), Ан. Ивановым поведано “одним из первых... о культе и его жертвах”. Это в 1970-то году! Десятилетие до того писатели (особенно в журнале “Новый мир”) прямо говорили о “культе” и его жертвах <...> Прилив гражданского гнева вызывает у Иванова разговор о “новинках”. Пугает нас Ан. Иванов, что благодаря публикациям последних двух лет угаснет интерес к... классике. Помилуйте, это к кому? К Пушкину? Достоевскому? Нет, ищите ближе: именно по итогам анкеты 1987 года, результаты которой напечатаны “Книжным обозрением”, сильно упал интерес к сочинениям... Ан. Иванова!» [Иванова Н., 1988, с. 11–13].

Полемику «Огонька» с «Нашим современником» подхватывает и развивает соведущая рубрики «Что читать?» Татьяна Иванова: «Порядочно “заединщиков” почитала я в последних номерах “Нашего современника”, “Молодой гвардии”, “Москвы” <...> В этих статьях предъявляются самые жесткие требования к умершим, погибшим, превращенным в лагерную пыль прозаикам и поэтам, и к ныне живущим. Критик журнала “Москва”, например, не видит в поэзии ничтожнее фигуры, чем А. Вознесенский <...> Зато стихи про “звезду жены соседа Митрофана” нашу родимую “реакцию”, видимо, вполне удовлетворяют. Именно так она себе и представляет истинную поэзию. Для этого умозаключения есть все основания, поскольку альманах “День поэзии” давно уже стал “заединщиком”. Извините за прямоту» [Иванова Т., 1988, с. 8–10].

Посмотрим, как реализуется эссеистическое начало у Бенедикта Сарнова в одной из его самых дискуссионных статей 1989 года «О молчалиниках и первых учениках»: «Почему все как один промолчали? Почему – ни звука, ни шороха? Почему – ни возгласа, ни реплики, ни словечка в защиту поэта? <...> “Подумаешь, бином Ньютона!” – как говорит Коровьев у Булгакова. <...> Даже просто НЕ выступить в тех условиях, то есть просто промолчать, уже было актом мужества, формой сопротивления давящей силе тотального зла <...> Нет, почему молчали тогда – это как раз понятно. Непонятно, почему молчим сейчас!» [Сарнов, 1989, с. 28–31].

Ориентированность на эссеистику у Станислава Рассадина выражается в первую очередь в использовании экспрессивных форм устной речи: «Винить интеллигенцию за то, что они оказались бессильны, нелепость. А уже самим уподобляться лому и сапогу – это... Да что толковать! Худо, что мы, слава Богу, не все, но многое потеряв, норовим разделаться чуть ли не с последним из того, что нам досталось. Улю-лю! – при виде интеллигента, при намеке на интеллигентность. Дзык. Дзык! Хр-рясь! И – прямиком в духовные аристократы?..» [Рассадин, 1993, с. 3].

Во всех текстах наравне с высоким зарядом полемичности, аргументированностью и аналитичностью развиваются интонации личного «потайного» диалога с читателем, прерывистое движение мысли; ироничность и остроумие парадигматических притязаний, которые также можно отнести к структурным признакам эссе. Постановка вопросов и поиски ответов – это лишь метод, поиск истины полагается в принципе бесконечным процессом. Несмотря на то, что в перестроечных публицистических текстах по умолчанию задается установка на исключение альтернативы, в авторской интерпретации Н. Ивановой, Т. Ивановой, Б. Сарнова и Ст. Рассадина результаты познания сообщаются больше как возможности, которые можно принять во внимание, а можно отвергнуть.

М. Эпштейн, отмечая пробуждение интереса к эссе у литературных критиков во второй половине 1980-х годов, видит в этом тенденцию к самовыражению, субъективной экспрессии и беллетризации критики [Эпштейн, 1988, с. 129]. Действительно, поскольку жанр эссе предполагает, что читатель не нуждается в постоянной интеллектуальной опеке, и подразумевает свободную форму изложения, то в момент слома всех прежних норм он с большой вероятностью мог быть интерпретирован профессиональным сообществом как выход, «как форма,

которая предоставляет критику значительную свободу в апробации новых идей и аспектов рассмотрения» [Менцель, 2006, с. 171].

Популярность эссе как жанра «дилетантского» может быть также напрямую связана с фактом отмены цензуры. Социологи Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин отмечают, что именно снятие цензуры стало определяющим в процессе изменения публицистического стиля («смены языка»). Оно имело двойной эффект: с одной стороны, открылась возможность разработок в ранее недоступных областях и использования новых концептуально-теоретических средств, с другой стороны, стали возможными умозрительные построения, мотивированные идеологическими, антропологическими, социальными, религиозными взглядами и интересами авторов. Резкое ослабление институционального контроля, в том числе корпоративных норм критики, дискуссии и экспертизы смазало границы между деятельностью профессиональных исследователей и «дилетантов» [Гудков, Дубин, 2001, с. 332].

Интересно, что в процесс «смены языка» включились все возрастные поколения критиков, однако это может быть объяснено с позиций антропологии: «Конец любой культурной парадигмы – это всегда конец Большого Стиля. На отталкивании от него основываются черты нового стиля, которые <...> служат началом новой культурной парадигмы. Главная роль в столь решительной смене культурных парадигм и стилей принадлежит молодому поколению, манифестирующему новую культурную эпоху. Впрочем, в самые острые моменты культурно-исторического перелома метаморфозы стиля происходят и среди наиболее чутких и внимательных представителей старшего поколения, казалось бы, “сросшихся” с прежним, каноническим стилем» [Брусиловская, 2000, с. 163].

Тот факт, что именно эссеистика стала «Новым стилем» постсоветской журнальной критики, подтверждает круглый стол «Критика: последний призыв», проведенный журналом «Знамя» в 1999 году. Дмитрий Бавильский утверждал: «Пресловутое нашествие эссеизма – естественная реакция на нынешние перемены. Зыбкие пески самого неустойчивого, текучего, изменчивого жанра оказываются точным симптомом состояния изящной словесности вообще. К тому же, в ситуации идеологического (и какого угодно) плюрализма единая шкала ценностей оказывается невозможной. Какие же тогда, позвольте спросить, критерии мы должны отстаивать? Художественности? Качества? Что ж, я готов, если кто-нибудь внятно объяснит, что сие означает. А на нет – и суда нет: каждый пишет, как он слышит <...> Так критика совершенно законно становится более субъективной и, распадаясь на

группы и направления, все более частной. И, таким образом, становится разновидностью художественной прозы» [Знамя. 1999. № 12, с. 121–145].

Итак, литературная критика конца 1980-х, включившись в процесс эссеизации, постепенно отходила от поучительных интенций, необоснованных претензий и однозначных ответов. Новые, эссеистические способы литературной рефлексии уравнивали ожесточенное стремление СМИ создать новую массовую мифологию («Перестройка. Гласность. Ускорение») и быстро подчинить ей широкие массы. Индивидуальный опыт культурной интеграции ведущих литературных критиков мягко приводил все разошедшиеся культурные дробы к общему знаменателю – центробразующему сознанию личности.

Эссеистическое мышление, как указывает М. Эпштейн, всегда движется в модусе открытости, не является ни «позитивным», ни «негативным», а скорее «интерпозитивным», занимает промежуточную позицию самой культуры и защищает интересы ее подвижной устойчивости и многосложного единства [Эпштейн, 1988, с. 378]. В этом смысле перестроечные литературно-критические эссе действовали как инструмент общественной рефлексии, способный к анализу и синтезу, к расчленению сплошных, монолитных форм культуры и к воссоединению ее намеренно расколотых частей.

Эссеистика, таким образом, стала методом критической рефлексии о нравах, которые лишались своей идеологической незыблемости, вступая в контакт с испытующим, вопрошающим индивидуальным сознанием. Принципиальная открытость жанра обусловила богатство модальных суждений литературных критиков и многогранность обсуждаемых проблем, что, в свою очередь, позволяло вести истинно «демократический» полемический диалог на страницах перестроечной прессы. Таким образом, эссеизация литературной критики конца 1980-х годов может быть оценена как одно из проявлений устойчивости, «гомеостаза» той открытой системы, которая сложилась в советском обществе с началом гласности, как уравнивавшее и успешно подерживавшее ее основную тенденцию развития явление.

Литература

- Адорно Т. Эстетическая теория. М., 2001.
 Аннинский Л. Локти и крылья, литература 80-х. Надежды, реальность, парадоксы. М., 1989.
 Аннинский Л. Отцы и дети Арбата // Октябрь. 1987. № 10.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Раздвоение ножа, или Диалектика желания // Новое литературное обозрение. 2001. № 49.

Гусев В. О жанрах и стилях современной советской критики // Проблемы теории литературной критики. М., 1980.

Зацепин К.А. «Мыслить литературой», или Эссе как художественный феномен // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 2.

Иванов Д. Что позади? // Огонек. 1987. № 32.

Иванова Н. От «врагов народа» – к «врагам нации»? // Огонек. 1988. № 38.

Кардин В. На войне как на войне // Знамя. 1987. № 8.

Кожин В. Размышления о русской литературе. М., 1991.

Ланщиков А. «Мы все глядим в Наполеоны...» // Наш современник. 1988. № 7.

Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб., 2006.

Прохоров Е. Введение в теорию журналистики. М., 1993.

Рассадин Ст. Дзык! Дзык! // Литературная газета. 17 февраля 1993.

Руденко М. После литературы: игра или молитва // Знамя. 1993. № 6.

Сарнов Б. И где опустишь ты копыта? Статьи, очерки, фельетоны 80-х – 90-х годов. М., 2007.

Сарнов Б. О молчалиниках и первых учениках // Огонек. 1989. № 16.

Синявина А.А. Эссе и литературно-критическая статья: границы жанров // Коммуникация в современном мире. Воронеж, 2007.

Степанова Т. Жанр эссе в отечественном и зарубежном литературоведении 1960–1980-х годов // Герменевтика литературных жанров. Ставрополь, 2007.

Тертычный А. Жанры периодической печати. М., 2002.

Хализев В. Теория литературы. М., 2000.

Чупринин С. Критика – это критики: Проблемы и портреты. М., 1988.

Чупринин С. Предвестие. Заметки о журнальной прозе 1988 года // Знамя. 1989.

№ 1.

Чупринин С. Три взгляда на современную литературную смуту. М., 1989.

Эпштейн М. Парадоксы новизны. М., 1988.

АЛТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ)

Н.М. Киндикова

Ключевые слова: алтайская литература, поколение, традиция.

Keywords: the Altai Literature, generation, tradition

В современной алтайской литературе, как и в других национальных литературах Сибири, происходит процесс смены поколений. Старшее поколение – тех, кому за семьдесят, – занятое в основном подведением итогов своей творческой деятельности, заметно поредело

в последнее десятилетие. Многие из оставшихся занимаются переизданием своих сочинений. Исключение, пожалуй, составляет лишь прозаик Д. Каинчин, в деятельности которого наблюдается очередной творческий взлет, формирование нового взгляда на происходящее в современном мире и особенно в человеке. Как известно, в его творчестве прочно утвердились жанры рассказа и повести, но в последние годы он пробует свои силы в жанре романа. В постперестроечное время обновились язык и стиль его произведений.

Роман «Над нами Белуха» (2003) пока считается единственным в творческой биографии Дибаша Каинчина. Причем первая его часть опубликована в 1986 году, а продолжение появилось почти через двадцать лет. Первоначально роман назывался «Под Белухой», а в более поздней редакции был обозначен как «Над нами Белуха». По поводу названия своего произведения автор замечает: «Горы все-таки выше нас, они – словно символ божества. Алтайцы благословляют их и молятся перед ними, оставаясь у их подножия». Сходные размышления можно встретить и у других писателей Алтая, в частности у Б. Укачина, назвавшего свою книгу «Горы остаются горами» (1985).

Одной из причин, по которым так долго писалась вторая часть романа, является то, что прозаик осваивал новый для его творчества жанр. Кроме того, документальный материал, к которому обратился Д. Каинчин, требовал тщательного осмысления, так как роман основан на историческом материале. Наконец, отметим, что писатель оказался на перепутье. Постперестроечное время требовало от него нового взгляда на исторические события прошедшего столетия.

Изображенные в романе события происходят в конце XIX – начале XX веков, то есть в то время, когда алтайцы жили разрозненно, русские осваивали алтайские земли, христианство притесняло язычество и т.д. Алтайцы должны были задуматься о собственной судьбе. В романе Д. Каинчин поставил задачу показать отношение алтайцев к Октябрьской революции.

Композиционно роман состоит из двух частей, сюжет разворачивается хронологически. Данные принципы изображения исторических событий традиционны для многих алтайских писателей. Так, например, создавал свой роман «Трудные годы» (1967) аксакал алтайской литературы И.В. Шодоев, так написан роман «Катунь весной» (1987) прозаика К. Телесова.

В романе Д. Каинчина действует большое количество персонажей, в том числе известные исторические личности начала прошедшего столетия, что свидетельствует о необычном замысле автора. Подоб-

ный роман, под названием «Улалу», в свое время был задуман С. Суразаковым. Однако он остался незавершенным. В начале романа изображен обычный конфликт двух друзей, двух семей на бытовой основе, перерастающий в классовую борьбу. Это состоятельная для того времени семья кержака Ощепкова и семья бедного старика алтайца по имени Эдий.

Первоначально, казалось бы, в романе ничего примечательного не происходит. К Ощепкову нанимаются работниками два батрака – алтаец Кыймаштай, второй сын Эдия и русский парень по имени Терентий. Конфликт разгорается из-за невыплаты зарплаты за их труд – заготовку сена. Личная ссора перерастает в семейный конфликт, точнее, в злую, необдуманную вражду. Наемщики решили украсть у Ощепкова самое дорогое – коня по кличке Кара-Сур. Однако спустя несколько дней конь был возвращен его хозяину. Казалось бы, конфликт разрешился без «кровопролития». Однако это только подступы к развитию сюжета романа. В произведении изображена также семья Самтар-бая, в дочь которого влюбляется главный герой романа Кыймаштай. В произведении точно описаны место действия и время событий, четко обрисованы характеры основных героев.

События разворачиваются вокруг трех главных семей – Ощепковых, старика Эдия и Самтар-бая. Их дети дружат, несмотря на вражду отцов. Сулатаю, старшему сыну Эдия, нравится дочь Ощепкова Авдотья, он же – неразлучный друг ее брата Силангия. Второй сын Эдия, Кыймаштай, влюблен в дочь Самтар-бая, Янарчи. Так переплетены в романе судьбы трех враждующих семей.

На фоне этих конфликтов разворачиваются политические события на Алтае. Однако связи, взаимоотношения между героями не до конца продуманы автором. Например, неожиданным оказалось появление еще одного героя романа, по имени Асканак. Он прибывает в урочище Самтар-бая из Улалы по особому заданию и просит его, как материально обеспеченного, помочь в создании организации «Горная Дума». Причем Самтар-бай не осведомлен в политических делах, но обязан помочь, будучи одним из состоятельных из среды алтайцев. Представители Горной Думы провозгласили следующую цель: «Алтай для алтайцев» [Каинчин, 2003, с. 183]. Поводом послужила мысль Г. Потанина о том, что за свою судьбу должны быть ответственны сами алтайцы [Каинчин, 2003, с. 121].

Кыймаштай также далек от политики. Он сторонник спокойной, счастливой семейной жизни, но окружающая обстановка вынуждает его интересоваться политическими делами. Эти эпизоды показаны ав-

тором недостаточно убедительно. По замыслу автора, Кыймаштай должен находиться в гуще исторических событий. К сожалению, автору не удалось до конца реализовать этот замысел.

Недостаточно полно раскрыта личность Г.И. Чорос-Гуркина. Обстоятельства складываются на Алтае так, что его поневоле привлекают к политике. Он же, как художник, предпочел бы заняться своим любимым делом – созданием картин, воспевающих красоту Алтая, однако становится политическим лидером. Чорос-Гуркин занят в романе сбором финансовых средств для создания «Горной Думы». К этому делу привлечены состоятельные люди Алтая: Самтар-бай, Аргымай Кульджин, Тобоков и многие другие. Таким образом, используя архивные материалы, Д. Каинчин хотел воссоздать исторические события прошедшего столетия, однако характеры героев оказались не совсем убедительными.

Романы эпохального значения успели создать при жизни К. Телесов («Катунь весной» в двух книгах, 1985, 1987) и А. Адаров («Синяя птица смерти», 1993; «Сердце, опаленное огнем», 2001). Драматические произведения («И взойдет твоя заря», «П. Кучияк») созданы рано ушедшим из жизни писателем К. Кошевым. Эти писатели своевременно откликнулись на происходящие в стране исторические события, пересмотрели собственные творческие принципы, почувствовали свободу творчества и успели создать необычные по содержанию и форме художественные произведения.

Основой романа «Синяя птица смерти» (1988–1990) А. Адарова, опубликованного в 1993 году, послужили архивные и исторические материалы, ставшие доступными в годы перестройки. История страны предстает здесь как цепь случайностей, а события показаны через судьбу отдельного человека.

Действие происходит на стоянке Чанкырлу, где поселился главный герой романа, бывший работник обкома партии Эрел Яприн. Он осознанно готовится к смерти. Однако его беспокоят воспоминания о прошлом, поскольку пятнадцать лет своей жизни он просидел в тюрьмах Магадана, Колымы, Красноярска. Эрел Яприн полиглот, знает четыре языка, он одаренный музыкант, художник, мастер на все руки, однако в последние годы зарабатывал на жизнь, работая печником.

От изображения событий прошлых лет автор легко переходит к сегодняшнему дню, реальное в его произведении переплетается с ирреальным, словно сон и явь. Герой разговаривает сам с собой. Иногда души ушедших в иной мир людей участвуют в диалоге, как реальные собеседники. Таким способом раскрываются исторические события и

факты XX столетия. Это не исповедь человека времени, а «взгляд изнутри, из потока истории» (Нефагина). Таким образом, в романе «Синяя птица смерти» А. Адарова изображена судьба не одного человека, а целого народа.

Среднее поколение, кому уже 50–60 лет, продолжает работать в жанре публицистики (Б. Бедюров), дневника (Д. Маскина), воспоминания (Г. Елемова). Одни пишут традиционно (Н. Бельчкова, А. Самунов), другие вносят новое в свои произведения. В частности, получил развитие жанр воспоминания («Потомок кегел маймана» Г. Елемовой). Утрата национальных традиций литературой восполняется за счет обращения писателей к древней и духовной поэзии.

Новое поколение находится на пути творческого становления и поиска новых возможностей в лирике (А. Тадинов), прозе (С. Адлыков), драме (К. Кошев). Особенно активно работают алтайские поэтессы: Ю. Кукпенекова, Н. Енчинова, А. Майманова, Алена Санаа и другие. Многие из них опубликовали свои первые книги, получившие отзывы и рецензии от читателей и литературоведов. Что касается языка произведений, то на современном этапе наблюдаются три тенденции: одни писатели творят на родном языке, другие на приобретенном (русском) (Р. Тодошев, В. Кертешев и др.), третьи сочиняют непосредственно на русском языке (С. Адлыков). Все это является следствием языковой ассимиляции и метисации алтайского этноса на рубеже двух веков.

В постперестроечное время наблюдается сочетание художественной литературы с публицистикой и документальной литературой. Но это несколько не снижает художественный уровень произведений, а, наоборот, свидетельствует о достоверности изображаемых писателями исторических фактов и событий. Алтайские прозаики обращаются к историческому прошлому алтайского народа. Это, в частности, такие события XX столетия, как коллективизация, годы гражданской и Великой Отечественной войн, присоединение Алтая к России, древнетюркские события VI–VIII веков и т.д.

Особое место в литературе имеет возвращение к генетической памяти этноса. Писатели обратились к запретным прежде темам, в частности к теме репрессированных. Таковы вышеупомянутые романы и повести А. Адарова, Д. Каинчина, К. Телесова и других. Сюда относятся также документальная повесть «Человек не останется без племени» (2002) Д. Каинчина, воспоминание «Потомок кегел маймана» (2007) Г. Елемовой. Примечательно, что авторы не уходят в прошлое, а прослеживают судьбы наследников бывших репрессированных.

Долгое время новое поколение писателей не осознавало свои древнетюркские корни. Сейчас оно гордится своим происхождением и посвящает ему ряд художественных произведений (рассказы Д. Маскиной «Племя беркута», Н. Бельчевой «Синий волк» и др.).

Заметно расширилось и углубилось мировидение и мировосприятие алтайцев. В литературе по-новому зазвучали такие традиционные мифологические образы и символы, как родовая гора, священные деревья, тотемные птицы и звери, составляющие национальную картину мира. Традиционные образы получили новое осмысление в художественной литературе, музыке, изобразительном искусстве, культуре Горного Алтая в целом. Отраднo то, что эти темы и образы появляются не только в произведениях писателей старшего поколения, но и у молодых.

Рассказ «Пока луна не состарилась» (2008) Рустама Тодошева, к примеру, написан на основе этнографического материала. В годы советской власти были случаи массового сжигания камов-шаманов. По преданию, души некоторых из них отправились на небеса, необычный дар других передан по наследству. Насколько соответствует действительности данное представление, сказать нельзя. Однако камы-шаманы существуют по сегодняшний день. И если такое возможно, то перенимают дар шаманства особо одаренные люди, а не такие, как главный герой этого рассказа, Сем. Не случайно, что в конце рассказа он выкрикивает фразу: «Я – Эрлик», что означает подземное существо, а не Великий Кам.

Композиционно рассказ начинается с испытания студентов, которые надеются хорошо сдать семестровые экзамены. У одного из них проявился дар ясновидения. У алтайцев есть поверье о том, что все начинания совершаются в новолуние. Вот и герой рассказа Р. Тодошева хочет успеть осуществить «передачу» своего дара именно в новолуние.

Рассказ «В страшном логоу» заставляет задуматься о странностях житья-бытия алтайцев. Юношеские шалости на скале, на берегу речки приводят к мысли о том, что нельзя нарушать покой величественных скал и рек. По мировосприятию алтайцев, существует хозяин гор, рек, озер. Однако автор рассказа, оказавшись на стыке двух культур, неудовлетворительно передал житейские были-небылицы. Голые мальчишки ассоциируются с голыми русалочками, но в рассказе нет ни слова о хозяине земли. В результате «страшный лог» не наводит страх, а всего лишь заставляет задуматься о различиях двух культур – европейской и восточной (славянской и тюркской в том числе). Вышеупомянутый сбор-

ник рассказов написан для молодежи и о молодежи. Необычное сочетание русской и алтайской лексики, точнее жаргонизмов, мешает восприятию текста. Однако оно оправдано тем, что именно на таком языке говорит современная молодежь. В целом, в рассказах Р. Тодошева запечатлен портрет нового поколения.

Армейской теме посвящена проза С. Адлыкова («Кобра», 2006), посвященная афганским событиям. Но она заслуживает отдельного разговора.

Традиционно, начинающие поэты воспевали природу Алтая. У Виктора Кертешева это не любование красотой земли, а осознание древности и вечности Алтая. Потому ряд его произведений посвящен наскальным рисункам, каменным изваяниям, которые разрушаются на глазах незадачливых туристов. Таковы, к примеру, стихотворения «Калбак-Таш» (название местности. – *Н.К.*), «Моя молитва» и др. В первом из названных стихотворений лирический герой беспокоится о памятниках старины, оставленных нам предками. В лирическом герое противостоят два чувства – гордость и разочарование. Второе связано с тем, что новое поколение недооценивает древнее искусство предков. Причем одни зарабатывают на нем деньги, другие пытаются спасти древние письмены. Поэтому автор заканчивает свое стихотворение публицистическими строками: «Дух Калбак-Таша, ты в беде! /Твои полотна могут согнуться под скалой. /И не успеть узреть, понять, и так везде, /Где “заколачивают бабки” и “хрустят деньгой”». Это своего рода крик души нашего современника.

Поэт видит мир как бы со стороны, глазами постороннего человека. Потому ему больно за «грехи» своего поколения, которое «не знает толком родного языка» и не соблюдает обычаи и традиции предков («Как больно резануло слух», «Да, мы – уроды, юродивое племя», «Два гостя» и др.). Лирический герой обращается с «молитвой к святым небесам, /К душам живым, и усопшим мощам: “Помоги в беде! Не оставьте в нужде /Алтай мой жемчужный и Катунь в бирюзе!”» (стихотворение «Моя молитва»). Отмечается равнодушное отношение молодого человека, гражданина своей республики к несовершенству жизни.

В стихотворении «Нищий» по принципу контраста изображаются две картины. На рынке спуют торговцы и покупатели: одни сытые, другие голодные; одни богатые, вторые нищие; свои и чужие; хозяева и посторонние в одном ряду. А лирический герой обеспокоен судьбой нищего: «А у ворот подслеповатый нищий /Щербато радуется утреннему солнцу, /Что прожит на морозе день вчерашний, /И, может, этот

не приведет к концу». В целом, в произведениях В. Кертешева вырисовывается мир представителей потерянного поколения, которые ищут себя как человека, личность; а также своего «я-народа», который старается идти в ногу со временем (стихотворение «Река»).

В этом неустанном поиске поэт разговаривает с самим собой (стихотворения «Шизофрения», «К сердцу»), с духом Алтая («Моя молитва»), обращается к современникам, друзьям и близким – рано ушедшим из жизни («Одним мужчиной на свете меньше стало») и к тем, кто шагает рядом с ним («Друг мой, бедный иль богатый», «Друг», «Муза» и др.). Лирический герой испытывает одновременно чувства любви, дружбы и счастья в своей нелегкой судьбе.

Алтайские писатели пересматривают в своих произведениях традиционные взаимоотношения природы и человека, личности и общества, власти и народа. Происходит осмысление национальных традиций на новом творческом этапе. Новое поколение достойно перенимает опыт своих предшественников.

Литература

- Адаров А.О. Синяя птица смерти : роман. Горно-Алтайск, 1993.
- Бельчкова Н.Б. О чем шумят кедры (рассказы на алтайском языке). Горно-Алтайск, 2004.
- Каинчин Д.Б. Над нами Белуха : роман (на алтайском языке). Горно-Алтайск, 2003.
- Каинчин Д.Б. Старая лиственница. Горно-Алтайск. 1994.
- Каинчин Д.Б. Перед глазами – алтайские горы : повесть // Телесов К., Каинчин Д. Современные алтайские повести. Горно-Алтайск, 1989.
- Киндикова Н.М. Алтайская литература в поиске тем и жанров // Международные ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития. Материалы международной научной конференции от 28–30 ноября 2005 г. М., 2008.
- Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения. Горно-Алтайск, 2008.
- Маскина Д.Я. Племя беркута : повесть, рассказы. Горно-Алтайск, 1986.
- Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века. Минск, 1998.
- Тодошев Р.Н. Пока луна не состарилась : рассказы. Горно-Алтайск, 2008.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТОВ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО, ИНФОРМАТИВНОГО, ГЕНЕРАТИВНОГО РЕГИСТРОВ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Т.А. Сенченко

Ключевые слова: текст, восприятие, регистр, предикационный, пропозициональный.

Keywords: text, comprehension, register, predicated, propositional.

Восприятие текста (первичного) – очень сложный процесс, на его результат (воспроизведение вторичного текста) в разной степени может повлиять ряд факторов, таких как условия восприятия (различные шумы, помехи и т.д.); личность воспринимающего; особенности построения самого текста [Психология для журналистов, URL]. В связи с тем что в последнее время антропоцентрическая парадигма заняла доминирующую позицию в науке, проблемы восприятия текста чаще рассматриваются в свете личности человека, воспринимающего текст, а сам текст, являющийся непосредственным объектом восприятия, все чаще остается вне поля зрения исследователей. Нам представляется это несправедливым, поскольку текст изначально обладает некоторым потенциалом вариативности, в пределах которого личность может изменять, модифицировать, трансформировать исходный текст, исходя из уровня собственной языковой компетентности, типа языковой личности и т.д. Вариативность в данном случае имеет некоторые пределы, за которые личность выходить не может, в противном случае можно говорить не о создании вторичного текста на базе исходного, а о создании совершенно нового текста. Нас в первую очередь интересует, в какой степени особенности построения самого текста влияют на его

восприятие, но при этом мы несколько не умаляем роль личности в данном процессе.

Основную гипотеза нашей работы можно сформулировать следующим образом: форма текста в широком смысле слова влияет на его восприятие; текст обладает определенными структурами, как-то: регистрационная организация, предикационная, пропозициональная структуры и т.д., которые однозначно понимаются и воспроизводятся всеми реципиентами, вследствие чего имеет место некий инвариант восприятия, «ядро» текста.

Для удобства предварим описание результатов нашего экспериментального исследования введением некоторых условных обозначений:

- исходный текст (ИТ);
- исходный текст-повествование (ИТП);
- исходный текст-рассуждение (ИТР);
- исходный текст-описание (ИТО);
- репродуцированный текст (РТ);
- репродуцированный текст-повествование (РТП);
- репродуцированный текст-описание (РТО);
- репродуцированный текст-рассуждение (РТР).

Для проверки гипотезы нами был проведен эксперимент на базе филологического факультета Бийского педагогического государственного университета имени В.М. Шукшина с целью определения набора текстовых категорий, входящих в «ядро» ИТ, безошибочно воспринимающихся реципиентами при восприятии и сохраняющихся в РТ, а также структур, составляющих маргинальную зону элементов и, таким образом, подвергающихся варьированию в наибольшей степени. Возрастной состав реципиентов – 21–22 года.

Материалом для эксперимента послужили тексты разных коммуникативных регистров: изобразительного (текст-описание внешности человека «Ермолай», отрывок из произведения И.С. Тургенева «Ермолай и мельничиха»); информативного (текст-повествование «На необитаемом острове» из романа Д. Дефо «Робинзон Крузо») и генеритивного (текст-рассуждение «Нужны ли хорошие манеры?», фрагмент книги Н.П. Акимова «О хороших манерах»).

Все тексты были распечатаны на карточках и читались экспериментатором вслух. Тем самым мы учли мнение В.П. Белянина о том, что у каждого человека свой доминирующий канал восприятия (аудиальный или визуальный) [Белянин, 2000, с. 57–58]. Первоначально реципиентам не было известно задание (написать изложение), они

были нацелены на внимательное прослушивание, а затем прочтение текста. И только после того, как карточки с распечатанными текстами были сданы, реципиенты получали задание: «Напишите подробное изложение по данному тексту». Полагаем, что мы создали максимальные условия для того, чтобы эксперимент, материалом для которого служили разные типы текстов, проводился в одинаковых условиях.

Считаем необходимым отметить, что при проведении эксперимента по тексту-повествованию реципиенты (общее количество которых составило 47 человек) нами были разбиты на три группы с небольшими изменениями условий проведения эксперимента.

- Студенты первой группы (20 человек) являлись участниками подобного эксперимента по тексту-рассуждению, соответственно, им заранее была известна установка и задание, которое предстояло выполнить (эксперимент проводился на второй паре, во временной промежуток: 9.30–10.00).

- Студенты второй группы (12 человек) являлись участниками подобного эксперимента впервые, читали текст самостоятельно, предварительно прослушав экспериментатора; после чего приступали к написанию текста изложения (эксперимент проводился на третьей паре: 11.00–11.30).

- Наконец, студенты третьей группы (15 человек) являлись участниками эксперимента впервые, читали текст самостоятельно, после этого слушали экспериментатора и затем приступали к написанию текста изложения (эксперимент проводился на четвертой паре: 12.40–13.10).

Никаких разительных отличий результатов эксперимента нами отмечено не было. Таким образом, на результаты эксперимента не повлияли такие факторы, как фактор знакомой или незнакомой установки на написание подробного изложения; фактор усталости. Кроме того, результаты эксперимента ни в какой мере не зависели от того, был ли текст предварительно прочитан самостоятельно, или предстал первоначально в звуковом оформлении (то есть результаты эксперимента не зависели от последовательности действий при восприятии текста).

Комплексный анализ текста предполагает двусторонне направленный анализ текста: либо от содержания к форме, либо от формы к содержанию, то есть от определенных языковых средств к основной идее рассматриваемого текста. Другими словами, в структуре текста можно выделить два основных уровня: уровень содержания (идея произведения задается темой и материалом действительности, который автор выбирает для ее раскрытия) и уровень формы (сюжет определя-

ется композиционным расположением автором фактов действительности, прием – композиционным расположением языковых единиц) [Сергушева, 2005, с. 5–6]. В нашем исследовании мы делаем акцент именно на анализе языкового материала. Анализ языкового материала исходит из представления о языке как системе, имеющей различные уровни: фонетический, морфемный, морфологический, лексический, синтаксический. Три последних уровня представляются нам наиболее важными при восприятии текстов разных коммуникативных регистров, что обусловило их подробный анализ.

Для обработки полученных результатов мы использовали преимущественно методы статистической, а также семантической обработки данных. В частности, были определены следующие количественные характеристики:

Морфологическая организация текста

1) общее количество словоупотреблений (сопоставление среднего значения общего количества словоупотреблений в РТ и данного значения в ИТ);

2) количество знаменательных лексем (сопоставление среднего значения количества знаменательных лексем в РТ и данного значения в ИТ);

3) частеречное разнообразие (сопоставление среднего количества разных частей речи в РТ и количества данных частей речи в ИТ);

4) коэффициент прономинализации (отношение количества местоимений к общему количеству знаменательных лексем).

Лексические особенности построения текста

1) коэффициент лексического разнообразия (отношение количества разных знаменательных лексем (из числа знаменательных лексем исключаются повторы) к общему количеству словоупотреблений – коэффициент предложен И.Г. Овчинниковой [Овчинникова, 2001, с.4–5]);

2) коэффициент абстрактности (отношение количества лексем с абстрактным значением к количеству лексем с конкретным значением (с учетом количества повторов)).

Синтаксические особенности построения текста

1) грамматическая структура (сопоставление среднего значения количества грамматических конструкций в РТ и количества грамматических конструкций в ИТ);

2) предикативная структура (сопоставление среднего значения количества предикатов в РТ и количества предикатов в ИТ);

3) пропозициональная структура (сопоставление среднего значения количества событийных пропозиций в РТ и количества событийных пропозиций в ИТ).

Особенности проведения экспериментов

Состав реципиентов

1. Количество реципиентов. Текст-описание – 24, текст-повествование – 47, текст-рассуждение – 25. Таким образом, общее количество реципиентов, принявших участие в эксперименте – 96 человек.

2. Количество отказов. При восприятии и воспроизведении текста-описания и текста-повествования количество отказов было равно нулю; при восприятии текста-рассуждения количество отказов составило 44 % от общего количества реципиентов. Таким образом, количество анализируемых текстов-изложений с учетом «отказов» составляет 85 работ.

Композиция. Регистровая организация текста

1. Композиция. Структура текста. Все ИТ были разделены на смысловые части. Наибольшее количество частей было выделено в ИТП: 6 смысловых частей, при этом, данное соотношение в РТ сохранялось лишь в 2,13% случаев (тогда как наиболее распространенной была следующая структура текста: [1][3][5][6] – 38,3%). В ИТО мы выделили 4 смысловых части, в РТО данная структура сохранялась в 75% случаев. И наконец, в ИТР – три смысловых части и работ, соответствующих данной структуре – 57%.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что наиболее устойчивыми при восприятии являются трехчастные и четырехчастные структуры текстов, большее количество выделения смысловых частей нецелесообразно, так как приводит к тому, что данное количество в РТ сокращается до трех- и четырехчастных структур, более предпочтительных для реципиентов. По-видимому, это объясняется наличием школьных знаний об особенностях построения данных типов текстов. Как пишет Н.В. Солодянкина, тексты-описания, тексты-повествования и тексты рассуждения в большинстве своем имеют трехчастную (или четырехчастную) структуру: 1) текст-повествование, выражающий сообщение о действиях и состояниях, развивающихся во временной последовательности, имеет такую композицию: завязка – развитие действия – кульминация – развязка [Солодянкина, 2006, с. 51]. В нашем эксперименте именно четырехчастная структура доминирует при создании вторичного текста-повествования.

Композиция текста-описания – статической картины, представления о характере, составе, структуре, качествах объекта путем перечисления его существенных и несущественных признаков в данный момент выглядит следующим образом: общее представление о предмете – отдельные признаки предмета – вывод. В данном случае также доминирует четырехчастная структура, что обусловлено особенностями исходного текста [Солодянкина, 2006, с. 51].

Рассуждение – тип речи, в котором исследуются предметы или явления, раскрываются их внутренние признаки, доказываются определенные положения. Композиция текста-рассуждения: тезис – доказательство – вывод [Солодянкина, 2006, с. 51]. Большинство реципиентов придерживались именно данной композиционной схемы.

2. Регистровая организация текста. Регистровая структура текста-описания и текста-повествования сохраняется в 100% случаев, текста-рассуждения – 93% (7% передают текст-рассуждение в информативном регистре (текстом-повествованием)). Очевидно, что восприятие или воспроизведение текста-рассуждения сложнее иных типов текста.

Сильные позиции текста

Безусловно, для всех типов ИТ характерен высокий процент сохранения сильных позиций текста, как-то: заглавия, первой части (первого предложения) и последней части (последнего предложения). Отметим, что заголовок как сильная позиция наиболее значим при восприятии ИТР и в РТР сохраняется в 85,71%, при этом в РТО – в 58,33%, в РТП – в 57,47%. Это позволяет сделать вывод о том, что для текста-повествования заголовок менее значим и для реципиентов гораздо более значимо передать развитие действия, тогда как для текста-рассуждения заглавие имеет очень важную роль, поскольку передать содержание оказывается намного труднее, что и влечет за собой наличие в некоторых работах только одного заголовка (данные работы нами были определены как «отказ» и в дальнейшем не анализировались).

Что касается первой части текста, то показатели по данному критерию в разных типах текстов примерно равны: в РТО и РТП первая часть сохраняется в 100% случаев, в РТР – 93%. Следовательно, данная сильная позиция максимально сохраняется всеми испытуемыми независимо от типа данного текста.

Последняя часть сохраняется в РТО – 95,84%, в РТП – 83%, в РТР – 57%, то есть очевидно, что данная позиция текста наименее важна при восприятии текста-рассуждения и, напротив, важна при восприятии текста-описания.

Морфологическая организация текста

1. Общее количество словоупотреблений (включая знаменательные лексемы, служебные части речи, модальные слова). Картина по данному критерию следующая:

- 1) ИТП – 569;
- 2) ИТР – 348;
- 3) ИТО – 190.

При этом при воспроизведении данных текстов имеет место общая тенденция значительного сокращения ИТ. В результате мы имеем:

- 1) РТП – 152,04 (сокращение в 3,74 раза);
- 2) РТО – 104,79 (сокращение в 1,81 раза);
- 3) РТР – 19,54 (сокращение в 17,81 раза).

Примечание. Для репродуцированных текстов (РТ) здесь и далее представлены средние значения (СЗ). Очевиден вывод, что сокращение ИТ зависит не только от его величины, иначе бы мы получили прямую зависимость: чем больше текст, тем больше он подвергается сокращению. Но это не так: ИТП намного больше ИТР, но сокращается он всего в 3,74 раза, тогда как ИТР – в 17,81 раз.

2. Количество знаменательных лексем. При общей тенденции сокращения текст, условно говоря, «пропорционально» сжимается, не нарушая существующего соотношения количества знаменательных лексем и общего количества словоупотреблений. Ср.:

ИТ:

- 1) ИТП – 417;
- 2) ИТР – 236;
- 3) ИТО – 147.

РТ:

- 1) РТП – 113,79 (сокращение в 3,67 раза);
- 2) РТО – 81,125 (сокращение в 1,81 раза);
- 3) РТР – 22,06 (сокращение в 10,7 раза).

Снова мы видим, что текст, имеющий наименьшее количество знаменательных лексем, сокращается в меньшей степени, а текст, имеющий большее количество знаменательных лексем, по сравнению с текстом со «средним» количеством таковых лексем – всего в 3,67 раза. По данному критерию также наибольшие изменения претерпевает текст-рассуждение.

3. О соотношении разных частей речи. Анализ по данному параметру показал, что те части речи, которые преобладали в ИТ, сохраняют свою главенствующую роль в РТ. Так, для ИТО характерно боль-

шое количество словоупотреблений существительных, глаголов и прилагательных. То же можно сказать и о РТО, с единственной разницей, что на первом месте по количеству словоупотреблений также – существительные, на втором – глаголы, на третьем – местоимения. Для ИТП характерно большое количество существительных, местоимений и прилагательных, для РТП – местоимений, существительных и прилагательных. Для ИТР значимы такие части речи, как прилагательные, местоимения, глаголы, для РТР – существительные, глаголы, местоимения. Таким образом, наиболее распространенными в ИТ и РТ являются существительные, прилагательные, и их заместители – местоимения, а также глаголы. А такие части речи, как причастие, деепричастие встречаются довольно редко. Мы в данном случае не видим другого объяснения, как сильное влияние норм разговорной речи на воспроизведение ИТ [Сиротинина, 1996].

4. Коэффициент прономинализации. Самый высокий коэффициент у РТП – 0,2998 и в ИТП – 0,2902. Таким образом для текстаповествования характерно большее количество употребления местоимений, чем для других типов текста. Интересно отметить следующую особенность: в ИТР коэффициент прономинализации достаточно высок – 0,2585, в РТР немного ниже – 0,19; однако данный показатель выше, чем коэффициент прономинализации в ИТО (0,1225). При этом коэффициенты РТР (0,19) и РТО (0,1898) примерно одинаковы. Таким образом, важную роль местоимений в РТ можно объяснить не только их значительным количеством в ИТ, но и влиянием разговорной речи на письменное воспроизведение ИТ [Сиротинина, 1996].

Лексические особенности построения текста

1. Лексический коэффициент. Коэффициент лексического разнообразия в ИТ и РТ практически не изменяется. Незначительные отклонения есть при восприятии текста-рассуждения: в ИТР – 0,523, в РТР – 0,6945 (то есть в РТ повторов несколько меньше, чем в ИТ). В целом же количество повторов в ИТ и РТ примерно одинаково, и по данному коэффициенту варьирование также минимально (ИТП – 0,4851; РТП – 0,5521; ИТО – 0,7; РТО – 0,6618).

2. Коэффициент абстрактности. Количество лексем с абстрактным значением в исходных текстах больше, чем количество подобных лексем в текстах репродуцированных (то есть конкретная лексика ближе реципиентам, чем абстрактная). Данное соотношение варьируется в зависимости от типа текста: самый высокий коэффициент абстрактности в ИТР – 0,8958, в РТР значение данного коэффициента

0,6547, что несколько ниже, чем в ИТ, однако это тоже достаточно высокий показатель.

В ИТП (как и в ИТО) по сравнению с ИТР коэффициент абстрактности невысок: 0,1897, в РТП – 0,1525; в ИТО – 0,1271, в РТО – 0,0912. Таким образом, в данных типах текстов количество лексем с абстрактным значением по отношению к количеству лексем с конкретным значением незначительно уменьшается. В целом, по данному коэффициенту варьирование практически независимо от регистровой организации текста.

Синтаксические особенности построения текста

1. Грамматическая структура. Результаты исследования показали, что наиболее оптимальным для восприятия текста является количество конструкций равное 9. Так, в ИТО конструкций 9, в РТО это количество равно 7,96, то есть варьирование по данному параметру незначительное (сокращение в 1,81 раза). Большое же количество предложений, как, например в ИТП (30) и ИТР (27), затрудняет, по всей видимости, восприятие данных текстов (среднее значение грамматических конструкций в РТП – 13,49 и РТР – 5).

2. Предикационная структура. Наименьшее количество предикатов в ИТО (20), в РТО их 15,29 (сокращение незначительно – 1,31 раза); в ИТР предикатов 44, в РТР – 10 (сокращение в 4,4 раза); в ИТП – 79, в РТП – 26,72 (сокращение в 2,96 раза). Таким образом, вновь наблюдается закономерность: сокращение количества словоупотреблений, знаменательных лексем, равно как и предикатов, не только зависит от их небольшого или большого количества в ИТ, но и обусловлено регистровой организацией текста. В целом наметилась тенденция «трудновосприимчивости» (если можно так сказать) текста генеративного регистра.

Примечание. Что касается грамматической доминанты – глаголов прошедшего времени в ИТО и ИТП, которые составляют 65% и 73% от общего количества глаголов соответственно, то нами отмечен высокий процент сохранения данных форм: 59% и 70% соответственно. Можно сделать вывод, что время, модальность предиката играют значительную роль при восприятии текста.

3. Пропозициональная структура. В тексте с наименьшим количеством событийных пропозиций (ИТО – 25) сокращение по данному параметру минимально (в 1,32 раза); в ИТП количество событийных пропозиций 98, в РТП их 32,53, сокращение в 3,01 раза; максимальное количество сокращений мы наблюдаем вновь в РТР (11,07), тогда как в ИТР их 62 (сокращение в 5,6 раза).

Выводы

Экспериментальное исследование текстов разных коммуникативных регистров позволило нам сделать ряд выводов.

Во-первых, при восприятии ИТ в РТ сохраняется регистровая организация текста (практически в 100% случаев). При этом наиболее трудно «поддается» восприятию текст генеритивного регистра (в 2% случаев в РТ регистр информативный). Наименьшему варьированию подвергаются трехчастная и четырехчастная структуры.

Во-вторых, заголовок и первое предложение текстов, как его сильные позиции, наиболее значимы для восприятия, чем последняя часть; значимость определяется коммуникативным регистром.

В-третьих, морфологически РТ оформлены точно так же, как ИТ. То есть сохраняется пропорциональность представленных частей речи в ИТ и РТ, несмотря на значительное сокращение текстов в количественном аспекте (по общему количеству словоупотреблений, по количеству знаменательных лексем).

В-четвертых, несмотря на то, что лексический уровень организации текста наиболее сложен для описания и анализа, по таким параметрам, как коэффициент лексического разнообразия и коэффициент абстрактности, отличия РТ и ИТ незначительны.

В-пятых, сохраняется грамматическая доминанта (форма времени и модальности предикатов) в текстах информативного и изобразительного регистров. В тексте генеритивного регистра данная доминанта выявлена не была, вследствие чего не анализировалась.

Таким образом, стандартным при восприятии текста любого коммуникативного регистра является значительное сокращение его в объеме (сокращение количества частей, общего количества словоупотреблений, количества знаменательных лексем), но это сокращение лишь количественное, качественно тексты преобразуются незначительно. Общая модель вторичного текста следующая: среднее количество знаменательных лексем в РТ – 72, общее количество словоупотреблений при этом – 92, количество грамматических конструкций – от 7 до 14 предложений, композиционно – три (четыре) части, заголовок и первая часть ИТ сохранены, конкретная лексика в тексте преобладает.

Литература

Белянин В.П. Нейро-лингвистическое программирование и обучение иностранным языкам (Neuro-Linguistic Programming and Teaching Foreign Languages) // Teaching Foreign Languages in the Age of Globalization. Taipei, Taiwan, R.O.C., 2000.

Овчинникова И.Г. Стандарт и индивидуальная вариативность восприятия текста нонсенса [Электронный ресурс]. Пермь, 2001. URL: http://www.psu.ru/pub/filolog_1/2_6.rtf

Психология для журналистов [Электронный ресурс]. URL: <http://birdie.sitecity.ru/>
Сергушева С.В. Комплексный анализ текста. СПб., 2005.

Сиротинина О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. М., 1996.

Солодянкина Н.В. Связная письменная речь школьников: лингвистический и методический аспекты. Бийск, 2006.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА ВЕРБАЛИЗАЦИИ НЕРЕЧЕВЫХ СИГНАЛОВ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ¹

В.Ю. Кравцова

Ключевые слова: восприятие, вербализация, иконизм.

Key words: perception, verbalization, iconism.

Проблема вербализации имеет непосредственное отношение к таким фундаментальным вопросам языкознания, как звукоизобразительность и иконичность, проблемы восприятия и порождения речи. Данная статья представляет собой часть исследования, направленного на изучение особенностей восприятия и вербализации неречевых сигналов носителями разносистемных языков, в ней отражены результаты исследования акустико-артикуляционного восприятия неречевых звучаний носителями русского и китайского языков и их фиксации средствами языковой системы (то есть вербализации / фонологизации). Основная задача данного исследования заключалась в выявлении уникальных и универсальных принципов вербализации в указанных языках.

В качестве реципиентов в эксперименте приняли участие носители китайского языка в количестве 50 человек. Им было предложено 25 различных по акустическим параметрам шумов, записанных на аудиокассету. Каждый шум воспроизводился на кассете пятикратно. Предла-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Процесс вербализации звуковых и зрительных сигналов разноязычными носителями» (№ 06-04-00009а).

глась следующая инструкция: «На пленке вы услышите 25 различных звучаний, каждое звучание будет предъявлено пять раз. За время прослушивания шума вам нужно записать его словом, не существующим в Вашем родном языке. Постарайтесь наиболее близко передать звучание посредством слова».

Полученные реакции были проанализированы с точки зрения их звукового состава и сопоставлены с результатами исследования, проведенного М.Э. Сергеевой на материале русского языка [Сергеева, 2002], с целью выявления уникальных и универсальных принципов вербализации в китайском и русском языках. Вслед за М.Э. Сергеевой под термином «универсалии» мы понимаем те явления, которые типичны для обоих языков, под термином «уникалии» – явления, характерные только для одного из рассматриваемых языков.

Предлагаем анализ полученных в результате эксперимента окказиональных звукоподражаний.

1. Скрежет ножа о металлический предмет или о точильный брусок

Универсалии: в обоих языках наиболее употребляемыми являются близкие по звучанию гласные *-и* и *[y]*. Из согласных – щелевые, наиболее часто используются *sh* и *[u]*.

Уникалии: в отличие от китайцев, русские информанты широко используют повторы букв и слов, а также используют словарные единицы.

2. Высокий короткий удар двух металлических предметов

Универсалии: в обоих языках широко используются смычные звуки и сонанты, большое количество информантов использует кодифицированные звукоподражания: *динь-динь*, *дзынь*, *ding*, *dang*.

Уникалии: китайскоязычные носители используют больший диапазон гласных звуков, не используют сочетания согласных, что можно объяснить жесткой структурой китайского слога.

3. Звук автомобильного клаксона

Универсалии: в обоих языках используются смычные взрывные звуки, довольно часто применяются губные согласные; наиболее употребляемыми гласными являются близкие по звучанию *-и* и *[y]*; носители и того и другого языка передают звучание с помощью глухих звуков.

Уникалии: русские информанты используют повтор, щелевые звуки; китайские информанты широко используют переднеязычные альвеолярные апикальные звуки и носовые сонанты.

4. Короткий звук падения предмета в воду

Универсалии: носителями обоих языков используются губные звуки *b* и *[n]*, наблюдаются совпадения по использованию гласных звуков: в китайском – *-o, -u*, в русском – *[o]* и *[y]*.

Уникалии: Китайские реципиенты широко используют носовые сонанты *-n, -ng*, альвеолярный звук *d*, многие используют кодифицированное звукоподражание. Русские информанты используют преимущественно глухие согласные, китайские – полувзонкие, активно используются повторами слогов.

5. Короткий глухой хлопок

Универсалии: в начальной позиции преобладают губные *p* и *[b]*, *[n]*, а также смычные (в китайском – альвеолярные *t*, в русском зубные *[d]*, *[m]*) согласные. Носители обоих языков часто используют гласные *-a* и *[a]*.

Уникалии: носители русского языка используют как звонкие, так и глухие согласные, носители китайского – исключительно глухие придыхательные *p, t*. Китайские реципиенты в конечной позиции широко используют носовые сонанты *-n, -ng*, русские – щелевые *[жс]*, *[ш]*, *[ц]*.

6. Глухой удар выбивания ковра, либо удар ремнем по мягкой ткани

Универсалии: наблюдается преобладание гласных *-o, -u* в китайском, *[y], [o]* – в русском. Преобладание глухих согласных.

Уникалии: китайскоязычные реципиенты используют преимущественно губные согласные, русскоязычные – щелевые.

7. Звук, напоминающий «чмокающий» поцелуй

Универсалии: в китайском варианте – использование дифтонгов, в русском – использование сочетаний гласных.

Уникалии: большое количество китайских реципиентов использует смычно-щелевые согласные звуки, русских – смычные.

8. Короткий гудок

Универсалии: использование смычных, преимущественно глухих звуков в начале слова. Наблюдаются совпадения по использованию гласных звуков: в китайском – *-a, -u*, в русском – *[a]* и *[y]*.

Уникалии: в русском варианте в конечной позиции используются сонорные, в китайском – дифтонги. Русскоязычные носители используют повтор слов и кодифицированные звукоподражания.

9. Длительный звук оттягивания натянутой струны

Универсалии: использование в начальной позиции смычных *b, p, d, t* и [б], [д], в конечной – сонантов *-n, -ng* и [н'].

Уникалии: в отличие от китайских, русские информанты используют сочетания гласных [эу], [ау], [аï], [оу].

10. Звук вибрирующей металлической доски

Универсалии: преобладание смычных в начальной позиции, *b, p, d, t* – в китайском, [б], [д], [к] – в русском. Использование сонантов в конце слова.

Уникалии: китайскоязычные носители используют повтор слова, русскоязычные – словарные слова и их производные.

11. Звук ремня, рассекающего воздух

Универсалии: использование щелевых в начальной позиции, *f* – в китайском языке, [ш], [ц], [х] – в русском. Из гласных преобладают *-u* и [у]. В китайском используются дифтонги, в русском – сочетания гласных.

Уникалии: русскоязычные носители используют сонант [н'] в конечной позиции.

12. Звук выстрела

Универсалии: подавляющее количество информантов использовало в начальной позиции смычные губные *p* и [п]. Китайскоязычные носители используют палатальную финаль *-iu (you)*, русскоязычные – сочетания гласных, в том числе и [у].

Уникалии: русскоязычные информанты используют в конце слога щелевой согласный [ц], китайскоязычные – гласный *-i* или носовые сонанты *-n, -ng*.

13. Жужжание насекомого

Универсалии: русскоязычные носители используют в начальной позиции смычные в сочетании с щелевыми *пишик, бжжж, бзз*, китайские информанты – смычно-щелевые звуки *z, zh*. Русскоязычные носители используют в конечной позиции гласный [у], китайскоязычные – лабиальную финаль *ong*.

Уникалии: русскоязычные носители используют повторы звуков.

14. Звук разбитого стекла

Универсалии: использование смычных, как глухих (глухих придыхательных), так и звонких (полузвонких) в начале слова, а также носовых сонантов в конце.

Уникалии: для русскоязычных носителей характерно использование сочетаний смычных с щелевыми и использование кодифицированных слов.

15. Звук, издаваемый птицей

Универсалии: использование смычных, в китайском варианте в начале слова (*g* и *k*), в русском – в конце (*[к]*). Использование гласного звука *-a* и *[a]*.

Уникалии: русскоязычные носители широко используют щелевые звуки и их сочетания, а также используют повторы отдельных согласных и целых слогов. Многие китайскоязычные носители не смогли записать данный шум, среди предложенных вариантов большое количество совпадений, многие используют дифтонг *-иа*.

16. Звук, издаваемый кабаном

Универсалии: в начальной позиции используются смычные *g*, *k*, *[к]*. Используются гласные *-и* и *[y]*. Носители обоих языков используют при вербализации указанного шума повторы слогов.

Уникалии: русскоязычные носители широко используют щелевые, сонорный *[p]*, словарное слово *ква*.

17. Звук падения множества маленьких шариков в сосуд

Универсалии: носители обоих языков используют сонорные звуки, китайскоязычные носители – звук *l* в начале слога, русскоязычные – звук *[p]*, как в начале, так и в конце слога. Используются щелевые звуки, *h* и *x* в китайском, *[з]* – в русском. Достаточно часто используются повторы звуков и слогов.

Уникалии: китайскоязычные носители практически не используют смычные звуки при вербализации данного шума; чаще, нежели русскоязычные носители, используют носовые сонанты на конце слова, широко пользуются кодифицированным звукоподражанием. Нет совпадений по использованию гласных.

18. Звук телефонного гудка

Универсалии: в начальной позиции преобладают смычные *b*, *d*, *[б]*, *[п]*. Из гласных преобладают *-и* и *[y]*. Носители обоих языков пользуются повторами, русскоязычные – повтором гласного *[y]*, китайскоязычные – повтором слога *du-du*.

Уникалии: русскоязычные носители используют сонант *[p]* на конце слога.

19. Звук льющейся воды

Универсалии: носители китайского языка используют дифтонг *-иа* (*wa*) в конце слова, носители русского в той же позиции – сочетания гласных *[оу]* и *[уз]*. Используются кодифицированные слова (*hua-la*, *буль*).

Уникалии: русскоязычные носители часто используют сочетания согласных *тлрд, дрли, хлр*, при вербализации данного звука используются преимущественно смычные *[к], [н], [б], [д]* и сонанты *[л'], [р]*. Носители китайского языка используют преимущественно щелевые звуки *sh* и *h*, а также смычно-щелевой *ch*.

20. Звук открывания несмазанной двери

Универсалии: использование смычных звуков в начальной позиции (*g, k, [к]*). Преобладание сопоставимых гласных *-a, -e, [а], [э]*. Использование кодифицированных звукоподражаний и их модификаций: *ga-zhi (zi-ga), скрип*.

Уникалии: русскоязычные носители используют щелевые звуки и сочетание смычных звуков со щелевыми: *[х], кх-х, кхрыэоу*.

21. Глухой удар по качающемуся предмету

Универсалии: преобладание смычных согласных в начальной позиции: *b, p, [б], [п]* и сонантов в конце слова: *-n, -ng, [м], [м'], [н']*.

Уникалии: русскоязычные носители используют преимущественно гласные *[y]* и *[ы]*, китайскоязычные – все гласные, среди которых невозможно выделить превалирующие. Русскоязычные носители используют кодифицированное звукоподражание *бум* и его модификации.

22. Звук улетающей птицы

Универсалии: в начальной позиции широко используются щелевые *sh, f, [в], [ф], [х], [ш]*, из гласных преобладают *-и* и *[y]*. Интересен тот факт, что русскоязычные носители используют при вербализации данного шума слова без гласных: *фшиш, вфс, пфф, фрр, фиш*, а китайскоязычные носители широко используют слоги с особой финалью, которая, по сути, является согласным со слабым гласным призвуком (*si, ci*).

Уникалии: китайскоязычные носители используют довольно много смычно-щелевых звуков (*z, c*), русскоязычные – сонант *[р]*.

23. Высокий свист птицы

Универсалии: можно выделить лишь использование гласных *-i* и *[u]*.

Уникалии: китайскоязычные носители преимущественно используют аффрикаты *j, z, c*, русскоязычные – смычный *[н]* в сочетании с *[л], [р]*, в конце – смычные *[к], [н]*. Китайскоязычные носители используют сочетание гласных *-ui*.

24. Удар кнутом

Универсалии: в начальной позиции преобладают смычные *b, p, [н], [б]*. Достаточно часто используются гласные *-i, [u]*.

Уникалии: русскоязычные носители используют щелевые звуки, слова без гласных.

25. Вибрация пилы

Универсалии: в начальной позиции используются щелевые звуки: *f*, [ʋ], [ʃ]. Преобладание гласного *-i*, [u], использование дифтонгов китайскоязычными носителями *-uo*, *-ou* и сочетаний гласных [эу], [ау], [оу] русскоязычными. Используется повтор, китайскоязычные носители используют повтор слогов (*feng-feng*), а носители русского языка – повтор гласных *уауу*, *уууа*.

Уникалии: русскоязычные носители используют слова, состоящие из 3-х гласных: *уау*, *уиу*, *уьу*.

Подводя итоги проведенного исследования, выделим **универсальные** принципы вербализации в китайском и русском языках:

1. Очевидны совпадения по способу образования начальных согласных при вербализации практически всех представленных шумов.

2. Носители обоих языков используют в начальной позиции преимущественно смычные согласные, реже – щелевые.

3. Носители обоих языков используют в качестве псевдослов кодифицированные слова или их видоизмененные варианты. Например, *hua-la* и его модифицированный вариант *ha-la*, кодифицированное *дзиль* и его вариант *пзынь*.

4. В конечной позиции широко используются сонанты: *bang*, *deng*, *feng*, *дзиль*, *пзынь*, *бьюим*.

5. И русско- и китайскоязычные носители пытаются преодолеть преграду, созданную фонетической системой каждого из языков, русскоязычные носители «создают» несуществующие в языке дифтонги: [эу], [ау], [оу], китайскоязычные – слоги, состоящие из одного согласного или невозможных для китайского языка сочетаний согласных и гласных: *sh*, *cei*, *biu*. Однако следует отметить, что такие случаи звуковой корреляции не так часты, особенно в случае с китайским языком, являющимся языком с фиксированным составом слога, и являются скорее исключением, нежели правилом.

6. Носители и того и другого языка используют частичный или полный повтор слогов. Следует отметить, что китайскоязычные носители реже используют этот способ при вербализации, несмотря на то, что в указанном языке содержится большое количество кодифицированных звукоподражаний, образованных путем дублирования.

7. В ряде случаев информанты при передаче услышанного шума пытаются сохранить его примарные свойства. Однако проявления иконичности при вербализации шумов китайскоязычными носителями

достаточно редки. Замечено, что процент иконичных проявлений в языках изолирующих и агглютинирующих весьма низок, во флективных он гораздо выше. Очевидно, реципиентам нелегко уйти от жесткой системы данных языков, чем и объясняется низкая продуктивность иконизма.

Наряду с универсальными принципами вербализации можно отметить и ряд **уникальных**:

1. Китайскоязычные носители, связанные фонетической системой и жесткой фиксированной структурой слога, используют в срединной позиции исключительно гласные звуки (и их сочетания), а конечной позиции только гласные звуки (и их сочетания) или носовые сонанты. Варианты, предложенные русскоязычными носителями, значительно разнообразнее по звуковому составу.

2. Псевдослова, предложенные китайскоязычными носителями, имеют в своем составе не более 4 звуков.

3. Русскоязычные носители используют слова, состоящие из одних согласных: *дррр*, *хврб* и др. Китайскоязычные носители не могут использовать такие варианты в силу особенностей фонетической системы.

Таким образом, универсальные принципы вербализации естественно преобладают над уникальными чертами. К тому же уникалии, присущие процессу вербализации китайскоязычными носителями, обусловлены в первую очередь фонетической системой китайского языка и характерными особенностями структуры китайского слога. Поэтому на основе результатов проведенного анализа можно сделать вывод о том, что процесс вербализации в исследуемых языках опирается на сходные принципы, основными из которых являются способ образования используемых звуков, использование полных или частичных повторов, звуковая корреляция, иконичность, хотя проявления двух последних явлений не так часты и являются скорее исключением, нежели правилом. Дальнейшие исследования в данной области позволят выявить частотность и закономерность их проявления.

Литература

Сергеева М.Э. Экспериментально-теоретическое исследование фонологизации шумов в русском и английском языках (на материале кодифицированных и окказиональных звукоподражаний) : дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2002.

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА
ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ:
ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН
(на материале региональных документов)**

А.В. Алексеева

Ключевые слова: прагматический аспект, коммуникативные стратегии, дискурс, речевой жанр, обращения граждан.

Keywords: pragmatic aspect, sociolinguistic strategies for communication, discourse, pragmatics, dynamics and evolution.

Жанры письменной деловой речи воплощаются в сверхстрогой текстовой форме. Они характеризуются особым отношением к миру, особым представлением субъектов общения, их действий, целей, других компонентов коммуникативной ситуации; в приложении к речевым произведениям деловой сферы общения термин «жанр» получает особое содержание. Главной задачей анализа жанра, таким образом, становится определение закономерностей прагматической интерпретации речевых действий. В языковом статусе отдельных классов имен речевых жанров (далее – РЖ) обнаруживаются как общие, так и специфические черты, отражающие своеобразие коммуникативных явлений, с которыми соотносятся эти классы. Вслед за В.Е. Гольдиным мы считаем, что теория РЖ должна включать модели и методики, ориентированные не только на жанры вообще, но и на конкретные классы жанров, как в случае с обращениями граждан, последовательно соотнесенными с основными категориями человеческой деятельности [Гольдин, 1997, с. 23]. В нашем случае РЖ будут выступать как средства организации социального взаимодействия.

В современной жанрологии термин «жанр» расширяется до целого универсума текстов. С точки зрения Ст. Гайды, современный интерес к РЖ объясняется исследованием человеческой деятельности, сущностью которой является соблюдение правил. Жанрами Гайда считает группы текстов, которые существуют в общественном языковом сознании, и определяет способы существования жанра: в конкретных

текстах, в жанроведческих описаниях, в кодифицированной норме [Гайда, 1999, с. 105]. Особенностью рассматриваемой группы документов (обращения граждан) является то, что в конкретных текстах адресаты не выделяют жанровые особенности текстов. Документы строятся на уровне интуитивной жанровой рефлексии. В жанроведческих описаниях рассматриваемые нами жанры представлены скупо. Исследователи обращают внимание на такие жанры, как заявление и просьба, реже выделяют жалобу. Если говорить о кодифицированной норме, то именно здесь кризис жанра преодолен, произошло переосмысление жанров в новых социокультурных условиях. Эта категория документов долгое время регламентировалась «Типовым положением о ведении делопроизводства по предложениям, заявлениям и жалобам граждан в государственных органах, на предприятиях, учреждениях и организациях» от 30.11.1981 года № 463. Из рассмотрения различных типов жанров, представленных в этом положении, можно сделать вывод о том, почему в жанроведческих описаниях данные жанры представлены в таком небольшом количестве. Новые нормативно-правовые акты в этой сфере значительно ослабили жанровый канон, обусловили в том числе и его существование теперь не только в профессиональном филологическом сознании. Основываясь на дифференциации жанровых форм В.В. Дементьевым [Дементьев, 2000, с. 18–39], мы выделили в общем пространстве «жизненных жанров» макрообразования более высокой степени, чем жанр, абстракции. Это такие речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации и объединяют в своем составе несколько жанров – гипержанры, по В.В. Дементьеву. Так, например, мы можем выделить гипержанр обращения граждан, в состав которого входят такие жанры, как предложения, заявления, жалобы, повторные (многократные) обращения, анонимные обращения, просьбы, ходатайства, петиции, индивидуальные и коллективные обращения. Заметим попутно, что в Законе Омской области об обращениях граждан (от 18.11.2004 г. № 567–ОЗ) выделено больше жанровых разновидностей, чем в федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ».

РЖ и язык имеют общую коммуникативную природу и сопоставимы как разные типы организации коммуникации. И РЖ, и язык представляют собой инструменты, при помощи которых субъект осуществляет свою ориентацию в окружающем мире. При анализе документов, сопоставлении языка и РЖ разных типов аттракторов (то есть типов упорядочения дискурса – термин лингвосинергетики) на первый план выступает противопоставление двух разных типов коммуникации

– упорядоченной, нормированной, формализованной и неупорядоченной, ненормированной, неформализованной. Два типа коммуникации мы выделяем на основе лингвистической дихотомии Э. Бенвениста [Бенвенист 1974, с. 80–88]: прямая, или упорядоченная, коммуникация имеет место, когда в содержательной структуре документа смысл равен значению, то есть план содержания высказывания, выражаемый значениями компонентов высказывания, зафиксированных в словаре, совпадает с итоговым коммуникативным смыслом. В основе такой коммуникации лежит система единиц и правил их организации, поддающихся исчислению (то есть замкнутая система, «код»). Прямая коммуникация упорядочена: жанровые признаки, риторические правила и предписания структурированы и осуществляются на основе известных фреймов. Непрямая коммуникация охватывает целый ряд речевых явлений: имплицитные и иронические высказывания, тропы. Для нее характерна осложненная интерпретативная деятельность адресата речи. Креативность проявляется, с одной стороны, в возможности свободной деятельности, с другой – в том, что деятельность индивида ограничивается рамками определенных жанров. Противоречия наблюдаются как в речевой деятельности, так и в коммуникативной, ведущей к образованию текста. Текстовое произведение создается автором, действующим в определенных коммуникативных условиях, которые предлагает ему коммуникативно-прагматическая ситуация создания текстов этого жанра. Деятельность адресата, субъекта текстопорождения, направлена на разрешение противоречия. Естественно, что каждый жанр реализует это по-своему. Описывая прагматические коллизии, возникающие при создании таких текстов, мы обращали внимание на анализ этих коллизий и способы их разрешения. В выбранном гипержанре сразу отмечаем противоречия в процессе текстообразования.

Одним из распространенных видов жанров современных обращений граждан, при создании которых имеются определенные прагматические противоречия, являются жалобы в инстанции. Коммуникативная ситуация включает отправителя документа, получателя, содержание, интенцию. Отправитель выступает как частное лицо. Личный характер имеет и содержание, оно касается аспектов частной жизни. Получатель же, напротив, наделен признаком институциональности, его «неличность» сохраняется и при обращении к конкретному лицу. Интенция отправителя состоит в том, чтобы довести до сведения получателя информацию о положении, в котором он находится, с тем чтобы «выиграть дело», чтобы адресат, убедившись в правоте отправителя, восстановил справедливость. Таким образом, в соответствии со своими

целями податель жалобы строит документ так, чтобы вызвать у адресата сочувствие и желание помочь. При этом он должен создать текст, обладающий свойствами официального документа. Вследствие этого возникает антиномия между личным характером интенции и содержания и институциональностью роли получателя. Интимно-личное начало этой коммуникации требует использования экспрессивной лексики, а фигура получателя – формализованного языка. Это создает определенный диссонанс: *Вот решила написать вам письмо думаю что хуже мне от этого не будет. Просьба моя к вам не очень то большая. Сами знаете какая у сейчас жизнь* (Администрация Омской области, отдел по работе с обращениями граждан, вх. № 7915 от 25.11.2003); Ответный документ: *На Ваш запрос № 7915 от 25.11.2003 сообщаем, что согласно действующему законодательству исковые требования удовлетворяются в порядке очередности по дате поступления исполнительных документов к оплате (Основание: Федеральный закон от 21.07.1997 № 119 ФЗ «Об исполнительном производстве»).* Учитывая материальное положение семьи, а также невозможность произвести внеочередную выплату по исполнительному листу, Большереченская районная комиссия по выплате пособия на детей решила выплатить долг в сумме 1613 руб. Деньги перечислены 16.12.2003.

Антиномия в соотношении коммуникативной цели и средств ее достижения: *Здравствуйте Сергей Анатольевич! Обращаются к Вам жители, проживающие по ул. Юбилейная, Мелиораторов, 60 лет Октября. Желаем Вам победить на предстоящих выборах для осуществления своих дальнейших планов! В связи с этим наш Вам наказ человеку, за которого мы решили отдать свои голоса. Более 10 лет наши улицы остались без воды. Мы прошли все инстанции, начиная с поселкового совета до администрации Президента (копии отписок прилагаем). Из года в год картина повторяется, а воз и ныне там. Район из года в год нищает: разрушена тепловая база, отсутствует водоснабжение. Пивзавод как после бомбежки и таких примеров множество. У нас сложилось мнение, что это никому не нужная игра, втягивающая страну в хаос и беспредел его Королевского величества чиновника. И поэтому мы решили бойкотировать на выборах все политические партии, от которых как от козла молока.* (Администрация муниципального образования 28.01.2004, вх. № 43). Ответ главы муниципального образования: *Уважаемые жители улиц <...>, на ваше обращение сообщаем: в ходе подготовки к отопительному сезону 2003–2007 за счет средств района и Программы модернизации ЖКХ были выделены индивидуальные отопительные котлы жителям <...> (пе-*

речислены 76 человек), установлен котел и смонтировано отопление за счет средств МУП ветерану труда Гаммовой И.Я. В 2004 году запланировано строительство 700 м водопровода по перечисленным улицам и объединение этих улиц с главным водопроводом поселка. Подвод водопровода к домам от трассы будет производиться за счет средств владельцев домов (Администрация муниципального образования, исх. № 76 от 13. 02. 2004).

Субъект в ходе текстопорождения поставлен перед необходимостью учитывать разные (противоположные) начала этого текста. Антинomia между частным и официальным началами в жалобах разрешается путем совмещения в одном документе единиц, репрезентирующих их. Податель начинает текст вполне официально, он идентифицирует себя в традиционной для официальных документов форме: *Уважаемая Администрация Президента Российской Федерации. Пишет вам гражданка Иванова Екатерина Александровна, проживающая в Омской области.* Статус документа заставляет отправителя употреблять лексику и обороты, свойственные деловым документам, однако содержание «размывает» такое словоупотребление, и на первый план выходит общежитейская тематика и лексика: *Этот Горчаков Ю.И., что напротив живет, ни смотря, что ему 77–78 лет, на одной ноге, он не отступает как грязный мужичонка; Пишу третий раз ничего толку нет не знаю сколько еще писать...; Может вы мне поможете так-как свое управление на все просьбы смотрит с закрытыми глазами...; Обратиться к вам меня заставила обида....* В стратегию субъекта входит сознание своего образа, образа оппонента, если жалоба пишется на определенное лицо. Языковые средства относятся к бытовой сфере, содержание документа направлено на описание бытовых ситуаций: *Тов. Статилко Т.И. вбила себе в голову, что в доме должен быть ТСЖ. Не считаясь с мнением людей и мнит себя уже председателем. Сама 5 лет бездельничала, о работе своей ни разу не отчитывалась. И этот человек, имеющий танцевальное образование, с жильцами обращается грубо, попирает завоевание демократии – свободу слова и гласность; «Зачем нам пенсионерам, инвалидам, репрессированным, ветеранам и др. бедным людям эти непомерные расходы? Зачем менять коней на переправе? Ведь скоро отопительный сезон. Эта ненормальная женщина, одержимая навязчивой идеей, нас погубит; Зачем меня – офицера запаса, строителя БАМа, железной дороги, участвующего в освоении целины какая-то никчемная женщина, попирая демократические законы, толкает вместе со всем домом обманом в «светлое будущее.* Таким образом, коллизия между частным

и официальным разрешается здесь простым способом: создается текстовое произведение, в котором эклектически соединены компоненты, выражающие эти начала.

Неразрешенность антиномии между частным и официальным выражается в нейтрализации одного из этих начал. Так, если в жалобе превалирует официальное начало и она строится как деловое письмо, то оказывается неспособной эмоционально воздействовать на адресата, не способствует «вживанию» в проблемы пишущего и сопереживанию ему. Следовательно, текст не может выполнять ту функцию, которая на него возлагается. Нейтрализация официального начала маловероятна, так как адресованность в инстанцию является прагматически релевантной чертой таких жанров. Игнорирование официального статуса адресата превращает документ во фрагмент бытовой коммуникации и влечет трактовку текста как не соответствующего коммуникативной ситуации. Такой текст не просто малоэффективен, он, по сути, «выбывает» из данной коммуникации как нарушающий ее: *Да какая тут демография такой холод! Вообще примите меры иначе будет хуже!; Пожалуйста, помогите решить вопрос, не загоняйте людей на помойки. Это очень стыдно и не делает чести никому; Милые вы наши родные большие братья, кто же о нас позаботиться, если не вы?*

В результате классификации жанра обращения граждан и его жанроведческого описания на основе кодифицированных норм, введенных нормативными актами, можно выделить жанры устные и письменные. В зависимости от адресата жанры делятся на индивидуальные и коллективные. Исходя из новых правовых актов, коллективное обращение может относиться к этому жанру, если в документе содержится частный интерес либо обращение, принятое на собрании, митинге, имеющее общественный интерес. Выделен также редко встречающийся в документной практике жанр петиции – это разновидность коллективных обращений в органы власти о необходимости проведения общественных реформ или частного изменения городского законодательства. С нашей точки зрения, интересен тот факт, что в перестроечный и послеперестроечный период этот жанр не выделялся, но документов таких было много, сейчас жанр петиции кодифицированно обозначен, но документы единичны. Относительное единообразие речевого поведения членов данного социума в стандартных коммуникативных ситуациях обеспечивается механизмом ролевого поведения: типовой образ адресанта – жанровая роль, поведение в рамках которой регулируется жанровыми, социально установленными предписаниями или взаимными ожиданиями партнеров. Именно при таком подходе к проблеме во-

прос о необходимости РЖ для обеспечения коммуникативной деятельности людей приобретает свою актуальность. Его можно переформулировать так: каким общественным и индивидуальным потребностям отвечает стереотипность речевого поведения членов данного социума, воплощенная в речевых жанрах?

Литература

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи – 2. Саратов, 1999.

Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997.

Дементьев В.В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи – 3. Саратов, 2002.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФИГУР СОКРАЩЕНИЯ В ИСПАНСКИХ ГАЗЕТАХ

С.В. Тютина

Ключевые слова: акроним, аббревиатура, газета, компрессия, испанский язык.

Keywords: acronym, abbreviation, newspaper, compression, the Spanish language.

В исследованиях, направленных на изучение функционирования фигур сокращения в периодической печати, проводившихся в последней четверти XX века, были рассмотрены проблемы, касающиеся их образования, условий реализации и особенностей употребления [Глотова, 1970; Гяч, 1970 и др.]. Задачей нашей статьи является осуществляемый в рамках статистического подхода анализ использования акронимов и аббревиатур в испанском газетном тексте, позволяющий установить степень зависимости читательской аудитории от количественного параметра употребления этих фигур сокращения. Создание газетной статьи осуществляется в условиях жесткой пространственно-временной ограниченности, что связано, в первую очередь, с минимальным количеством времени на подготовку ежедневного издания, а также с заранее установленным объемом публикации, текст которой должен быть максимально информативным и одновременно предельно

кратким. Таким образом, наличие или отсутствие баланса между содержанием и формой зависит прежде всего от выбора языковой стратегии автора публикации. Именно этим обусловлено использование значительного количества моделей семантической, прагматической и, в особенности, структурной компрессии в испанской периодике. Наиболее частотными в публикациях популярных изданий («El País», «La Vanguardia», «ABC», «El Mundo» и «Marca») являются такие фигуры, как аббревиация и акронимия, использование которых, по мнению А.В. Зеленина, можно отнести к исторически сложившимся принципам функционирования публицистического текста [Зеленин, 2005, с. 78]. С. Уртадо Гонсалес, анализируя основные тенденции современного испанского газетного текста, также определяет эти фигуры как одно из проявлений стремления к компрессивности материала в публицистическом тексте [Hurtado González, 2005, с. 66–67]. Ввиду того, что рассматриваемые конструкции являются видами сокращения, они в полной мере реализуют принцип минимализма структуры, обусловленный ограниченным пространством публикации и временем ее написания. Статистический анализ реализации исследуемых конструкций на материале испанских периодических изданий показал их наличие в 100% статей политической и экономической и в около 70% статей культурной и спортивной тематики. Написание акронимов и аббревиатур стандартизировано, их значение зафиксировано в словаре, а словообразование по этому типу стремится к большей регламентированности и упорядоченности [Чекалина, 1991, с. 6]. Таким образом, рассматриваемые фигуры в наибольшей степени, по сравнению с другими моделями структурной компрессии, отвечают принципу точного и аккуратного представления материала в газете, так как обеспечивают наиболее полную передачу содержания.

По сравнению с аббревиатурами, акронимы являются наиболее частотной моделью реализации структурной компрессии в современной испанской газете и встречаются в около 85% публикаций всех рассматриваемых периодических изданий. Большая часть примеров их употребления обнаружена в статьях, относящихся к технической области знания, медицине, политике и экономике. Акронимы, являющиеся видом сокращения названий различных организаций, мероприятий и приспособлений до начальных букв или звуков, функционируют как отдельные слова и воспринимаются в сознании читающего как имена собственные, значение которых равно полной форме. По своей семантике они могут быть равны слову, словосочетанию или, в исключительных случаях, предложению. Принадлежность к группе акронимов

образований, не читающихся как слово ввиду отсутствия гласной, является спорной. В исключительных случаях, в целях облегчения прочтения, в них может быть добавлена гласная, ср.: RENFE – *Red Nacional de los Ferrocarriles Españoles*. Некоторые имена существительные являются диахроническими акронимами, полный вариант которых вышел из употребления, ср.: laser – *Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation*; radar – *Radio Detection and Ranging* и другие.

Большинство акронимов, используемых в статьях испанских периодических изданий, относится к политической и экономической тематике и представляет сокращенное название различных компаний и организаций. Многие из них рекуррентны и не вызывают затруднений при интерпретации. Наиболее распространенным видом акронимов в испанском публицистическом тексте являются названия политических партий, встречающиеся во всех исследуемых изданиях. Они обладают равномерностью написания и редко приводятся в полном варианте. Общей тенденцией для «El País», «La Vanguardia», «ABC» и «El Mundo» является употребление без расшифровки акронимов, обозначающих испанские организации, наиболее часто встречающиеся в газетном тексте. В отличие от них, сокращения, обозначающие аналогичные иностранные или малоизвестные испанские учреждения, функционируют в публикации в виде акронима и / или полной формы. Тем не менее некоторые из них утратили в сознании большинства читателей значение таковых и воспринимаются в исключительно как имена собственные, ср.:

Los demás presos, tanto si pertenecen a su movimiento Al Fatah como al grupo islamista rival Hamas o la Yihad Islámica, lo tratan como el líder supremo (La Vanguardia, 09.07.2007, с. 3).

В настоящем примере выделены акронимы арабского происхождения *Hamas* и *Al Fatah*. Первый обозначает палестинскую фундаменталистскую организацию حركة المقاومة الإسلامية, «Исламское движение сопротивления». Второй является реверсивным акронимом فتح, «Фатх», происходящим от названия партии حركة التحرير الوطني الفلسطيني, «Движение за национальное освобождение Палестины», основанной Ясиром Арафатом, одной из ведущих партий современной Палестинской территории. Подобные сокращения иностранного происхождения функционируют в тексте испанской газеты в качестве имен собственных, их написание не стандартизировано, вследствие чего в том или ином периодическом издании его форма вариативна. Во многих случаях расшифровка акронима требует знания иностранного языка, не всегда знакомого

рядовому читателю. Тем не менее этот факт не влияет на понимание материала статьи, из чего можно сделать вывод о том, что в его сознании подобные акронимы функционируют как независимые лексические единицы.

В то время как названия наиболее известных испанских партий и организаций встречаются преимущественно в виде сокращений, функционирование большинства аналогичных иностранных или малоизвестных испанских реалий основывается на принципе сохранения понимания содержания в процессе использования компрессивных конструкций. Основная тенденция в изданиях «El País», «La Vanguardia», «ABC», «El Mundo» и «Marca» состоит в приведении сначала полной, а затем акронимической формы наименования организаций, упоминаемых в статье впервые. Подобный способ представления неизвестного читателю явления позволяет в дальнейшем использовать его сокращенную форму без потери смысла высказывания. Ср.:

El juez instructor, la Policía y la fiscal les han encuadrado dentro del Grupo Islámico Combatiente Marroquí (GICM), supuesto socio de Al Qaeda (El Mundo, 09.08.2007, с. 13).

По сравнению с частотностью использования акронимов, употребление аббревиатур в испанском периодическом тексте по данным проведенного статистического анализа встречается в среднем только в 65% статей и характеризуется большей униформностью по сравнению с рассмотренной выше фигурой. Это обусловлено тем, что, в отличие от акронимов, значение аббревиатур в большинстве случаев стандартизировано не только для определенного языка, но и для ряда других языков (ср.: *km, kg, etc.*). Кроме того, возможность их неоднозначной интерпретации значительно ниже, чем у акронимов. Таким образом, перечисленные выше свойства способствуют высокочастотному употреблению аббревиатур в газетных статьях, так как это позволяет сохранять полноту смысла в максимально компрессивной форме.

Несмотря на общую тенденцию к униформности использования аббревиатур в испанских печатных изданиях, существуют значительные различия в написании ограниченного числа подобных сокращений, наиболее употребительным из которых является название Соединенных Штатов Америки. Согласно «Diccionario Panhispánico de Dudas» Испанской Королевской Академии, единственным правильным вариантом написания этой аббревиатуры в испанском языке является EE.UU (DPD, 2005, с. 274). Использование точки в конце каждой из удвоенных групп согласных обязательно, в отличие от случаев акро-

нимии. Тем не менее употребление краткого названия Соединенных Штатов в испанской периодике имеет значительные отличия. Так, только два из пяти рассматриваемых изданий, «ABC» и «La Vanguardia», отвечают требованиям правописания аббревиатур, представленным в «Ortografía de la lengua española» (OLE, 1999, с. 33, 55). Остальные газеты используют собственные варианты аббревиатуры: корреспонденты «El País» предпочитают *EE UU*, а также в редких случаях *E.E.U.U.*, в «El Mundo» преимущественно употребляется форма *EEUU*.

Корпус примеров использования аббревиации в тексте испанской периодической печати позволяет выделить основные наиболее высокочастотные группы этого вида структурной компрессии. Первую, наименее частотную из них, составляют единицы измерения: *kilogramo(s)* – *kg*, *kilos*, *kilómetro* – *km*, *metro(s)* – *m* и другие. Аббревиатуры второй группы, преобладающие в объявлениях и в оформлении фотоматериала, более широко представлены в испаноязычной прессе. В нее входят: *facsimile* – *Fax u fax*; *teléfono* – *tel.*, *sociedad* – *sdad*, *ciudad* – *cdad*, *izquierda* – *izqda.*, *derecha* – *dcha*, *et cetera* – *etc.* и другие. Особую группу составляют сокращения титулов и обращений, например, *Su Alteza Real* – *S.A.R.*, *Su Majestad* – *S.M.*, *Excelentísimo* – *Excmo*, *Señor/a* – *Sr./Sra*, *Don/Doña* – *D./Da* и др. Четвертый и наиболее распространенный вид составляют аббревиатуры с использованием числительного. Данная часть речи предоставляет наибольшие вариации в написании, одновременно сохраняя полноту смысла высказывания. Так, аббревиации может подвергаться имя числительное, написанное цифрами. Ср.:

El Ciudad de Cádiz Devino en octubre del 34 en barco prisión y en el 39 fue hundido por un submarino italiano cuando llevaba un cargamento de armas para la moribunda República (El País, 10.06.2006, с. 42).

В настоящем примере контекст статьи определяет смысл высказывания и относит описываемые события к 1934 и 1939 годам соответственно. Кроме того, при написании цифрами порядковых числительных род последних может быть обозначен в виде надстрочного символа, указывающего таким образом на их категорию, что облегчает прочтение и правильную интерпретацию информации читателем. Ср.:

En la apertura, toros de Palha, desiguales; al bravo 6º se le dio la vuelta en el arrastre (ABC, 03.08.2007, с. 71).

В тексте испанской газетной публикации имена числительные могут сопровождаться специальными символами, являющимися знаковыми выражениями соответствующих понятий (№, %, \$ и др.). Тенден-

ция к употреблению последних в форме знака как выражение стремления к языковой экономии или их словесного эквивалента различна в тех или иных изданиях. Так, на основе анализа употребления одного из наиболее используемых символов – «%» – можно сделать вывод о том, что такие газеты, как «El País», «El Mundo» и «La Vanguardia», в отличие от «ABC» и «Marca», предпочитают использование знака, а не слова «процент(ы)», проявляя тенденцию к большей компрессивности высказывания.

В отдельную шестую группу высокочастотных фигур сокращения, функционирующих в материалах испанской периодики, следует выделить модель аббревиации дат значительных событий. Происхождение этой модели, начало использования которой датируется террористической атакой на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года, следует отнести к заимствованиям из английского языка, в газетном материале которого она отличается высокой продуктивностью. В испанских изданиях аббревиации по данной схеме подвергается ограниченное количество дат событий, связанных в основном с террористической деятельностью как в Европе, так и за ее пределами. Ср.:

Ni siquiera en el medio de la intensa atmósfera del 11-S, especialmente en Nueva York, donde el humo de la zona cero todavía estaba en el aire (El Mundo, 20.03.2003, с.24).

Подводя итоги анализа испанского газетного материала, следует отметить, что возможность максимальной компрессивности рассмотренных фигур сокращения определяет высокую частотность их употребления в испанской периодической печати. Благодаря стандартизированной форме и значению, закрепленному за ними, подобные конструкции наиболее полно реализуют основные принципы построения публицистического текста, позволяя сэкономить пространство и одновременно сохранить полноту содержания представляемого материала. Следствием этого и является высокочастотность использования акронимов и аббревиатур в испанской периодике. Тем не менее то или иное издание устанавливает собственную политику употребления фигур сокращения и их полных эквивалентов, тесно связанную со структурными особенностями этой газеты, а также с типом ее аудитории. Анализ публицистического материала показал, что газеты «El País» и «La Vanguardia» предпочитают использование аббревиатур и акронимов исключительно в тех случаях, восстановление смысла сокращения в которых не вызывает затруднения. Издание «El País», рассчитанное как на испанскую, так и на иностранную аудиторию, является наименее компрессивной по сравнению с другими рассматриваемыми газетами.

За ней следует «АВС», которая отличается наибольшей иррегулярностью в употреблении сокращений, сочетая использование полных и акронимических форм для достижения максимального понимания материала читателем, а также проявляя тенденцию к полному написанию имен числительных и специальных символов. Наконец, издания «Марса» и «El Mundo» обладают тенденцией к максимальной сжатости текста.

Список сокращений

DPD – «Real Academia Española: Diccionario panhispánico de dudas».
OLE – «Ortografía de la lengua española».

Литература

- Глотова И.П. Семантическая конденсация в разговорной речи // Язык и общество. 1970. № 2.
Гяч Н.В. К вопросу о генетических источниках образования аббревиатур // Лингвистические исследования. Л., 1970.
Зеленин А.В. Деаббревиация в русском языке // Вопросы языкознания. 2005. № 1.
Чекалина Е.М. Язык современной французской прессы. Л., 1991.
Hurtado González S. Dos tendencias antagónicas en el lenguaje periodístico actual // Español Actual. 2005. № 83.
Real Academia Española: Diccionario panhispánico de dudas. Madrid, 2005.
VV. AA. Ortografía de la lengua española. Madrid, 1999.

Источники

- АВС. 2007. 03 авг.
El Mundo. 2003. 20 дек.
El Mundo. 2007. 09 авг.
El País. 2006. 10 июня.
La Vanguardia. 2007. 09 июля.

МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ

М.А. Провоторова

Ключевые слова: оценка, дескрипция, стилистически маркированное сравнение, метафора.

Keywords: evaluation, description, simile, metaphor.

Человеческому познанию присуща избирательность восприятия, не только обусловленная социально-личностной детерминацией отражения, но и заложенная изначально на генном уровне. Избирательность познания объясняется тем фактом, что данная деятельность осуществляется работой двух механизмов: отражения и оценки, единство которых имеет свое обоснование главным образом с физиологической точки зрения [Павлов, 1951, с. 230; Хапсироков, 1972, с. 31–33]. Специфика структурно-генетического уровня заключается в том, что в результате биологической эволюции и антропогенеза органы чувств, адаптируясь к внешней среде, приобрели анатомо-физиологическое строение, позволяющее им иметь высокую чувствительность к какому-либо виду энергии, а организму производить саморегуляцию и самонастройку, подключая или отключая, усиливая или снижая работу тех или иных элементов. Так, при восприятии объекта органы чувств, в зависимости от силы и качества внешнего воздействия, подключают только те механизмы, которые необходимы для адекватного отражения явления [Губанов, 1986, с. 179–184].

Мыслительная деятельность связана с потребностями и интересами человека, поэтому эмоциональные моменты чувств, переживания человека по отношению к окружающему миру непосредственно входят в познавательный процесс и окрашивают его [Рубинштейн, 1998, с. 256]. Так, Л.С. Выготский писал: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления» [Выготский, 1956, с. 54]. Источником эмоций, порождаемых в подкорковой области, является окружающая действительность, откуда через органы чувств, как инструмент, поступает определенная информация, подлежащая переработке в коре головного мозга. Полученная информация может вызывать нервные возбуждения, которые, распространяясь, приводят к возникновению эмоций в подкорке. Они, в свою очередь, выражают оценочность, личностное отношение к определенным явлениям, ситуациям, объектам окружающей действительности, к себе и своей деятельности [Елисеев, 2000, с. 27; Леонтьев, 1971; Симонов, 1993, с. 189].

Таким образом, познание предстает как деятельность, в основе которой лежит оценочность различной модальности. Один из видов оценки отвечает естественному и, как представляется, главному стремлению человека: стремлению к самосохранению. Оценка в данном слу-

чае позволяет выбирать нужные ориентиры в окружающем мире с позиции инстинкта самосохранения. Другая разновидность оценки носит сугубо аксиологический характер, основу которого составляет принадлежность человека к социуму, его желание следовать нормам и правилам, устоявшимся в обществе.

Человек, как естественно-социальная данность, является объектом разных научных парадигм и направлений, в том числе и лингвистики в связи с изменением парадигмальных приоритетов и перемещением акцента с изучения языка в системе на изучение языка в актуализации. Это связано прежде всего с тем, что язык предоставляет богатый и обширный материал для понимания того, что есть человек. Язык отражает мир не напрямую. Поступающая информация подлечит сложнейшим процессам переработки в сознании человека, результатом которых может являться языковой материал как фактического (дескриптивного), так и оценочного содержания. Позволим себе высказать предположение о том, что в дескрипции может быть заложена оценочность, и не только в том случае, когда дескриптивная лексема приобретает оценочную сему под влиянием, например, контекста вследствие смены референта. Исходя из того, что языковая единица дескриптивной семантики есть актуализация фактивных данных, полученных в ходе восприятия окружающей действительности, и эти фактивные данные значимы для формирования некоторого отношения, базирующегося на сравнении и оценке, можно предположить, что это должно найти отражение в языковой репрезентации, а именно в структуре значения признакового слова, возможно, в его импликационале. Отметим, что такого рода оценочность не заложена в значении слова и не имеет ценностного (аксиологического) характера, однако она присутствует в самой логике порождения языковой единицы. В данном случае речь идет о сферах различной природы – логики мыслительных операций и языка, взаимосвязь которых представляется вполне очевидной.

В основе оценки лежит механизм сравнения, представляющий собой ментальное действие, посредством которого предмет или явление оцениваются в соответствии с определенным параметром, конвенционально принятым стереотипом или эталоном. В результате сравнения объект оценки располагается в определенном промежутке оценочной шкалы относительно других объектов, принадлежащих тому же семантическому полю, что и объект оценивания [Israel, Harding, Tobin, 2004, p. 125]. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *But for the most part he had to rely on his mother's skinny cigarettes (Virginia Slims) (Grisham).*

Прилагательное *skinny* = *very thin* [LDELС, 1999, p. 1266] представляет собой языковую единицу дескриптивной семантики. Однако для того, чтобы назвать какой-либо объект данным словом, человеку необходимо провести ряд мыслительных операций, среди которых есть и сравнение. Так, что-то может быть тонким лишь на фоне другого объекта, большего по объему. В данном случае оценка носит логический, рациональный характер, потому что выступает как способ определения сущности объекта либо ситуации и является неотъемлемой частью процесса познания. Подобный тип оценочности представлен в примере 2, где элемент сравнения эксплицитен – *bigger than*:

(2) *Someone who had to struggle and grunt a bit with heavy luggage was likely to earn **bigger tips than a youngster** ... (Hailey).*

В примере 3 лексемы *terrible* = *extremely bad* [LDELС, 1999, p.1392] и *better* (сравнительная степень прилагательного *good*) помимо гносеологической оценки содержат оценочную сему аксиологического начала:

(3) *We asked him how it was to live under Communism, and he said that it was **terrible** at first, because everybody had to work so hard, and because there wasn't much shelter or food or clothing. But things were much **better** now (Vonnegut).*

В языке оценка может выражаться лексически, грамматически, а также при помощи стилистических средств, построенных на логике сравнения: метафоры, сравнения, зевгмы, антитезы и т.д.

Метафора и сравнение представляют собой однопорядковые языковые данности. Одним из их главных отличий, с точки зрения формальной структуры, является сокращенный, имплицитный элемент сравнения в метафоре:

(4) *It is **the worm of self-doubt** that undermines their basic certitude (Hoffman).*

Метафора *the worm of self-doubt* содержит в себе скрытое сравнение: *self-doubt is like a worm*. Негативная оценочность метафоры определяется сложившимся в обществе стереотипом о том, что нечто, подрывающее здоровое состояние организма, нарушающее гармоничное состояние души или вообще общее самочувствие человека, ассоциируется с червем, который поражает человека.

В стилистически маркированном сравнении элемент сопоставления эксплицитен:

(5) *They sat **like bookends** for two hundred yards of silent sand and driftwood (Segal).*

Сравнивая двух детей с концами одной книги, автор показывает, что, с одной стороны, они есть нечто целое (согласно содержанию произведения, Джессика и Жан Клод являются сводными братом и сестрой, которых помимо родственных связей объединяют общие интересы, симпатия друг к другу), с другой стороны, в данный момент каждому из них необходимо уединение, и по этой причине они сидят на расстоянии друг от друга. Положительная оценочность приведенного сравнения определяется, во-первых, самим сравнением: акцент делается на единстве, родственности душ, что всегда хорошо, а во-вторых, тем фактом, что следом за приведенным примером дается контрастная по содержанию информация: *The sun was nearing its meridian when **an unwelcome shadow** cut off Jessie's reading light (Segal)*. Джессика и Жан Клод находятся в очень хороших, теплых отношениях, чего нельзя сказать об отношениях Джессики и Дэйвида, чья «нежеланная тень» («an unwelcome shadow») закрыла девочке свет для чтения.

Сходные по своей логической сути явления различаются формальной языковой актуализацией. Исходя из этого, иногда возможно замещение сравнения метафорой. Данная идея может быть продемонстрирована путем использования приема перифразы:

(6) ... *the gnarled roots **looked like skeleton claws** (Maurier)* → ... *the gnarled roots **were skeleton claws***.

(7) *He walked quickly, but I thought he **moved like an underwater swimmer** ... (Lee)* → *He walked quickly, but I thought he **was an underwater swimmer** ...*

Метафора тоже может быть развернута до сравнения (simile):

(8) *One thing's for sure. **Little House on the Prairie** it ain't (Laymon)*
→ *One thing's for sure. It ain't **like Little House on the Prairie***.

Выбор метафоры или сравнения представляется зависимым от индивидуального видения ситуации человеком, от условий коммуникации: от того, на чем необходимо сделать акцент, от тезауруса реципиента и т.д.

В процессе метафоризации и сравнения происходит сопоставление фундаментально отличных сущностей, принадлежащих к разным областям действительности [Miller, 1993, p. 373]. Возможность их появления в одном контексте свидетельствует о способности человеческого сознания находить некоторые общие точки соприкосновения у различных явлений. Рассмотрим следующий пример:

(9) *My existence was **as unstable as a stream**, changing in every way ... (Golden)*.

Основанием для данного сравнения является подвижность, неустойчивость, неопределенность, характерная как для человеческой жизни, так и для течения воды.

Использование стилистических приемов метафоризации и сравнения всегда ведет к оценочности.

(10) *And please don't think of him as some Casanova running around taking advantage of country girls* (Waller).

Казанова, как известно, – реальная личность, человек, живший в XVIII веке и получивший известность благодаря ведению «свободного» образа жизни. Реккурентность использования сравнения с этим человеком привела к тому, что имя собственное «Casanova» приобрело статус нарицательного и функционирует в языке со следующим значением:

Casanova = a man who has had, or says he has had, a lot of lovers [LDELС, 1999, p. 190].

Интенционал лексемы не имеет оценочных компонентов, однако, принимая во внимание тот факт, что в культуре большинства цивилизованных стран безнравственное, непристойное и распущенное поведение расценивается как нечто негативное, можно утверждать наличие отрицательной оценочности в импликационале слова. Итак, именуя или сравнивая кого-либо с Казановой, во-первых, мы имеем дело со сменой референта, то есть называем не того самого Казанову, жившего несколько столетий назад, а иную личность, подходящую под характеристику героя XVIII века. Во-вторых, признаковые смыслы первоначального имени переносятся на настоящий объект, где становятся оценочными. Исходя из этих соображений, можно заключить, что в настоящем случае лексема «Casanova» привносит элемент отрицательной оценочности. Актуализация негативной коннотации происходит под влиянием контекста: *running around taking advantage of country girls*.

Метафора основывается на скрытом сравнении и также служит причиной появления оценки:

(11) *Di Silva thinks I'm Ahab and he's the white whale* (Sheldon).

В приведенном примере автор обращается к произведению Г. Мелвилла «Моби Дик», в котором капитан Ейхаб, рискуя своей жизнью и жизнью матросов, охотится на огромного, опасного кита Моби Дика. Ейхаб полон решимости убить кита, но животное топит корабль, погубив капитана и большинство членов его команды. В результате аллюзии к героям произведения происходит смена референтов: Ейхабом именуется Дженнифером Паркером, а прокурор округа

Роберт ди Силва называется китом. Метафоричное использование имен позволяет актуализировать новые смыслы. Читатель, обладающий широким художественным кругозором, оценивает героев современного произведения соответственно ведущим характеристикам героев «Моби Дик». Это свойства настойчивости и решительности молодого адвоката, похожие на настойчивость и решительность капитана, и настоящая сила победителя в лице прокурора и Моби Дика. Определяя характер оценки, необходимо иметь в виду, что герои характеризуются с точки зрения прокурора, поэтому метафора «the white whale» расценивается как нечто сверхмогучее и сильное, а метафора «Ahab» – как его противоположность.

Итак, оценка изначально предстает как явление, основанное на логике сравнения. В языке есть множество уже готовых средств выражения оценочности: существительные, прилагательные, глаголы и т.д. Однако человеческое сознание устроено таким образом, что единицы, не содержащие оценочного компонента, под влиянием контекста могут стать оценочными. Так, метафоричные конструкции и структуры с элементами сравнения всегда являются средством порождения оценки. В основе данного процесса лежит идея о смене референта и переносе признаковых смыслов имени – источника метафоры или сравнения на объект, где эти признаковые смыслы становятся оценочными.

Литература

- Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Губанов Н.И. Чувственное отражение: анализ проблем в свете современной науки. М., 1986.
- Елисеев Е.В., Белоедов А.В. Психодинамическое определение мозговой организации эмоциональной сферы человека. Челябинск, 2000.
- Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. Конспект. М., 1971.
- Павлов И.П. Полное собрание сочинений. М., 1951. Т. III. Кн. 2.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1998.
- Симонов П.В. Информационная теория эмоций // Психология эмоций. М., 1993.
- Хапсироков А.Я. Отражение и оценка. Горький, 1972.
- Israel M., Harding J., Tobin V. On Simile // Language, Culture, and Mind. Stanford, Calif.: CSLI Publications, 2004.
- Miller G. Images and models, similes and metaphors // Metaphor and Thought. N.Y.: Cambridge University Press, 1993.
- LDELС: Longman Dictionary of English Language and Culture. Barcelona: Longman, 1999.

Источники

- Golden A. *Memoirs of a Geisha*. L., 2005.
Grisham J. *The Client* [Audio]. N.Y., 2006.
Hailey A. *Hotel* [Electronic resource]. URL: <http://greylib.align.ru/bookdetails.php>
Hoffman E. *Lost in Translation*. NY., 2004.
Laymon R. *No Sanctuary*. – NY, 2003.
Lee H. *To Kill a Mocking Bird*. NY., 2002.
Segal E. *Man, Woman and Child*. NY., 1981.
Sheldon S. *Rage of Angels* [Electronic resource]. URL:
<http://greylib.align.ru/bookdetails.php?book=26&lang=1>
Vonnegut K. *Slaughterhouse Five* [Audio]. N.Y., 2005.
Waller R.J. *The Bridges of Madison County*. NY., 1995.

ГРАДИЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР НЕНОРМАТИВНОСТИ

О.А. Козлова

Ключевые слова: градиентность, норма, отклонение от нормы.

Keywords: gradience, norm, deviation.

Понятие нормы входит во все сферы человеческой деятельности, приложимо ко всему, что служит интересам человека [Арутюнова, 1999, с. 75]. В отличие от исходного понятия нормативности, которое глубоко исследовано Г.Х. фон Вригтом, предлагавшим разграничивать в рамках нормы законы и правила [Wright, 1965], ненормативность как проявление флуктуаций признака долгое время оставалась за пределами интересов аксиологии. При этом отмечалось, однако, что соответствие / несоответствие норме, по крайней мере, в области конвенциональных норм объясняется субъективностью восприятия [Трунова, 1995].

Содержание «хорошести» [Елизарова, 1987] как положительное качество в рамках дихотомии абсолютных оценочных предикатов «хорошо» – «плохо» изменчиво во времени. Достаточно сравнить представление о женской красоте во времена Рубенса (XVI–XVII веках) и в 60-е годы XX века:

*I showed up on time for my eleven A.M. interview and didn't panic until I encountered the line of leggy, **Twiggy types** waiting to be permitted to board the elevators [Wiesberger, 2003, p. 13].*

Таким образом, можно говорить, во-первых, об изменчивости нормы как таковой и, во-вторых, о подвижности полюсов «хорошо», «плохо» по отношению к заданной точке отсчета [Германов, 2006].

Являясь подвижной и ситуативно обусловленной [Абишева, 2002, с. 141–142], норма «обозначает границы, в которых вещи, явления, природные и общественные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы воспроизводства» [Кемеров, 2004, с. 461].

Отклонение от нормы может оцениваться как противоположение норме, то, что порицается, наказывается [Дубровский, URL]. Вместе с тем норма и ненормативность не изолированы друг от друга, нельзя четко разделить мир на черное и белое, провести абсолютную границу между добром и злом. Многие действия не следуют нормам неукоснительно, но при этом не все отклонения одинаковы с точки зрения их влияния на социальное взаимодействие, некоторые из них не представляют собой угрозы для социального баланса. Так, в китайском ресторане, где традиционно принято есть специальными палочками, всегда можно попросить столовые приборы, и это не вызывает порицания или одобрения, то есть отклонение от нормы может происходить в рамках правил и принятых стандартов.

Как правило, нормативное проявление признака, как и отклонение, не связывается исключительно с одним количественным значением, а распределяется в рамках, ограниченных минимальным и максимальным показателями [Глазунова, 2000]. Под действием фактора времени норма как антропокультурная мера преобразуется из единичного ориентира в «трансформационный ряд эталона» [Шкуратов, URL], в некоторое количество значений, которые «находятся более близко к норме, чем что-либо другое одновременно возможное» [Мур, 1984, с. 233]. Одним из путей более глубокого изучения названного явления представляется анализ языковых средств выражения нормы и обозначенных флуктуаций, поскольку именно язык является кодом доступа к ментальным процессам оценивания.

Универсальный характер нормы позволяет предположить, что для ее изучения могут быть использованы отдельные положения теории оптимальности, в центре которой находятся проблемы поисков оптимальных средств передачи содержания. Всякий объект / явление окружающей действительности в процессе восприятия и познания, проходя через систему универсальных ранжированных ограничений, нарушает при этом некоторые из них. При этом оптимальный репрезентант некоторой области объектов и признаков, соответствующий норме, не обя-

зательно должен быть идеальным, то есть удовлетворять всем ограничениям, однако он удовлетворяет наиболее значимым требованиям или критериям, которые прочие репрезентанты нарушают [Prince, Smolensky, URL; Keller, URL]. Согласно теории оптимальности, любая мысль, любой фрагмент культурного знания и опыта могут быть актуализированы различными языковыми средствами как лексически (при помощи номинативных единиц), так и описательно, разговорно-конверсационно и т.д. В каждой отдельной ситуации субъект высказывания выбирает одно средство, при этом универсальный характер той или иной категории «ограничивается высокой степенью специфичности данного языка» [Мощенникова, 2004, с. 7]. Интегральный характер теории оптимальности позволяет осуществлять системное рассмотрение средств актуализации отклонений от нормы, поскольку здесь принимаются во внимание содержательный, структурный, прагматический и функциональный аспекты этих средств.

Очевидно, невозможно выработать универсальные критерии для всего на свете: выражения «хороший пылесос» и «хороший врач» предполагают наличие разных свойств, качеств и требований, соответствие которым будет приближать оцениваемый объект к норме. В качестве инструмента оценки статуса субоптимального кандидата (то есть отклонений от нормы) может быть использован метод градиентного шкалирования, при этом содержательное наполнение шкалы будет разным для разных объектов оценки.

Кумулятивные свойства ограничений позволяют размещать субоптимальные единицы на градиентной шкале относительно зоны нормы (зоны оптимальных репрезентантов). Множество «вариантов нормативности, составляющих сложную сеть переплетения взаимозависимости» [Трунова, 1995, с. 25], порождает столь же богатое разнообразие отклонений от нормы. В зависимости от вида, характера нарушенных критериев происходит незначительное / значительное / максимальное отклонение от нормы – отсюда ранжирование по градиентной шкале.

Градиентность, в отличие от прототипичности, отражает особенности ненормативности, специфику актуализации как нормативных значений, так и отклонений от нормы. В рамках шкалы градиентных переходов можно показать, что «норма и аномалия не разделены глухой стеной» [Арутюнова, 1999, с. 70].

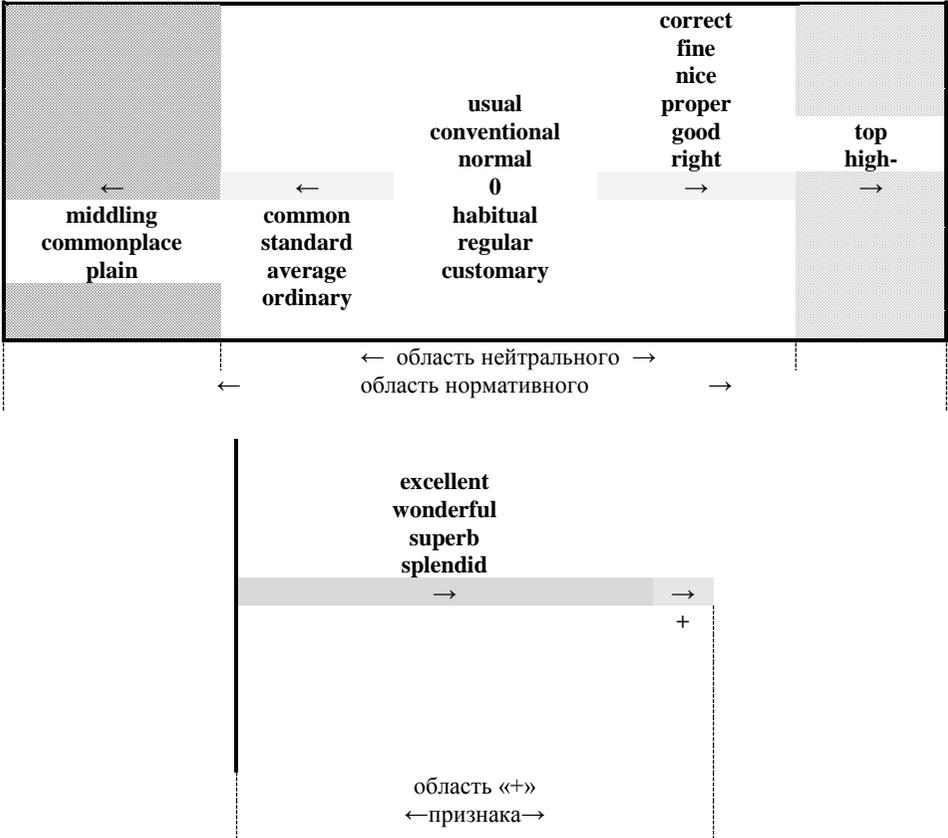
В классической теории оптимальности происходит противопоставление оптимального репрезентанта и всех остальных [Prince, Smolensky, URL; Keller, URL], а метод градиентного анализа предполагает непосредственное градиентное моделирование, снимает необхо-

димось останавливаться на одной единице или способе актуализации, который был бы оптимальным, предоставляя возможность и инструментарий оценки статуса субоптимальных кандидатов, то есть отклонений от нормы. Его использование позволяет отойти от бинарного подхода «хорошо / плохо», вместо этого появляются более или менее приемлемые составляющие, что дает возможность не только констатировать отклонение от нормы, но и оценить его, не просто перечислить и описать средства актуализации ненормативности, но и разместить их на оценочной шкале.

Способы актуализации отклонений от нормы можно расположить в зависимости от направления градуирования и отношения к пределу. Схема 1, на которой изображена двунаправленная шкала с полюсами «+» и «-», зоной «нейтрального», которая обозначена как «0», и заштрихованными зонами «перехода», иллюстрирует разные степени отклонения от нормы, эксплицированные лексически.

**Схема 1. Лексическая актуализация градиентности
в области нормативных представлений**

Норма занимает большее или меньшее пространство в средней части шкалы, она, как правило, ближе к «хорошо», однако ее можно выразить целым рядом средств, располагая их по градиентной шкале (по типу цветового спектра), где границы между «хорошо / плохо» не являлись бы глухими, непроходимыми. Выражения типа *usual / normal / regular worker* актуализируют норму, не отвечая, однако, на вопрос, «хорошо» это или «плохо». Говоря *common / ordinary / average*

employee, имеют в виду человека, чья деятельность, внешний вид, манера общения и т.д. не являются ненормативными, однако такая характеристика уводит из зоны «нейтрально» в зону «–»: *работник как работник, ничего особенного*. Сдвиг зоны нормы в сторону «+» обуславливает включение в нее сочетаний типа *good / proper worker*. Однако высказывания, содержащие такие выражения, как *skilled / proficient / expert / top worker* или *master*, иллюстрируют скорее отклонение от нормы в сторону «+», хотя при определенных обстоятельствах они могут указывать на норму. Так, большинство работодателей предпочтет именно высококвалифицированных, профессиональных работников, признавая при этом, что они – большая редкость. Максимальные отклонения от нормы часто вербализуются посредством метафор, фразеологизмов, сленга, например: *fit for the waste-basket / wizard with one's hands, off one's rocker / as wise as Solomon*.

Вербализация отклонений от нормы может осуществляться в том числе при помощи оценочных слов и выражений, характеризующих норму:

Проект хорош во всех отношениях! (содержит указание на норму).

Ну, ты хорош! Нечего сказать! (указывает на отклонение).

«В процессе оценивания может происходить варьирование значения в достаточно широком смысле, его передвижение в направлении к флангам / центру шкалы, допускающее иногда двоякую интерпретацию» [Овсянникова, 2004, с. 115]; поскольку любое качество или признак предмета / явления может рассматриваться как в положительном, так и в отрицательном ракурсе, в зависимости от степени и характера его проявления в определенной ситуации:

He is such a baby! (о 40-летнем мужчине).

Jenny gave us the wrong number! – Oh! That is so Jenny!

Различные степени отклонения от нормы могут характеризоваться как «+»: *child prodigy – вундеркинд, clear head – умница*, так и «–»: *nerd – ботаник, geek – заучка*, хотя набор оцениваемых качеств (интеллектуальные способности, прилежание), в принципе, один и тот же.

«Преувеличенное достоинство воспринимается как недостаток» [Балли, 1955, с. 192], например: *candy kid – най-мальчик, eager beaver – трудога, трудоголик, (evil) genius – (злой) гений*.

Краткий обзор основных положений аксиологии в области определения ее базовых понятий, а также анализ фактического языкового материала свидетельствует о следующем:

– оценочная шкала представляет собой подвижную структуру;

- содержательное наполнение оценочных предикатов определяется внешними по отношению к объекту оценивания факторами;
- переход от нормы к ненормативности градуируем;
- градиентность отношений в рамках триады «хорошо» – «нормально» – «плохо» репрезентируется единицами разных языковых уровней;
- наибольшую смысловую нагрузку в этом плане несут лексические единицы;
- характер оценки имплицуруется во всех стилистических приемах.

Литература

- Абишева А.К. О понятии ценности // Вопросы философии. 2002. № 3.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Германов С.Н. Опыт построения лексико-семантического поля с доминантой «странный» // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Белгород, 2006. Вып. 9. Ч. 2.
- Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000.
- Дубровский В. Нормы и отклонения с системо-деятельностной точки зрения [Электронный ресурс]. URL: <http://v2.circle.ru/kentavr/n/38/content>
- Елизарова Г.В. Сложноподчиненное предложение с главной частью типа *it is said; it is hoped* (семантический, номинативный и прагматический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
- Кемеров В.Е. Норма // Современный философский словарь. М., 2004.
- Мошеникова С.В. Дискурсивно-прагматический потенциал категориальных и некатегориальных форм выражения пассивной перспективы высказывания и текста в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
- Мур Дж. Принципы этики. М., 1984.
- Овсянникова Н.В. Анализ языковых средств выражения самооценки женщинами (на примере адъективных предложений в русских, британских и американских текстах) // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2004. Вып. 3.
- Трунова О.В. Семантические константы и дискурсная дивергентность форм категории модальности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995.
- Шкуратов В.А. Рассказывать и нормировать [Электронный ресурс]. URL: <http://existrad.narod.ru/16.htm>
- Keller F. Gradient Grammaticality as an Effect of Selective Constraint Re-ranking [Electronic resource]. URL: <http://homepages.inf.ed.ac.uk/keller/papers/cls98.html>
- Prince A., Smolensky P. Optimality Theory. Constraint Interaction in Generative Grammar [Electronic resource]. URL: <http://roa.rutgers.edu/files/537-0802/537-0802-PRINCE-0-0.PDF>
- Weisberger L. The Devil Wears Prada. New York, 2003.
- Wright G.H. von On Norm in General // Value and Man: Readings in Philosophy. New York, 1965.

ПРЕДИКАТИВНАЯ ЕДИНИЦА БОГ МИЛОСТИВ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

А.К. Погребняк

Ключевые слова: этнокультурный концепт, языковая картина мира, паремия, фразеологизм, предикативная единица.

Keywords: ethnocultural concept, linguistic view of the world, paroemia, fixed phrase, predicative unit.

В паремиях (устойчивых фразах с синтаксической структурой предложения – [Пермяков, 1970]) заключено восприятие мира языковым коллективом. Отраженная в них система взглядов и представлений формирует паремиологическое пространство [Левин, 1984], в котором осмысляются ключевые понятия картины мира, этнокультурные концепты и связанные с ними ключевые идеи. Одним из этнокультурных концептов является понятие «Бог».

В позиции субъекта *Бог* входит в устойчивые предикативные единицы (далее – ПЕ). Некоторые из них употребляются свободно в качестве фразеологизмов: *Бог даст / дал, Бог помощь, Бог прибрал, Бог миловал, Бог (его) знает*. ПЕ с глаголами *дать, видеть, помочь, простить, ведать (знать)* были описаны в работе: [Погребняк, 2005].

Предметом рассмотрения данной статьи является функционирование ПЕ типа *Бог милостив* в паремиях. В собственном значении она близка к словам *повезло, судьба, (не) суждено, авось*, выражающим идею неконтролируемости существующего положения вещей и воздействия каких-то внешних сил – «нечто хорошее происходит / случается само собой» [Зализняк, Левонтина, 2005; Апресян, 2006]. ПЕ характеризуется такими семантическими признаками, как указание на божественную природу высшей силы, распоряжающейся жизнью человека, оценка ее как доброжелательной и указание на запланированность, обязательность происходящего события (ср.: *промысел, providение*).

В отличие от ПЕ, омонимичный фразеологизм допускает расширительное толкование. Фразеологизм выражает необязательный, случайный характер позитивного события: говорящий предполагает, что произойдет нечто благоприятное – «скорее произойдет что-то хорошее, но не уверен». В тексте маркерами случайности происходящего выступают показатели неуверенности *может быть* и *авось*: *Утешься, –*

прибавила она голосом более мирным. – Бог милостив; может быть, мы получим помощь, откуда не чаем (Е.А. Баратынский. Перстень).

ПЕ в паремиях является аналитической знаковой формой, названной В.В. Виноградовым фразеологическими сочетаниями. В ней допустима синонимическая замена компонентов и контекст с отрицанием: *Что тому Богу молиться, который не милует?* В пословице *Бог даст / помилует, свинья не съест* при варьировании глагольного компонента значение первой части и пословицы в целом не меняется: «если что-то хорошее произойдет». Омнимичный «свободный» фразеологизм относится к синтетическим формам и, по классификации В.В. Виноградова, представляет фразеологическое единство с прямой мотивировкой. В нем замена компонентов и образование формы с негацией невозможно.

Помимо собственного значения «происходит нечто хорошее» ПЕ имеет значение как компонент паремии – клише большего объема с синтаксической структурой предложения. Мы выделяем следующие значения ПЕ в паремиях, не свойственные омнимичному «свободному» фразеологизму.

1. «Высокая вероятность»

Компонент «высокая вероятность», или «запланированность, обязательность», входит в презумптивную часть значения ПЕ. В паремиях, в которых ПЕ сочетается с количественными словами *много, не убог, богат*, данный компонент относится к утверждению. Говорящий считает некоторое положительное событие весьма вероятным и убеждает в этом себя или своего собеседника: *У Бога милости много; Богат Бог милостью*. В пословице *Праведен Бог и в милости мног* уверенность говорящего подкрепляется его убежденностью в существовании справедливости.

Мысль о высокой вероятности положительного события в пословице *Бог в милости / на милость не убог* передана через отрицание противоположного. В ней милость представлена не как постоянное свойство Бога, а как временное явление: в винительном падеже с предложением *на* обозначает потенциальное действие, в предложном падеже с предложением *в* – эмоциональное состояние субъекта *Бог*.

Вероятность двух позитивных событий сопоставляется в поговорке *Богат Бог милостью, а государь жалостью*, в которой утверждается, что оба события – неконтролируемое позитивное событие и доброе отношение лица с высоким социальным статусом – весьма вероятны. В лексических вариантах *Беден бес, богат Бог милостью* и *Богат Бог милостью, а скуден, да бес* позитивное событие, характери-

зующееся высокой вероятностью, противопоставлено маловероятному негативному событию. Варианты означают: «нечто хорошее вероятно, а нечто плохое – маловероятно».

Позитивное событие случается с субъектом *дурак*, обозначающим в пословице *На дурака у Бога милости много* лицо, личные качества которого не соответствуют тому хорошему, что случается с ним (ср.: *Дуракам везет*). Пословица употребляется иронично по отношению к третьему лицу или к самому себе и означает, что «нечто хорошее происходит с тем, кто не заслуживает этого, и вероятность этого события велика».

2. Предельная возможность

Данный смысл выражен в одной пословице со словом *велик*, обозначающим предельно возможную меру проявления позитивного события: пословица *Велик Бог милостью* означает «нечто очень хорошее происходит».

3. Объектное воздействие

Объектом позитивного события является *виноватый*, обозначающий лицо, ставшее причиной чего-то плохого: *Виноватого Бог помилует, а правого царь пожалует*. *Правый* противопоставлен *виноватому* как субъект, поступающий хорошо. Во второй части отношение лица с высоким социальным статусом характеризуется как обязательное, запланированное. В противопоставленной ей первой части неконтролируемое позитивное событие имеет, скорее всего, случайный характер. Обозначающая событие ПЕ сближается с омонимичным фразеологизмом. Поговорка означает, что «с тем, кто стал причиной чего-то плохого, вероятно, произойдет нечто хорошее, а с тем, кто поступает хорошо, происходит: лицо с высоким социальным статусом относится к нему хорошо / одаривает его».

4. Множественная локализованность в пространстве

В поговорке *Милует Бог и на своей стороне* позитивное событие представлено локализованным в «своем» пространстве. Частица *и* в данной контексте обозначает «включение в множество», то есть указывает на то, что «существуют другие объекты (или объект)», сходные или тождественные названному [Урысон, 2000]. По-видимому, своя сторона объединяется с чужой стороной как локус позитивных событий. Но для данной паремии центральным объектом является «своя» сторона.

Следующие два значения ПЕ имеет в паремиях, в которых говорится о двух взаимозависимых явлениях, одно из которых выражено ПЕ. Она обозначает позитивное событие, от осуществления которого

зависит другое явление или само является зависимым. В первом случае ПЕ обозначает причину или условие, другие части или компоненты паремии – следствие. Во втором случае ПЕ обозначает следствие, другие компоненты паремии – причину или условие.

5. Условие или причина

Следствием позитивного события, выраженного ПЕ, являются:

– не происходит негативное событие: *Бог помилует, свинья не съест* означает, что «если произойдет нечто хорошее (при положительных обстоятельствах), то не случится плохое»;

– позитивные эмоции субъекта: *Бог не без милости, казак не без счастья*;

– доброе отношение лица с высоким социальным статусом.

Смысл выражен в нескольких вариантах и, вероятно, значим: *Бог милостив (помилует, милует), а царь жалостлив (пожалует, жалует); Бог а царь Бог помилует, так и царь пожалует*.

В поговорках варьируется форма предиката. Адъективный предикат акцентирует компонент «позитивность», глагольный – компонент «событие». Глагол (*по*)жаловать может употребляться в нравственном и утилитарном смысле. В нравственном смысле он является глаголом состояния и выражает значение «жалеть». В утилитарном смысле предикат является глаголом действия и употребляется в значении «одаривать». Смысл вариантов сводится к тому, что «если происходит нечто хорошее, следовательно, лицо с высоким социальным статусом отнесется хорошо / одарит»;

– рождение ребенка проходит благополучно: *Бог с милостью, а бабка с руками*. В поговорке *бабка* обозначает бабушку-повитуху, принимающую роды: при благоприятных условиях она благополучно принимает роды;

– находиться в привилегированном месте: *Не всем в раю быть, кого Бог помилует*;

– обладать материальным благосостоянием: *Милостив Бог, а я, по Его милости, не убог*.

В негативном контексте следствием негативного события, выраженного ПЕ с отрицательной частицей *не*, является утрата уважительного отношения, почитания субъекта: *Что тому Богу (святому) молиться, который не милует?* Г.Л. Пермяков вариант со словом *святой* относит к пословицам с переносным значением, то есть рассматривает ее в обобщенном смысле. *Святой* и *Бог* могут обозначать любого уважаемого субъекта. Тогда ПЕ обозначает не негативное событие, происходящее само собой, а отношение уважаемого субъекта. Пословица

обозначает: «непроявление доброго отношения уважаемым субъектом приводит к утрате объектом уважительного отношение к нему».

4. Следствие

В одной пословице утверждается отсутствие причины позитивного события: *Бог не Мануков, и без посула милует* (*Мануков* – «бывший в царствование Анны Иоанновны вице-губернатором в Санкт-Петербурге и казненный за взятки в 1739 г.» – примеч. В.И. Даля). В ней сопоставляются два явления: позитивное событие и доброе отношение государственного служащего, определяемое посулом, то есть взяткой. Частица *и* подчеркивает высокую вероятность позитивного события по сравнению с маловероятным добрым отношением чиновника. Паремия означает, что «вероятнее, что нечто хорошее произойдет само собой, без каких-либо действий субъекта, чем государственный служащий поможет, доброе отношение которого определяется взяткой».

В остальных паремиях причина или условие эксплицируются. ПЕ обозначает нормальное и ненормальное следствие. В текстах с нормальным следствием описывается «ожидаемое» положение вещей, а в текстах с ненормальным следствием ожидание оказывается обманутым (в качестве ожидаемого нормального следствия в них предполагается неблагоприятное положение дел).

4.1. Причиной или условием нормального следствия являются:

– добрые дела лица с высоким социальным статусом: *За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует*. Выражение *вся земля* метонимично обозначает людей, проживающих на ней. Поговорка означает, что «результатом плохих поступков лица с высоким социальным статусом является то, что со многими происходит нечто плохое, а результатом его добрых дел – нечто хорошее, происходящее со всеми»;

– соответствие социального статуса занимаемой должности: *Государь царствует, Бог милостив*. Поговорка может быть понята иначе, если позитивное событие обозначает причину: «если Бог милостив, то государь царствует», то есть «при благоприятном стечении обстоятельств лицо с высоким социальным статусом занимает соответствующую ему высокую должность». Но в основном в паремиях условие предшествует следствию, в том числе и в бессоюзных конструкциях. Поэтому в качестве основного значение ПЕ мы называем следственное;

– помощь субъекту, нуждающемуся в ней: *На вдовий дом (двор) хоть щепку брось, и за то Бог помилует*.

Причиной негативного события, выраженного ПЕ с частицей *не*, называется пьянство: *Пьет, как люди, а за что Бог не милует, не знает*. Паремия иронична: причина негативного события в ней представлена как якобы неизвестная. Субъект действует так же, как все, но нечто плохое происходит только с ним.

4.2. Причиной или условием ненормального следствия являются:

– негативное событие. Смысл выражен в нескольких вариантах: *Страшен (грозен) сон, да милостив Бог; Страшен черт, да милостив Бог; Черт стращает, а Бог милует*.

Варианты предиката в первой структурной части немного по-разному представляют негативное событие. Все содержат компонент «негативность» – представление о том, что событие является злом. Но предикат *страшен* предполагает переживание эмоции страха субъектом (ср. с глаголом *бояться*), в то время как предикат *грозен* обозначает положение вещей, которое не вызывает переживаний субъекта. Оба предиката употребляются в неказуативной конструкции, в которой субъект состояния «имеет некоторую свободу выбора и отчасти сам отвечает за то, что с ним произошло» [Падучева, 2004, с. 282]. Глагол *стращать* употребляется в казуативной конструкции, в которой состояние страха субъекта объясняется воздействием каузатора *черт*, обозначающего отрицательно характеризующееся лицо (ср. с глаголом *пугать*). Варианты означают, что «ожидается, что произойдет нечто плохое, но происходит нечто хорошее»;

– плохие дела субъекта. Смысл выражен в поговорке *Не по грехам нашим Господь милостив*, представляющей видоизмененный текст Псалма 102: 10. В Национальном корпусе русского языка она употребляется с глагольным предикатом: *У всех на душе страшная поистине мысль о том, что могло случиться и что не случилось истинно потому только, что Бог не по грехам нашим помиловал* (Г.И. Чулков. Императоры: Психологические портреты). Смысл поговорки заключается в том, «человек поступает плохо, но с ним происходит нечто хорошее»;

– негативные эмоции. Близкая по форме к приведенным пословицам поговорка *Мы с печалью, а Бог с милостью* отличается первой структурной частью. Местоимение 2 лица множественного числа подчеркивает причастность говорящего к ситуации («случилось плохое со мной»), его включенность в обобщенный опыт людей, а предикат обозначает негативные эмоции: «субъект испытывает отрицательные эмоции, но происходит нечто хорошее»;

– чрезмерное проявление отрицательного качества, выраженное словом *лихость* в лексических вариантах *Человек с лихостью, а Бог с*

милостию и Кто с лихостью, а Бог с милостию. Варианты означают: «субъект чрезмерен в проявлении отрицательного качества, но происходит нечто хорошее».

Среди рассмотренных паремий в поисковой базе Google самой частотной является пословица *Страшен сон, да милостив Бог*, поэтому значение ненормального следствия можно считать основным для ПЕ. Значительно реже употребляются пословицы с количественными словами и словом *велик*, обозначающие высокую вероятность позитивного события, и пословицы *Бог не без милости, казак не без счастья* и *Бог помилует, свинья не съест*, в которых ПЕ обозначает условие. Анализ контекстов свидетельствует, что пословицы с ПЕ обычно употребляются в качестве (само)утешения, (само)ободрения. Они предполагают нереализованность позитивного события и ориентированы на будущее.

Литература

Апресян В.Ю. Семантика и прагматика судьбы // Материалы международной конференции «Диалог-2006». 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Apresyan.htm>

Зализняк А.А., Левонтина И.Б. Отражение «национального характера» в лексике русского языка // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

Левин Ю.И. Провербиальное пространство // Паремииологические исследования. М., 1984.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише. М., 1970.

Погребняк А.К. Предикаты в паремийном пространстве концепта «Бог» // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика. Красноярск, 2005.

Урысон Е.В. Русский союз и частица *и*: структура значения // Вопросы языкознания. 2000. № 3.

Источники

Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки // Архив ист.-юрид. сведений, относящихся до России. М., 1854. Кн. 2. Ч. 2.

Даль В.И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс].

Пословицы, поговорки и загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л., 1961.

Снегирев Н.М. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. Нижний Новгород, 1996.

**ИСПОВЕДАЛЬНАЯ МАНЕРА ПОВЕСТВОВАНИЯ И МОТИВ
ПОКАЯНИЯ В ПОВЕСТЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ВЕЧНЫЙ
МУЖ» И К.Н. ЛЕОНТЬЕВА «ИСПОВЕДЬ МУЖА»**

А.А. Бахаева

Ключевые слова: исповедь, система персонажей, повествовательная манера.

Keywords: repentance, the system of characters, the manner of narration.

Исповедальность – это изначальная основополагающая интенция сознания, находящая свое отражение и воплощение во всей многоликости форм речевого общения и даже порождающая и генерирующая саму ситуацию человеческого общения, взятую как таковую, в ее смысловой фактичности, без учета многогранных форм проявления. Исповедальность можно назвать некоей архетипической для человеческого сознания формой его бытия, архетипом общения – своеобразным интенциональным и коммуникативным первообразом, находящим свое выражение в различных формах речевых высказываний, в разных жанрах речевого общения. Можно сказать, что исповедальное общение – это более всего общение, поскольку подразумевает особенно глубокий контакт сознаний, хотя бы потенциальный. Присутствие «Другого», «не-я» – одно из условий исповедального слова. Исповедальное состояние сознания есть то генеральное смысловое поле, в котором обнаруживается единство различных понятийно-семантических форм, обозначаемых словом «исповедь» [Ибатуллина, URL].

Обратив внимание на созвучие названий произведений Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева – повестей «Вечный муж» (1870) и «Исповедь мужа» (1867), мы попытались провести сравнительный анализ мотива покаяния и исповедальной манеры повествования в этих произведениях. И в рассказе Достоевского, и в повести Леонтьева мотив покаяния является одним из ключевых. В «Исповеди мужа» он заявлен на уровне названия, манеры повествования, в самой форме организации текста (дневниковые записи). Несмотря на очевидную схожесть – по названию («Исповедь мужа», «Вечный муж»); теме (семейные отношения); системе персонажей (любовный треугольник); сюжетным ходам (смерть героини, взаимоотношения мужа и любовника, мотив самоубийства); временной организации (продолжительный отрезок времени: в «Исповеди мужа» действие происходит на протяжении

8 лет, в «Вечном муже» – спустя 9 лет), – произведения имеют существенные различия. Они касаются, в частности, пространственной реализации. В «Вечном муже» события происходят в Петербурге, здесь действуют многочисленные персонажи. В «Исповеди мужа» герой изначально отделен от внешнего мира, действие разворачивается в глухой деревушке близ Константинополя – Ай-Бурун. Одиночество героя является предпосылкой к созданию записок. Но нельзя не заметить, что, несмотря на многолюдность пространства повести Достоевского, Вельчанинов на протяжении всех 5 недель находится в некоем вакууме, сознательном одиночестве: «И странно, этот шумливый, веселый и рассеянный всего еще года два тому назад человек, так славно рассказывавший такие смешные рассказы, ничего так не любил теперь, как оставаться совершенно один» [Достоевский, 1974, с. 6].

Одинок и сторонится людей герой повести К.Н. Леонтьева. Однако главное отличие двух произведений – в повествовательных формах: диалоге и монологе. Диалог движет действие в повести «Вечный муж» (1870). У Достоевского именно диалог становится покаянной или лжепокаянной формой. Произведение писателя строится как борьба двух героев – диалог Вельчанинова и Трусоцкого. Повесть К.Н. Леонтьева «Исповедь мужа» – это прежде всего монолог, вполне оправдывающий название произведения.

В «Исповеди мужа» повествование строится от первого лица, с чем по большей части и связана исповедальность. Форма записок, личного дневника изначально предполагает не просто фиксацию событий, но и элементы анализа, субъективную оценку, эмоциональность, личные переживания и самоанализ. Повесть Леонтьева написана в форме дневниковых записей, на этот факт указывает наличие датировок под каждой из записей. В записках героя отсутствует конкретный адресат, даже если есть обращение («О Лиза! Где ты? Где твои руки, твои глаза, твой голос? О, Лиза, дочь, отрада моя, ненаглядная!» [Леонтьев, 1991, с. 307]). Герой часто задает вопросы, не предполагающие ответа.

Дневниковые записи в качестве одной из основных черт имеют установку на искренность, и потому подобная манера повествования используется в исповедальных жанрах. Однако и в этом случае не все, что человек может написать, оставшись наедине с собой, является истиной. И не только потому, что не во всем человек может и себе признаться, оправдывает себя, ищет «лазейку», не всегда склонен называть вещи своими именами. «В исповедальном жанре легко впасть в преувеличение. Это очень хорошо знал Достоевский. Его замечание об “Исповеди” Руссо совсем не безосновательно. В пафосе самообличения

Руссо, весьма возможно, приписывает себе и вымышленные поступки», – пишет Б.И. Бурсов [Бурсов, 1979, с. 28]. Надо учесть также, что в текст повести Леонтьева включены письма Лизы к мужу и письмо г-на Г-и, в котором сообщается о гибели героини. Эпистолярный жанр также отличается высокой степенью исповедальности.

Лишь в конце мы слышим голос автора («Последние листки исповеди», «Здесь конец исповеди мужа») [Леонтьев, 1991, с. 306–307]. Таким образом, только из заглавия, своеобразных авторских ремарок, его слов, вынесенных за пределы текста записок, мы понимаем, что перед нами исповедь. Однако нужно отметить, что человек не может писать исповедь в течение восьми лет, если рассматривать «исповедь» с точки зрения ритуала и жанра «покаяния». Слово «исповедь» здесь употреблено в значении «откровенное признание в чем-л., откровение, чистосердечное изложение чего-л.», помеченное в толковом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой как переносное [Евгеньева, 1982, с. 682]. Этому значению, на наш взгляд, и соответствует понятие «исповедальность» как одно из свойств эпистолярного жанра и жанра дневника. В этом понятии заложен момент процессуальности, здесь нет перелома, критической точки, покаянного напряжения, но нет и обновления. Это своеобразная рефлексия, самоанализ, оценка себя изнутри. Подобные исповедальные отношения складываются между Вельчаниновым и Клавдией Петровной Погорельцевой в повести Достоевского: «Здесь, в этой семье, он был прост, наивен, добр, нянчил детей, не ломался никогда, сознавался во всем и исповедовался во всем» [Достоевский, 1974, с. 39]; «Я не говорил, а я исповедовался, и вам одной, вам одной!» [Достоевский, 1974, с. 40].

Психологический перелом ощутим в последней записи г-на N – героя повести «Исповедь мужа», где он признает за собой вину. Часть, вынесенная за пределы основного текста, отделенная словами «Последние слова исповеди», могла бы считаться в прямом смысле исповедью, истинным покаянным чувством, если бы не последовавшее далее самоубийство.

В повести «Вечный муж» можно отметить более сложную организацию. Повествование строится от 3 лица, однако это не рассказ стороннего наблюдателя, рассказчик посвящен во все мысли героя, его душевные переживания и, что особенно важно, он вводит в текст рассказа размышления героя от 1 лица, называя это работой его «большой головы»: «Гм! Он приехал сюда, чтоб “обняться со мной и заплакать”, как он сам подлеишим образом выразился, то есть он ехал, чтоб зарезать меня, а думал, что едет “обняться и заплакать”... Он и Лизу привез.

А что: если б я с ним заплакал, он, может, и в самом бы деле простил меня, потому что ужасно ему хотелось простить!..» [Достоевский, 1974, с. 103].

Диалогичной и монологичной организации повествования в произведениях Достоевского и Леонтьева соответствует и система персонажей:

«Вечный муж»: Вельчанинов ↔ Трусоцкий ↔ Лиза ↔ Трусоцкая

«Исповедь мужа»: Муж ↔ Лиза ↔ Маврогени

С такой расстановкой персонажей оказывается сложнее определить главного героя – субъекта в структуре мотива покаяния. Повествование строится с точки зрения Вельчанинова, но заглавие указывает именно на Трусоцкого. Оба героя – «преступники», но преступления их направлены друг против друга и против дорогих им обоим людей. «Мы... да мы люди разных миров, поймите же это, и... и... между нами одна могила легла! – неистово прошептал он – и вдруг опомнился... <...> – Я знаю эту здешнюю могилку-с, и мы оба по краям этой могилы стоим, только на моем краю больше, чем на вашем, больше-с... – шептал он как в бреду, все продолжая себя бить в сердце, – больше-с, больше-с – больше-с...» [Достоевский, 1974, с. 88].

Отношения героев строятся на грани реального и ирреального. Ирреальным выглядит даже то, что оба героя находятся за гранью социального. «Анекдот из светской жизни» сменяет «история подполья» каждого из героев. Не раз Вельчанинов повторяет: «Мы оба порочные, подпольные, гадкие люди...» [Достоевский, 1974, с. 87]; «...Черт знает из каких ваших сокрытых, подпольных, гадких стремлений и марающих вас самих кривляний! Вас самих!» [Достоевский, 1974, с. 55]; «Убир-райтесь вы к черту <...> убир-райтесь с вашей подпольною дрянью, сам вы подпольная дрянь...» [Достоевский, 1974, с. 56]. У каждого есть своя ниша: «светский человек» и «вечный муж». «...Господин Трусоцкий мог быть всем тем, чем был прежде, только при жизни жены, а теперь это только часть целого, выпущенная вдруг на волю, то есть что-то удивительное, ни на что не похожее» [Достоевский, 1974, с. 27]; «“Конечно, Павел Павлович в Т. был только муж”, и ничего более» [Достоевский, 1974, с. 27]. Но и тот и другой утрачивают свой статус, определяющий их жизнь в обществе. Ситуация преступления, утрата социальных масок, выход за пределы привычного эмоционального состояния актуализируют проблему покаяния. Герои онтологически необходимы друг другу. Их отношения балансируют не только на грани любви-ненависти друг к другу, но и между желанием

убить и спасти от смерти.

Покаяние в повести Леонтьева носит скорее нравственный характер, в соответствии с нашей типологией оно ближе к *раскаянию*. «Не прекращающееся никогда, даже до конца жизни человека, делание, в котором напряженно выявляются и подвергаются болезненному изъятию конкретные грехи. Оно является нормальным результатом работы совести» [Прот. Владислав, 2000, с. 154]. Герой Леонтьева – человек религиозный, набожный, о чем свидетельствует его стремление к покою, уединению, затворничеству, христианское восприятие мира и себя в нем как песчинки в мироздании, его обращения к Богу в воззваниях и молитвах. «О, Боже! Боже! тебе, великий творец наш, угодно, чтобы было так! И если благодарность земного червя тебе слышна... о! как я благодарю тебя за покой, и за скалы эти, и за виноград мой, и за мою смоковницу!» [Леонтьев, 1991, с. 249]. И все же в персонаже отсутствует искреннее покаяние, есть лишь раскаяние. «В раскаянии нет еще отречения человека от себя прежнего, – пишет Г.П. Худякова в статье «Уровни исповедальности: раскаяние и покаяние», – он раскаивается лишь в отдельном поступке, в раскаянии разум признается в том, что цель оказывается неправильной, что средства оказываются не те, что результат оказывается неожиданный. При этом испытываются эмоции легкого горя (сожаления) или сильного горя (стыда)» [Худякова, 1997, с. 23].

По мнению исследователя, раскаяние носит характер самоотчета – оно не рвется наружу. Субъект раскаяния исповедуется перед самим собой или отдельным доверенным лицом. Если в раскаянии объектом интенции является сам человек, субъект поступка, стыдящийся сам за себя, то в покаянии интенцией выступают «другие». Муки совести здесь рвутся наружу, к людям (диалогичность больше раскрывает суть покаяния, сама приставка по-, которая стала корнем, предполагает совместное действие). Подвиг покаяния требует усмирения своего «я», полного отказа от себялюбия. Такой подвиг представляет переход к высокому духовному возрождению. Если в сущности раскаяния остается, хоть и поколебленное, но себялюбие, то в сущности покаяния лежат чувства, несовместимые с гордыней [Худякова, 1997, с. 23].

«Собственно исповедь – безоценочна, открыта для оценки <...> В этом смысл ее интимной откровенности», – пишет Г.Л. Тульчинский в статье «Исповедь: бытие-под-взглядом» [Тульчинский, 1997, с. 43]. Не остается безоценочной «исповедь» в повести Леонтьева, получая не совсем адекватный ответ. Наследники называют героя «мерзавцем» и «сумасшедшим».

Мотив покаяния в рассказе Достоевского проявляется на трех уровнях:

- Внутренний самоанализ Вельчанинова. Ипохондрия, причиной которой были воспоминания о прошлой жизни и размышления о «причинах высших», «о которых прежде и не задумался бы».
- Исповедальные отношения между Вельчаниновым и Клавдией Петровной Погорельцевой.
- Отношения между Вельчаниновым и Трусоцким, парадоксальным образом включающие в себя и обвинения друг к другу, и признание вины за собой, и отказ от вины, признание себя невиновными.

В «Исповеди мужа» мы видим тип нравственного покаяния – раскаяние, признание своей ошибки, но в отношении себя, результатом чего оказывается отчаяние и далее – самоубийство. В повести «Вечный муж» перед нами скорее трагикомические сцены на тему покаяния. Все, что происходит между героями, Вельчанинов называет «срамом» и «бессмысленной мерзостью». То, что сначала казалось несомненной дуэлью («Мне его нужно, этого человека! <...> Тут – дуэль!» [Достоевский, 1974, с. 42]), в итоге оказывается пародией, игрой, кто скажет первым свое «последнее слово». На самом деле перед нами воссоздана во всех деталях ситуация преступления и наказания: подсознательное ощущение вины; выпадение из своей социальной среды, полумаргинальный образ жизни; отчуждение от людей; утрата индивидуальной «религии» (утрата эвдемонического идеала Вельчаниновым, утрата семьи Трусоцким).

Несомненно, для каждого из героев нарушен привычный ход жизни. Есть слом, есть кризис, но нет покаяния. Каждая из драматических сцен, разыгранных Трусоцким и Вельчаниновым, вызывает лишь улыбку или омерзение. Есть несоответствие реакций, неадекватность происходящего, связанная с постоянной путаницей: кто в роли обвиняемого, а кто – обвиняющего. Все поставлено с ног на голову. Есть понимание необходимости изменить жизнь, но выход к ней герои видят не в покаянии, не в Боге. Для Вельчанинова символом новой жизни становится любовь к дочери. Идея спасения через ребенка, через «невинность» рождается и в голове Павла Павловича, но только уже в совершенно «уродливом» варианте – через женитьбу на ребенке.

За привычными формами стоит несоответствующее, неадекватное содержание, что и влечет за собой создание комического эффекта, театрализации происходящего. И «воскресение в новую жизнь» Павла Павловича, и «исповедь» Трусоцкого, и целование между Вельчаниновым и Павлом Павловичем, даже креп на шляпе героя – фарс. Есть все

элементы ситуации покаяния, но, так как в них отсутствует истинное содержание, логичнее предположить, что это *антипокаяние*, фарс на тему покаяния. Герои не выносят никаких духовных уроков из ситуации кризиса. Жизнь каждого из них возвращается в свое привычное русло. Каждый переживает свое «воскресение»: Павел Павлович – женившись в очередной раз, а Алексей Иванович Вельчанинов – в очередной раз получив наследство, которое должно обеспечить ему спокойное существование на всю оставшуюся жизнь. Что же касается дуэли, то она и впрямь происходит, и не только на нравственном уровне. «Все-таки пырнул же ножом, все-таки ведь кончил же тем, что пырнул, в присутствии губернатора!» [Достоевский, 1974, с. 103]. Но, по законам трагикомического жанра, дуэль превращается в поножовщину. Вина смывается кровью Вельчанинова, но в пролитии его крови отсутствует сакральная доминанта этого символа, который очень важен как в языческой и в Ветхозаветной традиции, так и в символике Нового Завета. Ощущается мотив расплаты за вину (жертвоприношение), а не очищение кровью («заклание агнца»).

Литература

- Бурсов Б.И. Личность Достоевского: роман-исследование. Л., 1979.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 9. Л., 1974.
- Ибатуллина Г. Исповедальное слово и экзистенциальный «стиль»: Экзистенциальное сознание как неосуществленная исповедальность исследования // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/ibatul/02.html>
- Леонтьев К.Н. Египетский голубь : роман, повести, воспоминания. М., 1991.
- Прот. Владислав (Свешников). Очерки христианской этики. М., 2000.
- Словарь русского языка : в 4 т / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1982. Т. 2.
- Тульчинский Г.Л. Исповедь: бытие-под-взглядом // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.). СПб, 1997.
- Худякова Г.П. Уровни исповедальности: раскаяние и покаяние // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.). СПб, 1997.

ПРОСТРАНСТВЕННО-БЫТИЙНАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА ДОМА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Н.А. Кунгурцева

Ключевые слова: топос, лейтмотив, концептосфера, константный художественный образ.

Keywords: topos, leit-motif, conceptual sphere, constant artistic image.

По словарю русского языка В.И. Даля, «Дом – строение для житья; в городе, жилое строение; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажаями и хозяйством» [Даль, 1994, с. 1157]. В самом определении понятия «дом» уже заложено конструктивное содержание: это не просто стены или архитектурная постройка (хотя сама оболочка, граница материи, безусловно, тоже важна), но и топос, жизненное пространство, мир обитаемый. Внутреннее содержание этого концепта достаточно объемно: в большинстве случаев обозначаемый им феномен рассматривается как миромоделирующее ядро, где концентрируются важнейшие показатели самоощущения человека в мире.

Дом является смысловым и пространственно-энергетическим центром, внутри и вокруг которого сосредоточиваются жизнь, смерть, деятельность человека. Это особый вид «своего» пространства. «Дом издревле связывался не только с постройкой, но и гораздо шире – с семьей, с людьми, живущими под одной крышей» [Шейнина, 2006, с. 209]. Это место со-бытия разных поколений.

В мировом фольклоре сформировалось отношение к жилищу как к безопасному пространству, охраняемому духами предков и огражденному от внешнего мира, враждебного человеку [Бессмертная, Рябинин, 1988, с. 334]. В русской литературе образ дома – одна из самых важных составляющих национальной картины мира. Так, например, в поэзии А.С. Пушкина, как писал Ю.М. Лотман, «...тема Дома становится идейным фокусом, вбирающим в себя мысли о культурной традиции, истории, гуманности и “самостоянии человека”» [Лотман, 1999, с. 265]. У Гоголя эта тема развивается в виде противопоставления, во-первых, Дома и антидома (сумасшедшего дома, публичного дома, канцелярии «Петербургских повестей») и, во-вторых, дома и Дороги, ее разомкнутого пространства как символа бездомья. О значимости локуса «дом» в русской литературе можно судить, исходя хотя бы из названий произведений: И.И. Лажечников «Ледяной дом», А.П. Чехов «Дом

с мезонином», Ф.М. Достоевский «Записки из Мертвого дома», А.Т. Твардовский «Дом у дороги», Ю.В. Трифонов «Дом на набережной» и т. д.

Безусловно, тема дома, его устоев, уклада, устройства была одной из ведущих и в творчестве бытописателя уральской жизни Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Подзаголовки его произведений достаточно красноречивы: рассказ «Варваринский скит» имеет подзаголовок «Страничка из жизни Урала», рассказ «Русалки» – «Из народного быта», у «Сестер» – «Очерк из жизни Среднего Урала», повесть «Все мы хлеб едим» – «Из жизни на Урале», у повести «На рубеже Азии» подзаголовок – «Очерки захолустного быта». Последние три произведения по жанру — повести, но сам Мамин называл их очерками. Такое жанровое определение вполне оправданно: писатель хотел указать на подлинность, достоверность, а иногда и автобиографичность изображаемых событий. Да и форма повествования от первого лица лишней раз подтверждает документальность происходящего.

В период между двумя дебютами (1878–1881) Мамин-Сибиряк работает над романом «Омут». Используя биографический материал, а также свое знание жизни уральской глубинки, в «Омуте» писатель разрабатывает мотив Дома до уровня лейтмотива. Почти с документальной точностью в произведении прорисованы отношения Марии Якимовны Алексеевой, гражданской жены Мамина, с отцом и мужем. В романе показана одинокая, мятущаяся женская душа, входящая в конфликт и сама с собой, и с окружающим миром, не находящая ни выхода, ни понимания, ни сочувствия: «...всю <...> ночь просидела у постели Наташи... потому, что ей некуда было деться, не было другого места, где бы она могла передумать свои думы» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 747]. Поиски героиней своего угла в доме представляются сопоставимыми с поиском ею своего уголка в душе, в духовном пространстве и приобретают драматический смысл: все события дня (встреча с Екатериной Павловной и сцена с мужем) – «все это подняло многое, что притаилось неслышно в разных уголках ее души, наболевшей, измученной души» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 747].

Петербургская метресса Екатерина Петровна, заключая в себе «другое» пространство, другие мысли, разговоры, суждения, ввергает в смуту душу Останиной, да так, что та переносит свое смятение и на привычную, обжитую обстановку собственного дома: «Марья Кирилловна прошла на свою половину, и вся обстановка, которую она устраивала своими руками, показалась совершенно чужой» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 745]. Отчуждение и дистанцирование от дома – таков

итог внутреннего одиночества героини. И все же «свое» пространство, его вещное наполнение в конечном итоге и успокаивают, и умиротворяют Останину. Ощущение дома Марья Кирилловна обретает, обращаясь к родным, привычным вещам: «После таких сцен и намеков (ссора с мужем. – Н.К.) Останиной ничего не оставалось, кроме ее книг и тетрадок, к которым она и обращалась. В одну из самых тяжелых минут она села за рояль и долго-долго играла свои любимые пьесы» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 790].

Таким образом, экзистенциальная пустота героини сориентирована как пространственно, так и вещно: она то теряет ощущение присутствия в своем доме в связи с грубым вмешательством иного, чуждого ей пространства и отсутствием душевного взаимодействия внутри семьи, то пытается обрести себя в привычном бытии, в актуализации повседневных бытовых практик.

Противостояние двух пространств – провинциального (Останина) и петербургского (Екатерина Петровна) выявляет и различие в ценностных установках героинь. Идеалы петербургской метрессы (деньги, драгоценности, роскошь, внимание мужчин) не находят отклика в душе Останиной: «...у ней тяжело кружилась голова, ей хотелось плакать, молиться, точно ее искушал сам дьявол» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 792]. Вырвавшись «от этой змеи» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 803] (параллель с библейским искушением), Останина предпочитает уютный небогатый дом своей подруги Александры Малышевой, где Мария Кирилловна «всегда находила <...> то, чего недоставало дома» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 792].

Итак, через предметно-вещный мир, через опространствливание человеческого мировидения передаются и разный внутренний мир героинь, и несовпадение их интересов, идеалов и жизненных позиций.

Но в романе есть и более широкий контекст локуса «дом» – это весь Нижне-Угловск, «Большой дом». Перед нами развертывается история завода как части огромных владений Лаптевых. Мамин описывает процесс отчуждения заводчиков от своего «угла», от уральской земли как своего пространства, своего дома: «В XIX веке порода Лаптевых окончательно выродилась, и ее представители не только не управляли лично своими владениями, но даже совсем не жили в них, изредка навещая их и предоставляя все управление своим доверенным» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 728].

Абсолютно по-другому относится к заводу Кирило Рязанов, который постепенно и становится настоящим хозяином этого дома-завода. И в собственном доме, и на фабрике он – глава семьи, глава сообще-

ства близких ему людей: «...никто не умел так ладить с заводским людом, как Рязанов, тот Рязанов, который вырос с этим народом, умел говорить его языком» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 730].

В романе мы видим и деловое пространство Нижне-Угловска (кабинеты генерала Блинова, Кирило Рязанова, Марии Останиной, ее супруга, доктора Скоропадского), и состояние фабрики, которая дала жизнь этому городку, и провинциальные нравы его верхушки: склоки, зависть, деление власти. Как пишет исследователь, в раннем произведении Мамина «...проявляется семантическое движение от домомотива к дому-лейтмотиву, а от него к дому-концепту, то есть к дому как основной пространственно-бытийной и художественно-философской структуре» [Щенникова, 2006, с. 196].

«Омут» является прообразом более поздних и более известных произведений писателя – романов «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца», «Хлеб». По мнению Л.П. Щенниковой, «Жанровая модель “Омута” еще не сформировалась, но анализ концептосферы произведения доказывает существующее тяготение писателя к форме семейного романа» [Щенникова, 2006, с. 197].

Особое место в ряду произведений «второго дебюта» (1881–1882) занимает повесть «На рубеже Азии» – автобиографическое произведение, где рассказчик осмысливает достаточно серьезный этап в истории своей семьи, связанный с переменой места жительства, с обустройством быта и началом самостоятельной жизни. Переезд, упомянутый в произведении, был на самом деле: родители Дмитрия Наркисовича из глухой и бедной Егвы переехали в Висимо-Шайтанск, который стоял на «водоразделе» Европы и Азии (ср. с названием повести). Повесть «На рубеже Азии» автобиографична не столько по литературным и реальным совпадениям, сколько в психологическом плане. «Она очень точно воспроизводит определенный склад сознания, сформировавшийся у писателя в детские и подростковые годы: горячую привязанность к родному, заветному, – к своей семье, к заводскому поселку, где прошло его детство, к людям, живущим в нем и когда-то преподававшим ему первые уроки незаурядной доброты и редкой житейской стойкости. Здесь писатель убедительно показал роль спасительной “памяти сердца”, вынесенной из детства и определившей сознательные установки человека» [Щенников, 2002, с. 895]. Эта «память сердца» — память рода, то, что несет в себе дом. Дом дозированно отдает нам нашу память, наше детство, наше прошлое.

Внутренний уклад жизни Обонполовых в повести «На рубеже Азии» патриархален, все в доме свидетельствует о порядке и опреде-

ленной иерархии отношений. Глава дома – священник Викентий Афанасьевич, несмотря на свою вспыльчивость и слабохарактерность, – человек, уважаемый в Таракановке, опора семьи. Он служит в самом бедном приходе, поэтому его домочадцы живут очень скромно: шесть человек ютятся в двух маленьких комнатах. Печать бедности лежит на всех вещах, наполняющих пространство дома: скромная мебель, дешевые стулья, заплатки на одежде. Одна из двух комнат служит одновременно гостиной, рабочим кабинетом отца и спальней. Благодаря особому таланту матери, хранительницы домашнего очага, убогость быта скрашивается чистотой («чистота – это был культ моей матери, вторая натура» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 623]) и особым уютом, который может быть создан только руками женщины.

Несмотря на неустанную борьбу с бедностью, в семье господствуют теплые и доверительные отношения. Дети помогают родителям (сестра Надя рукодельничала, Верочка с 14-ти лет ухаживала за коровой). Гордость семьи, старший сын Обонполовых Аполлон, семинарист, никогда не забывал привозить грошовые подарки близким. Не менее трогательны отношения отца и матери, которая оберегала внутреннюю гармонию семейных отношений: во время вспышек гнева Обонполова-старшего она ставила самовар, которым в доме «фразешалось очень много тяжелых минут» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 623]. Всех членов семьи объединяет особая гордость, в «жертву которой принесли последние гроши» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 627], поэтому вопиющая бедность не сломала их. Семейный уклад организуется внутренним укладом дома. Обонполовы творят свое особое пространство, одухотворяют мир вещей, окружающих их.

Дом позволяет сосуществовать в себе разным эпохам и поколениям. Он атемпорален. Поэтому одни и те же вещи могут передаваться из поколения в поколение – зачастую именно они несут в себе генетическую память. В анализируемом произведении Мамин-Сибиряк описывает несколько таких предметов: это и рукомойник, комод, разрозненные чайные чашки, медные кастрюли. В их числе и «мудреная картина», изображавшая «знаменитую сцену, происшедшую между целомудренным Иосифом и женой Пентефрия» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 624]. Никто из домашних не помнил, как она к ним попала, почему висела прямо напротив входной двери уже несколько десятков лет, но к ней настолько привыкли, она так всем примелькалась, что ее уже и перестали замечать, и уже не считали неприличной. Таких семейных «памяток» очень много в каждом доме, важна не сама вещь, а то, что человек вспоминает, глядя на нее: «...знаменитая картина, с которой,

по-видимому, связано было или какое-нибудь хорошее воспоминание, или, может быть, даже суеверная надежда, что существование этой картины тесно связано с существованием всей нашей семьи» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 625]. То, что такие знаковые предметы действительно связаны с семьей, играют в ее истории достаточно важную, иногда даже мистическую роль, подчеркивается тем фактом, что незадолго до смерти отца «перед самым отъездом из Таракановки, без всякой видимой причины, знаменитая картина... упала сама собой на пол» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 695].

Предметы, заполняющие пространство дома, безусловно, весьма значимы. Их символический статус описал Ж. Бодрийяр в книге «Система вещей»: «Вещи очерчивают у нас перед глазами символические контуры фигуры, именуемой жилищем, – очевидно, именно из-за нее у нас в памяти столь глубоко запечатлевается образ родного дома» [Бодрийяр, 1995, с. 12]. Вещи, предметы несут в себе память, от них зависит благоприятная обстановка в доме, пространство дома содержит в себе условия комфорта (или дискомфорта) для человека. Поэтому вещи, содержащие позитивные воспоминания, так дороги нам: *«мать относилась с каким-то суеверным чувством ко всякой вещи, которая напоминала жизнь в Махневой»* [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 625].

Но вещи могут нести в себе и негатив, если связаны с какими-то неприятными событиями. В доме Обонполовых таким смыслом была наделена фарфоровая кукла, которая была известна у них под названием «секретаря». Небольшая изящная кукла напоминала им о человеке, который, как считал глава семейства Викентий Афанасьич, разрушил всю его жизнь. Из-за него, Амфилохия Лядвиева, вся семья из очень богатого прихода в Махневой переехала в один из самых бедных – в Таракановку. Не называя никогда своего обидчика даже по имени, употребляя лишь местоимение «он», отец Викентий частенько вымещал свою злость именно на этой кукле: несколько раз выбрасывал ее за окно. Здесь проявляется еще одно свойство дома. Дом – это комфортабельное, безопасное, защищенное пространство, и выбросить «плохую» вещь за его границу – значит вывести из него и весь негатив, связанный с этим предметом. Дом – территория привычного, обжитого: из повторяемости событий и складываются традиции, лад в семье, уют. «Мать скромно садилась куда-нибудь в уголок и *все время* (курсив мой. – *Н.К.*) самым сосредоточенным образом ковыряла какой-нибудь чулок» [Мамин-Сибиряк, 2002, с. 622], «отец очень любил пить чай и поэтому самоваром в нашей семье разрешалось очень много тяжелых минут, в которых не было недостатка» [Мамин-Сибиряк, 2002,

с. 623]. Таким образом, систему ценностей, мораль, эстетику – все это вполне можно передать через «вещный ряд», через устойчивые образы пространственного мира, закрепленные в нашем сознании.

Образ дома является одним из константных художественных образов и мифологем. Он дает ощущение пристанища, крова, родового гнезда, что так блестяще отразил в своем творчестве Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Литература

- Бессмертная О., Рябинин А. Предки // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. М., 1988.
- Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. Т. 1. М., 1994.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
- Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений : в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002.
- Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М., 2006.
- Щенников Г.К. Литературные дебюты Д.Н. Мамина // Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений : в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002.
- Щенникова Л.П. «Омут» (1878–1881) как пратекст романов Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х годов // Уральская литература конца XVII–XIX века : учебное пособие. Екатеринбург, 2006.

ДИАЛЕКТИКА ФЕМИНИСТСКОГО И АНТИФЕМИНИСТСКОГО ТИПОВ ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (на материале романа Татьяны Москвиной «Смерть – это все мужчины»)

Е.В. Лазарева

Ключевые слова: аксиология, гендерное, жизнь, смерть, ценность.

Keywords: axiology, gender, life, death, value.

Татьяна Москвина – блестящий критик, эссеист, радиожурналист, актриса («Дневник его жены»), драматург и писатель. Она буквально потрясла российского читателя вышедшим в 2005 году романом

с говорящим названием из стихотворения Бродского «Смерть это все мужчины». В предисловии к книге автор признается: «Когда я писала ее, стгорая в речь, в предельном напряжении сил, я ощущала трагическую красоту жизни и ее великую ценность, ценность труда, любви, мысли, сострадания и даже ценность боли и гнева» [Москвина, 2006, с. 5]. Настоящий сюжет романа «Смерть это все мужчины» – поиск подлинных ценностей, тоска по ним, невозможность обретения личностью себя без приобщения к фундаментальным ценностным парадигмам.

Но, как позже признавалась сама Москвина, «перед вами не мстительное жизнеописание, не реестр личных бед и обид, а история болезни гордого духа, драматически соединенного с женской природой...» [Москвина, 2006, с. 32].

Роман вызывает ощущение удара, потому что он написан абсолютно всерьез. Ирония и сатира, которыми перенасыщен роман, представляющий картину мира глазами умной, ироничной, часто озлобленной героини, нисколько не отменяют этого впечатления. Они вызваны именно глубочайшей серьезностью героини романа, журналистки Александры Зиминной, имеющей четкую и незыблемую систему ценностей, которую она яростно защищает, – вплоть до попытки уничтожения враждебного и несправедливого мира и самоуничтожения.

Именно приверженность героини к своей ценностной системе в конце концов потребовала от нее «полной гибели всерьез», мощная энергетика разрушения, в которую превратилась созидательная по природе женственная креативность Александры, в финале романа убивает ее саму. Важно, что происходит это жуткое саморазрушение при практически полном «внешнем благополучии», как можно было бы определить жизненную ситуацию Александры в иной ценностной системе.

Роман «Смерть это все мужчины» – роман-обвинение, основной пафос автора и героини – инвектива, адресатами которой являются четыре абстрактных «мужских» псевдоперсонажа, репрезентирующих на разных уровнях глубоко враждебную героине систему ценностей «мужского мира».

Первый – собирательный образ *мужчины* в его типичных мужских ролях мужа, возлюбленного, любовника, отца, защитника, творца культуры и оплота государственности.

Второй – образ социума, враждебного женщине «*мужского мира*», несправедливого, жестокого, бездуховного, лишённого жалости и теплоты. Для героини Москвиной фаллоκραтия, фаллоцентризм не вы-

думка воинствующих феминисток (заметим, что сама Александра – отнюдь не феминистка), а повседневная страшная действительность, каждый день наносящая болезненные удары и не позволяющая забыть о себе.

Третий – не кто иной, как сам Создатель мира, Отец, Господь, с которым героиня находится в постоянном напряженном диалоге, выражающем сложные амбивалентные отношения любви-подчинения и яростного сопротивления, своего рода вариант карамазовского бунта женщины.

Четвертый – особый персонаж, не названный по имени, но имплицитно присутствующий в тексте Москвиной как контролирующая инстанция и постоянный оппонент. Это Логос, «мужское письмо», мужской дискурс, ядро «фаллологоцентризма» феминисток, Логос, вызывающий творческую зависть как ценность, данная Отцом мужчинам и возжеленная для героини, человека пишущего, более всех остальных сокровищ «мужского» мира.

Этим четырем мужским псевдоперсонажам противопоставлены, соответственно, четыре женских, представляющих иерархию ценностей Москвиной.

Первому, Мужчине, противостоит (против воли, поскольку избежать этого противостояния – ее заветная мечта) Женщина. Ее традиционная ролевая парадигма симметрична мужской – жена, возлюбленная, любовница, мать, хранительница домашнего очага и культуры, опора государства. Разница в том, что в художественном мире Москвиной Женщина выполняет свои роли, а Мужчина – нет, что объективно является причиной дисгармонии мира, субъективно же – причиной трагического мироощущения героини.

Второму, «мужскому миру», противостоит «женский мир», неброский, неяркий, мир повседневного героизма женских персонажей типа Фани и Вани. Этот мир состоит из тысяч повседневных забот и мелочей, воспитания детей, стирки и уборки, приготовления обеда и т.п., за что не платят и не дают медалей и званий. Это нечто вроде изнанки «мужского мира», без которой тот не мог бы существовать, но отнюдь не испытывает за все это благодарности и упорно отказывает «женскому миру» в самостоятельной культурной ценности.

Третьему, главному закадровому персонажу романа, Самому Отцу, объекту любви и ненависти Александры, противопоставлена Великая Мать, Природа, древняя многоликая богиня. В мифопоэтике романа она занимает центральное место. Ее законы священны и незыблемы и, что самое главное, не противоречат законам Отца, но не исполняют-

ся Его детьми мужского пола. Между Отцом и Матерью – давняя размолвка, причины и следствия которой составят онтологический сюжет следующего романа Москвиной – «Она что-то знала».

Четвертому, мужскому Логосу, противопоставлено женское письмо – не как персонаж, но как сквозной мотив (размышления о мужском и женском видении в современной литературе, о женском творчестве) и как факт внутреннего монолога Александры, ставшего, собственно, текстом романа. Классический прием: автор умирает – текст остается.

Таким образом, художественный мир романа Москвиной базируется на четких иерархически организованных оппозициях, имеющих ценностный характер. Рассмотрим каждую из оппозиций в порядке возрастания значимости данной ценности для автора и одновременно в порядке убывания видимой сюжетобразующей роли мотива, то есть «снизу» «вверх».

Мужчина – Женщина

Журналистка Александра Зимина, героиня романа «Смерть это все мужчины», – воплощенная женственность, парадоксально (с точки зрения мужчин) дополненная незаурядным интеллектом и вынужденной ироничностью. Ей нужен лишь мужчина, соответствующий ее представлениям о «тех, из породы Отца», то есть способный дать женщине ребенка, тепло и заботу, создать вместе с ней уютный дом и быть подлинным оплотом не только для нее, но и для страны и для мира. Героиня Москвиной, отнюдь не питая иллюзий по поводу сильной половины человечества, «заморозила» себя, запретила себе любовь (не случайно она носит фамилию Зимина). Разумеется, читатель не доверяет подобным конструкциям и ждет, когда же эти ледяные стены рухнут. Именно это и происходит, но ценой разрушения замка Снежной королевы Александры оказывается депрессия, расстройство психики и смерть.

Женщина в мире Москвиной не может смириться с тем, что высшая ценность в ее иерархии отнюдь не является таковой для мужчин. Мужчина перестал быть сыном Отца и противопоставил себя Матери, сведя любовь либо к сексу, либо к необременительному развлечению, либо к бытовым удобствам, которые дает совместное проживание с женщиной. Некоторые мужчины, впрочем, понимают любовь и способны ее ощущать, но и в этом случае реальная жизнь, повседневность, долг перед семьей и т.п. предъявляют свои права, и любовь никогда не побеждает в этом поединке.

Мужчины, окружающие Александру, даже лучшие из них, отнюдь не вызывают симпатии. (Последнее вызвало многочисленные негативные отзывы возмущенных тем, что Москвина якобы вывела свою героиню из зоны критики и сознательно «не подпустила» к ней достойного мужчину). Неудачный ранний брак искалечил доверчивую женственность Александры.

Сложно складывается «лирический сюжет» Александры с главным мужским персонажем книги, ставшим непосредственной причиной трагедии, – Андрюшей Фирсовым. Физическое и душевное притяжение, давно возникшее между коллегами, разрешается во внезапной вспышке страсти, после которой счастливая Александра уезжает в город Энск, сообщив Андрею свои координаты и рассчитывая на его приезд – вопреки всему и даже отсутствию твердого «да, приеду» с его стороны. Его неприбытие воспринимается ею не как очередное разочарование в мужчинах, и без того не переоцениваемых, а как экзистенциальная катастрофа. Оставшаяся часть книги – непрерывный, все более ускоряющийся и сумбурный монолог героини, чье полубезумное состояние, усугубленное ощущением виновности в смерти Льва, выражается криком души: «Любви не вышло, Отец, заberi меня отсюда или я уничтожу этот мир» [Москвина, 2005, с. 297].

Мужской мир – женский мир

Вторая оппозиция в ценностной иерархии Москвиной предполагает противопоставление двух картин мира, двух миров, неадекватно оцениваемых «человечеством вообще». Александра, убежденная антифеминистка, все же согласна с феминизмом в том, что женщина вынуждена жить в мужском мире, навязывающем свою систему ценностей и выдающем ее за общечеловеческую. «Это чужой мир», – такова эмоциональная доминанта внутреннего мира Александры и близких ей женщин, озабоченных проблемой выживания в чужом мире. Характерно, что все мужчины – герои романа Москвиной, даже социальные аутсайдеры, чувствуют себя достаточно уверенно в жизни, потому что это *их* мир. Женщина же никогда не может быть спокойна, она вечно приспособливается, старается соответствовать каким-то требованиям, гендерным стереотипам или же борется против несправедливости таковых, платя за это внутренним комфортом и своей женственностью. Почти все героини романа представляют собой разные варианты такого приспособления или протеста.

Еще один вариант выживания в мужском мире – принять правила игры, но не пускать никого внутрь, охраняя свой хрупкий мир. Так жи-

вет маленькая Лиза – юная проститутка, которой «деньги нужны для кайфа, а кайф – чтоб никого вас не видеть».

Каким же должен быть в идеале женский мир? Каковы его подлинные дочери, те, кого предал Отец и Его сыновья? Мифопоэтика романа Москвиной отвечает на этот вопрос чудесным образом Психи – не Психеи и не Софии, но подлинно Вечной Женственности, не Души, а скорее Душеньки Богдановича. Для героини Москвиной уют, уют – отнюдь не мещанство, женщина, не умеющая устроить уют, бездарна и убога, какой бы интеллектуальной и одухотворенной она себе ни казалась (тема матери Александры). С какой теплотой и любованием, пусть и не без иронии, рисует Москвина «мещанский» рай в «домике-крошечке»! «И кот ходит, толстый, обалдевший от сливок, и ска-терть белая не вином залита, а стоят на ней расписные чашки, и подушки взбиты, и пироги поднялись... и вот мужчина прилег вздремнуть и слышит, как часы тикают, как на фикусе лист вытягивается, как пытается дойти до кухни опухший от сытости таракан... «Вот я и в раю... – думает мужчина. – Век бы так!» [Москвина, 2005, с. 285]. Генный домоводства и уюта (читай – подлинной женственности) – бабушка Федосья. «Она знала толк в уюте – вязанные крючком салфетки, вышитые полотенца, кружевные покрывала, узорные скатерти, подушки-думочки, украшенные бисером... Руко-делие» [Москвина, 2005, с. 162]. Высокомерно-презрительное отношение к «мещанству» вызывает встречное презрение Александры. Любовь именно так, «помещански», и проявляется, вызывая в скорбящей по бабушке душе Александры торжественный реквием: «Благодарю тебя, золотая моя, благодарю за все – за пышные котлеты и невероятно тонкие блины, за душистое, с причудами, варенье и всегда чистые мои платяца, за сбереженное Евангелие и сказки на ночь... за терпенье и необходимую, как хлеб и вода, любовь» [Москвина, 2005, с. 159]. Мужской мир – мир преимущественно мнимых ценностей, «игрушек», Шумахеров и Наполеонов, нравственной нечистоплотности, политических игр.

Отец (Он, Господь, Бог) – Мать (Она, Природа, Красная Дама)

Онтологическая структура художественного мира Москвиной представлена оппозицией Отца (он же Демиург, Создатель мира) и Великой Матери (мировой Женственности, Природы, «мамы Венеры»). Для Александры мир одухотворен, деревья и травы живы и почти разумны, и во всем – дыхание Творца. Но религия Александры, по ее ощущениям, «не помещается» в рамки православия, и к Отцу она относится как девочка-подросток с трудным характером: любит, но говорит

дерзости, постоянно ссорится и отстаивает право на независимость. Она хотела бы быть послушной и любимой дочерью, но слишком много обид от Его сыновей и от Него Самого.

Не столь драматичны, но более глубоки и серьезны взаимоотношения Александры с Матерью. У этой героини много имен. Назовем ее Природой, поскольку именно в этой ипостаси она наиболее близка своей «доченьке». Естественно, что та чувствует себя любимицей, избранницей «мамы», она не «любит природу», как турист, и даже не живет в ней, она и *есть* природа, и это ощущение живой связи каждого своего слова или жеста с «мамочкой» – величайшая ценность для Александры. И когда Коваленский иронически называет жену «секретным агентом природы», та вполне серьезно отвечает: «Как большинство женщин» [Москвина, 2005, с. 122].

При всей интеллектуальности Александры природное, биологическое, естественное более важно и значимо в ее ценностной иерархии. Кроме этого, Александра обладает (а возможно, это лишь ее иллюзия) способностью причинять неприятности и даже убивать на расстоянии. Истывав ножом фотографию бывшего мужа, она с ужасом узнает о его внезапной смерти и проклинает себя за злоупотребление, за нарушение законов Матери-Природы. Последняя появляется на страницах романа и в своей божественной ипостаси – как Красная дама, «мама Венера», абсолютная красота и сексуальность. Она – бывшая жена Отца, ушедшего от нее к «той, что родила Бога», напоминающая одновременно Афродиту, Астарту, Лилит и Софию гностиков. Она сочувствует бедной «доченьке», уходящей из мира и жизни тоже в красном платье и в волне крови, и встречает ее «по ту сторону» бытия.

Мужское письмо – женское письмо

В глубоком и остроумном автокомментарии «В час роковой. Признание автора» Москвина афористически формулирует свое кредо, утверждает и защищает свою систему ценностей. «Я не отдам свое – любовь к высоте человеческого духа, мечту о России, поэзию, поиск истины, обожание природы, гордое личное время, выстраданную свободу – за снисходительное разрешение и мне «быть умной» и участвовать в мужских играх на правах «товарища специального устройства» (выражение Андрея Платонова)» [Москвина, 2006, с. 32]. Нельзя не заметить, что в этом ряду «значимо отсутствует» еще одна несомненная ценность, утверждаемая всей жизнью автора – Слово. Традиционно Слово считается даром Бога Адаму, а через него – всем мужчинам. Слово особенно почитается в христианской культуре («И Слово стало плотью...»), где Логос синонимичен креативности, причем отчетливо

мужской: творящая Логос (Логосом?) женщина есть нечто несуразное. Драматизм отношений женщины и Слова, многовековая обреченность ее на роль немого объекта, а не субъекта культуры – любимая тема теоретиков феминизма. «Внутри этой психосимволической структуры (христианская западная цивилизация) женщины чувствуют себя отрезанными от языка и общественного договора, в которых они не находят ни чувств, ни значений тех отношений, которые связывают их с природой, их телами, телами их детей, другой женщиной или мужчиной» [Кристева, 2005, с. 133]. О том же кричит обиженная «Псиша» Александры: «Ловушки ловушки из гнилых слов а слова им давали мне не было слов и завет с ними заключали со мной не было завета» [Москвина, 2005, с. 70]. Не случайно героиня – журналистка, то есть человек, работающий со словом и явно способный на большее, чем газетные очерки: ведь и сам роман есть не что иное, как рассказ Александры. Она не испытывает пресловутой зависти к мужскому «Фаллологосу», но не считает справедливым «однополюй» завет и возмущается оскверненным мужчинами Логосом, превращенным в пошлый «любовный» политический или публицистический дискурс.

В аксиологии Москвиной Слово имеет абсолютное значение. Не «мужское» и не «женское», принадлежащее лишь себе самому или Богу, с которым у героинь Москвиной такие сложные и драматичные отношения и который иногда вручает этот дар своим заблудшим неистовым дочерям. «Моя бедная девочка Саша сошла с ума – вот дурочка. Ей просто надо было написать роман» [Москвина, 2006, с. 33].

Литература

- Кристева Ю. Время женщин // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. М., 2005.
 Москвина Т. Вред любви очевиден : эссе, киноповести, рассказы. СПб., 2006.
 Москвина Т. Смерть это все мужчины : роман. СПб., 2005.
 Палья К. Личины сексуальности. Екатеринбург, 2006.

ПОЧЕРКИ НОВОЙ ЭПОХИ: О ПОВЕСТИ УДМУРТСКОГО ПИСАТЕЛЯ Г. КРАСИЛЬНИКОВА «ОСТАЮСЬ С ТОБОЙ»

Т.И. Зайцева

Ключевые слова: удмуртская проза, национальное художественное мироощущение, герой, сюжет.

Keywords: Udmurt prose, national artistic attitude, the character, the plot.

Переоценка литературных ценностей последних десятилетий особенно сильно отразилась на проблеме осмысления творчества национальных писателей, жизнь и деятельность которых приходится на советский исторический период. По отношению к удмуртской литературе А. Шкляев справедливо считает, что «каждый из них (писателей. — Т.З.) на той или иной стадии развития прозы был единственным ее представителем, а стало быть, он отражал определенную стадию национального художественного мышления и национальной жизни» [Шкляев, 1992, с. 86–87]. Среди писателей, оказавших значительное влияние на развитие удмуртского литературного процесса 1950–1970-х годов, следует назвать имя Г.Д. Красильникова (1928–1975). Этапными для эволюции национального литературного самосознания стали его лирическая повесть «Тонэн кылысько» («Остаюсь с тобой», 1960), проблемно-философский роман «Арлэн кутсконэз» («Начало года», 1965), социально-психологический рассказ «Кошкисез мед кошкоз» («Уходящий пусть уходит», 1971) и рассказ-зарисовка «Рваные сны» (1974), написанный на русском языке в стиле модернизма. К сожалению, наблюдаемая в последние годы в среде молодых удмуртских ученых и критиков тенденция к противопоставлению современной и советской национальной литературы, касающаяся и творчества Г. Красильникова, оборачивается не только формированием у читателя негативного отношения к именам и книгам «советских классиков», но и игнорированием вопроса о необходимости новой интерпретации их произведений, объективной оценки художественного опыта прошлых лет.

При всем обилии публикаций, посвященных Г. Красильникову, многие его произведения до сих пор не стали предметом литературоведческого осмысления или остаются прочитанными лишь на уровне их тематики и фабульного содержания. Известный исследователь удмуртской литературы венгерский ученый Петер Домокош, работы которого без сокращений и коррекции начали печататься в республике

лишь с 1990-х годов, пишет: «Г. Красильников – наиболее европейский удмуртский писатель <...> Его образы и характеры достоверны, сложны, его нельзя обвинить в негибкости, применении черно-белых красок» [Домокош, 1993, с. 384]. Действительно, Г. Красильников – один из первых удмуртских авторов в национальной литературе конца 1950–1960-х годов, кто быстро осознал свои творческие задачи: развитие и углубление психологизма, борьбу с политизированной иллюстративностью, реабилитацию фольклора, родного языка и народной точки зрения на мир и человека, ориентацию на традиции литератур, имеющих большой исторический опыт, и прежде всего русской.

Точкой отсчета для нового этапа развития удмуртской литературы стала повесть Г. Красильникова «Остаюсь с тобой», которая оказалась в русле интенсивных поисков всей отечественной литературы тех лет и новой манеры диалога с читателем. В центре повести, написанной от лица выпускника сельской школы Алексея Курбатова, – первые столкновения молодого человека с окружающим миром. «Бунтующий», противостоящий серости будней герой русской «молодежной» прозы 1960-х годов в поисках своего места в жизни часто выбирал далекие дороги и чуждальные края. «Тяга к дальним странствиям, реализация образа “пожирателя километров” стала, пожалуй, первой стилиевой приметой “молодежной прозы”, имеющей и единый содержательный смысл» [Никонова, 1999, с. 598–599], – отмечает Т. Никонова.

В повести Г. Красильникова «Остаюсь с тобой» поиски Курбатовым своего жизненного пути, самого себя, собственного предназначения связаны с возвращением героя в отчий дом, осознанием себя частью родного края. С этим связано и название повести. Удмуртский писатель, будучи подверженным тем же творческим проблемам и поискам, что и авторы русской «молодежной» прозы того времени, реагирует на это соответственно личностному и национальному опыту, традициям крестьянской нравственности и особенностям народной жизни. Одним из результативных средств сближения прозы с жизнью является «преломление изображенного в ней мира через призму лирического Я автора» [Зайцев, 2004, с. 140]. Известно, что многое из того, о чем говорится в «Остаюсь с тобой», совпадает с биографией самого автора. Исповедальное, автобиографическое начало повести обеспечило ей небывалую популярность в республике, многие земляки писателя испытывали ощущение внутреннего родства с его литературным героем, узнавали свойственные времени ценности и проблемы. Источник замысла повести «Остаюсь с тобой» раскрывают слова автора: «Оканчивают школу и мечутся <...> Хотелось им (выпускникам сельских

школ. – Т.3.) сказать: можно найти себя в любом труде» [Красильников, 1967].

Повесть зафиксировала новое качество удмуртской прозы, существенно пересмотрев ее конфликт, который, как правило, строился по принципу столкновения полярно разнонаправленных героев, представляющих собой противоборство идейных антиподов. На первом плане в «Остаюсь с тобой» не привычное противостояние двух героев-руководителей («хороший» – «плохой») колхозного или производственного коллектива и не столкновение героя с внешним миром, а конфликт человека с собственными установками. Форма повествования от лица молодого героя дала писателю возможность показать его личность «изнутри», передать естественную гамму чувств, мыслей, переживаний обыкновенного сельского парня. Г. Красильников показывает, как сталкиваются, взаимодействуют, изменяются в сознании героя ценностные ориентации, укрепляются нравственно-значимые жизненные цели, за которыми угадываются его этнопсихологические особенности.

Алексей Курбатов на пороге зрелости, он полон больших надежд и смелых намерений. Его увлекает и кажется ему заманчивой городская жизнь, у него идеализированное представление о профессии инженера-авиаконструктора. Не пройдя по конкурсу в институт и не сумев закрепиться в городе, испытав первые неудачи и разочарования, Алеша вынужден возвратиться в родную деревню и начать работать в колхозе. Еще долго будет манить парня город, он мечтает о том дне следующего года, когда снова поедет поступать в институт и навсегда покинет опустылевший ему колхоз. В образе своего героя писателю удалось запечатлеть черты выросшей в послевоенных условиях сельской молодежи. В отличие от своих родителей, молодые люди получили полное школьное образование. Перед юными жителями удмуртской деревушки Чураево открылись возможности, неведомые для их отцов и матерей. Но что беспокоит и огорчает Красильникова в этих жизнерадостных романтиках, гордо шагающих по центральной сельской улице с аттестатами зрелости в руках? Их мечты о будущем никак не связаны с родным селом, с отчим краем. Выходцы из деревенской среды, они чураются знакомого с детства крестьянского труда, стыдятся своих полуграмотных родителей. У многих из них не развиты любовь к труду на земле, чувство кровной связи с ней.

Этому во многом способствовала школа. Показывая неподготовленность выпускников средних школ к самостоятельной жизни, писатель поднял злободневную проблему сельского школьного образова-

ния, не прививающего любовь к родной земле, понимание собственной созидательной роли в ее благоустройстве. Школа дала ребятам определенную сумму знаний, научила разбираться в науках, школьные учебники и школьные фестивали открыли им историю народов мира и географию дальних мест, но она не научила их любить «малую» Родину и трудиться на ее благо.

В предвкушении будущей городской привольной жизни молодые люди с необычайной легкостью готовы оставить деревню, родительский дом. Затрагивая проблему повального ухода молодежи из села в город, писатель подчеркивает тот факт, что сами родители, потомственные крестьяне, не желают связывать будущее своих детей с земледельческим трудом. Писатель рассматривает это явление как ответную реакцию деревни на послевоенное насильственное закрепление на земле крестьян, вынужденных на пределе человеческих сил поднимать полуразрушенную страну в условиях абсолютно неравного положения села в сравнении с городом. Перед такой проблемой стоит удмуртская (и, в целом, российская) деревня и сегодня, в двадцать первом веке.

Источник драмы героев Красильникова в том, что в них не развито подлинно личностное, неповторимо индивидуальное начало, национальное самосознание и достоинство. Понесла, закутила жизнь красивую Раечку Березину, школьную подругу Курбатова, ломая ее возвышенные представления о городе. За броской внешностью, позерством и наигранностью Раечки-официантки угадываются тоска по дому и неприкаянность. Красильникова резко критиковали за образ Раечки: одни находили, что писатель необоснованно осудил ее, другие доказывали нетипичность героини. Максимализм писателя, выступающего против раскрестьянивания деревни, в какой-то мере сказался на образе Раи и других «беженцев» из Чураева, но дело здесь не в осуждении. В образе Раи писатель показал драматизм того нового, что несет в себе молодое поколение деревни – разрыв родовых связей, преемственности поколений, грозящий национальной истории. Уехав из дома, теряет духовную связь с деревней другой однокашник Курбатова, студент Юрка Черняев. В его биографии институт выглядит таким же случайным пристанищем, как ресторан для Раи, ибо он поступил туда без ясной цели, а лишь потому, что видел свое будущее только в вузе, безразлично в каком. Скитается по чужим краям в погоне за рублем, мучаясь и сознавая, что не может преодолеть тяги к родным хлебным полям, и старший брат Алеши, Сергей Курбатов.

В повести ошутимо публицистическое начало. Своей направленностью против бюрократизма она созвучна произведениям русской

литературы «овечкинского» направления, но в целом для нее характерен «лирический тип познания» действительности, обусловленный национальной ментальностью. Поэтому здесь более правомерно говорить о воздействии на удмуртскую повесть стиливой манеры «лирической» прозы (В. Астафьев, Ю. Казаков и др.). Писатель погружает читателя в атмосферу повседневно-национального жизненного уклада, сосредоточивая его внимание не на исключительных ситуациях, а на текущих человеческих заботах и проблемах. Это достигается за счет нового для удмуртской литературы тех лет способа сюжетосложения: ослабление событийной основы, выход на первый план разных душевных состояний героя. Например, жизнеописание Алеши Курбатова дается автором в двух ипостасях. План внешний, традиционный – это, собственно говоря, биографические факты и эпизоды, обрисовывающие общую картину жизни героя: окончание школы, попытка поступления в вуз, первый день работы в колхозе, овладение мастерством скирдования снопов, плотничьим ремеслом, получение специальности электромонтера, затем механизатора, работа на комбайне во время жатвы. И одновременно писатель шаг за шагом прослеживает формирование у героя новых нравственных представлений, пропуская событийную сторону повествования через его сознание. «На повороте я оглянулся. Юрка остался далеко позади, отсюда он казался грачом, одиноко стоящим на жнивье. Что ж, так получилось. Сидели мы за одной партией, были неразлучны и думали, что так будет всегда. Но вот прошел год, всего лишь один год... Встретились, и не нашлось у нас друг для друга хороших слов. Между нами лег глубокий овраг. <...> Видно, год с годом не сходятся, разные они бывают. <...> Да ты с человеком хоть десять лет за одним столом сиди, но, если нет духовной близости, родства сердец и мыслей, если ваши глаза на жизнь смотрят совершенно по-разному, не получится дружбы» [Красильников, 1960, с. 160]¹.

В развитии внешнего сюжета нередко возникают своеобразные паузы, содержащие лирико-философские раздумья героя о молодости, истории народа, судьбе обыкновенного земледельца. Вместе с тем за лирико-философскими размышлениями, формально принадлежащими герою, стоит более высокое сознание – убеждения и взгляды самого автора. «Рядовой... Ему приходится рано вставать, он поднимается вместе с рождающимся днем. <...> Не смотрите, что на нем небогатая одежда: зимой ему тепло в легонькой куртке, в летнюю пору он до-

---

¹ Здесь и далее удмуртский текст в дословном переводе автора. – Т.З.

вольствуется одной рубахой. Нет, не судите его за скромность наряда – разве она красит рабочего человека? <...> Рядовой человек, он умеет делать все!... Иногда мне приходит мысль, что со временем не будет никаких паспортов. Вместо паспорта будет трудовая книжка: ведь по ней можно безошибочно определить, какое место занимает человек в жизни. Честное слово, мне очень хочется верить, что так оно и будет» [Красильников, 1960, с. 181].

Завершается повесть сценой жатвы, изображающей молодого героя в тот момент, когда ему доверена новая машина. Алеша Курбатов, стоя на подмостках комбайна, испытывает душевный подъем, ощущает себя частицей большого целого, то есть частью народа, его судьбы. В герое происходит внутренний сдвиг, позволяющий ему ощутить веру рядовых людей в высшую справедливость миропорядка, хранимую трудом и добропорядочностью самого человека. Г. Красильников с позиции, очень близкой русской «деревенской» прозе «шестидесятников» (Ф. Абрамов, В. Распутин, В. Белов и др.), радел за удмуртскую «глубинку», чувствовал надвигающуюся трагедию забвения национальных традиций, появления не востребованных личностей.

Испытывая воздействие разных творческих направлений русской литературы, а также ориентируясь на гуманистические традиции мировой культуры, Г. Красильников особенно плодотворно питался из народного источника. Это проявилось и во введении элементов сказа в повествовательную манеру героя, и в кольцевой композиции произведения, своеобразно обрамленной притчей о «рождении» речки Чурайки, и в живом, абсолютно гибком языке, обусловленном стилевой установкой писателя, его ориентацией на народную разговорную речь. Лиризм, эмоциональная поэтичность повести создаются посредством включения в ее ткань колыбельных и игровых песен, поговорок, образных сравнений: «По зорьке наперед не угадаешь, какой народится день – то ли ведро, то ли дождь»; «Глупа та птица, которой свое гнездо не мило»; «В одиночку и мед горек, а в семье каша гуще»; «наел шею на чужом»; «видом ты орел, а умом – тетерев»; «как запрягать – так дугу загигать» и др.

Г. Красильников, как истинно национальный писатель, тонко подмечает традиционные черты характера удмуртского крестьянина – бережливость и рачительность: «Старик Парамон кончил обедать, старательно завернул каждый стакан в отдельную тряпочку, потом завязал ниткой и уложил в кожаную сумку. Крошки хлеба с колен он тоже бережно собрал в ладонь и высыпал в рот. Затем незаметно покосился в мою сторону и торопливо, будто отмахиваясь от слепня, перекрестил-

ся» [Красильников, 1960, с. 49].

Важное достижение Г. Красильникова – внимание к личности современника, простого человека из деревни, его внутреннему миру, духовно-нравственному облику, синтез лиризма с безусловным доверием к жизни. Это и приподняло планку художественности в национальной литературе, легло в основу ее дальнейшего развития и обновления повествовательных структур. Сегодня со стороны приверженцев нового стиля в литературе, произведения которых причисляются некоторыми нашими критиками к постмодернизму, высказывается немало претензий к прозе удмуртских «шестидесятников», поскольку якобы «молодежь эти книги почти не читает», прозаики «не зовут к богатой, достойной жизни», а пишут «про развалившееся село и бесконечное пьянство» [Арзамазов, 2005, с. 3]. Однако нельзя не видеть, что поиски «экспериментальным» героем своего личного пространства в современной действительности, хаотично растерявшей традиционные национальные ценности, есть результат литературного процесса, берущего свое начало в духовной атмосфере «оттепели» 1960-х годов.

Литература

Арзамазов А.А., Захаров П.М. Путь к себе лежит через Европу // Удмуртская правда. 2005. 30 ноября.

Домокош П. История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск, 1993.

Зайцев В.А., Герасименко А.П. История русской литературы второй половины XX века : учебник. М., 2004.

Красильников Г.Д. Весь свой талант и жар сердец – родному народу! : интервью с писателем // Удмуртская правда. 1967. 4 июня.

Красильников Г.Д. Тонэн кылысько (Остаюсь с тобой) : повесть и рассказы. Ижевск, 1960.

Никонова Т.А. Путь к «хорошему человеку». Проза В. Аксенова 60-х годов : учебное пособие // Русская литература XX века. Воронеж, 1999.

Шкляев А.Г. Времена литературы – времена жизни : статьи об удмуртской литературе. Ижевск, 1992.

МИКРОРОМАН КАК ЭПИЧЕСКИЙ ЖАНР

А.В. Побежимова

Ключевые слова: микророман, жанр, роман.

Keywords: micronovel, genre, novel.

Исследуемая нами проблема микроромана как эпического жанра является новой в литературоведении. Впервые жанровое определение «микророман» появляется на арене русской (тогда советской) литературы в 70-х годах XX века в творчестве эмигрировавшего впоследствии в Америку писателя Юрия Дружникова. В литературе Эстонии и Польши десятилетием раньше микророманы создают Энн Ветамаа и Корнель Филиппович. Необычный жанр появляется на волне общего стремления писателей той поры к поиску новых жанровых форм.

Однако если мы задумаемся об истоках этого жанра и попробуем проследить его историю, то увидим, что он возник в литературе задолго до появления самого термина. Особенно активно формирование нового эпического жанра происходит в творчестве А.П. Чехова, И.А. Бунина, Л.М. Леонова. Чеховеды, в частности, неоднократно отмечали, что Чехов особым образом переосмыслил художественную природу рассказа и пришел к новаторским жанровым открытиям в этой эпической форме [Александров, 1957, с. 121–123; Дерман, 1959, с. 150–151; Поспелов, 1970, с. 302; Цилевич, 1976, с. 174; Гейдеко, 1976, с. 291; Бондарев, 1986, с. 24–25; Бердников, 1994, с. 39; Минералова, 2003, с. 202]. Литературоведы вплотную подошли к тому, чтобы увидеть в ряде рассказов и повестей Чехова типологически иную жанровую форму, однако последний шаг не был сделан. Особняком в этом ряду стоит статья П. Вайля и А. Гениса «Путь романиста» [Вайль, Генис, 1994, с. 256], в которой авторы все же признают за Чеховым создание микроромана.

Возникновение интереса к проблеме микроромана именно в наше время представляется вполне закономерным и даже симптоматичным по двум причинам. Первая причина состоит в том, что именно сейчас многие историки и теоретики литературы сместили фокус своего науч-

ного взгляда с привычных крупных жанровых форм на малые жанры как объект изучения [Георгиевский, 2004; Авдеева, 2004; Калининченко, 1997]. Исследователи увидели в малых жанрах особый поэтический мир, заглянули, если использовать естественнонаучное сравнение, в литературоведческий «микроскоп». Эта тенденция к минимизации объекта исследования характерна в XX и XXI веках не только для естественных наук, таких как физика и биология, но и для гуманитарных дисциплин, в частности лингвистики и литературоведения. Поэтому неудивительно, что именно сейчас вопрос об изучении нового эпического жанра, «потерянного» прежде среди столь привычных по малому объему рассказов и повестей, приобрел особую актуальность.

Изучая историю микроромана, мы сталкиваемся с необходимостью отнесения к нему произведений, которые уже имеют авторские жанровые определения. Возникает вопрос, правомерно ли использовать по отношению к ним принципиально новую жанровую атрибуцию. Ответ на этот вопрос приводит нас ко второй причине, по которой проблема разграничения жанров рассказа, повести и микроромана становится особенно актуальной в наши дни. В своей статье о нынешнем состоянии жанрологии Л.В. Чернец говорит о необходимости осознания ценности как исторического, так и типологического подхода к анализу жанра [Чернец, 2006, с. 3–12]. В первом случае исследователь придерживается того жанрового определения, которое дал ему автор, исходя из состояния теории литературы на момент создания произведения, и анализирует его именно в этом ключе. При втором подходе исследователь смотрит на произведение с позиций современного состояния литературоведения и пытается выделить вневременные, общетипологические признаки произведения в свете выбранной исследователем жанровой концепции. В ситуации пересечения и смешения этих подходов возникают столь частые расхождения в жанровой атрибуции произведений. Они закономерны на данном этапе развития литературоведения, однако исследователь должен четко осознавать, в свете какой традиции – исторической или типологической – он анализирует произведение. При анализе микророманов мы придерживались типологического подхода. Таким образом, использование **исторического** подхода для изучения творчества Чехова требует назвать такие произведения, как, например, «Ионыч», «Дама с собачкой», «Невеста» рассказами. Однако с позиции **типологии** мы видим существенные жанровые отличия названных произведений Чехова от его же, например, «Спать хочется», «Неприятность», «Скрипка Ротшильда». И именно с этих позиций мы предлагаем выделить их и типологически сходные с

ними произведения в отдельный жанр – **микророман**.

До сих пор не существует единого терминологического определения таких базовых для современного этапа развития литературы жанров, как роман, повесть, рассказ. В то же самое время число всевозможных «поджанровых» разновидностей некоторых жанров, например, романа, с трудом поддается исчислению [Кожин, 2003, с. 892, 1560]. Таким образом, существующие на данный момент жанровые концепции не могут быть синтезированы в общую теорию жанра, учитывающую все особенности литературных явлений прошлого и настоящего. Это значительно осложняет исследование любого конкретного жанра, в том числе и микроромана как части общей системы.

Если выстраивать парадигму романских эпических жанров, положив в основу критерий объема текста, то условно она может выглядеть так: микророман, роман, роман-эпопея. Согласимся здесь с известным высказыванием Ю.Н. Тынянова о том, что «понятие “величины” есть вначале понятие энергетическое: мы склонны называть “большую форму” ту, на конструирование которой затрачиваем больше энергии. “Большая форма”, поэма может быть дана на малом количестве стихов (ср. “Кавказский пленник” Пушкина) <...> Раз сохранен <...> принцип конструкции, сохраняется в данном случае ощущение жанра; но при сохранении этого принципа конструкция может смещаться с безграничной шириной» [Тынянов, 1977, с. 255]. Нам не кажется удивительным, что «безграничная ширина» конструкции романа может сжаться до объемов рассказа, оставаясь при этом романом, а не рассказом, или же расширяться до размеров романа-эпопеи. Конечно, это требует от автора особого мастерства и умения по-новому организовать форму и содержание произведения. Привычные каноны классического романа XIX века претерпевают значительные изменения. «Ту несложную историю <...> которую г. Боборыкин растягивает более чем на пять печатных листов, добросовестный художник рассказал бы на одном, много двух» (цит. по: [Голстая, 2002, с. 134]), – так лаконичный А.П. Чехов высказался о традиционной для литературы конца XIX века манере письма на примере современного ему П.Д. Боборыкина.

Рассматривая процесс зарождения и развития микроромана в русской и зарубежной литературе, необходимо разграничивать два основных этапа формирования этого жанра – дотерминологический и терминологический. На **первом этапе** микророман существовал в литературе в латентном состоянии и не выделялся как отдельный жанр писателями и теоретиками науки, чему в немалой степени способствовало общее состояние жанрового синкретизма XIX века. Можно выявить некото-

рые закономерности появления микроромана на литературной арене в XIX–XX веках. Интерес писателей к микророману как жанру возникает в «безроманные» периоды в национальных литературах, когда данный жанр становится своеобразным временным функциональным аналогом романа. Микророман – результат явления романизации малых и средних эпических жанров. Микророман как жанр возможен в национальной литературе с того момента, когда она в полной мере испытала период господства романа в той или иной форме. Это может быть влияние как национального романа, так и переводного. В течение всего XIX века русская литература вплотную подходила к созданию нового, уникального для эпической литературы жанра, которым в XX веке стал микророман.

Решающим фактором, приведшим к тому, что микророман получил практически законченную жанровую форму уже в начале XX века, стало появление новых способов выражения художественного содержания. Синтез прозы и поэзии в конце XIX – начале XX веков оказал значительное влияние на трансформацию художественной формы эпических произведений. Об этом явлении подробно пишет в своей работе И.Г. Минералова. Исследователь уделяет большое внимание анализу творчества Чехова, которое признает вершинным проявлением поэтического в прозе. По мнению автора, «поэзия и проза – это две различные семантические стихии» с разными «способами смыслопередачи» [Минералова, 2003, с. 178]. И естественно, что, введя в свою прозу поэтическое начало, Чехов привнес туда семантику, имеющую принципиально иные корни, чем, например, у традиционной прозы XIX века. Эта семантика, как и семантика поэзии, «не перелагаема без потерь на язык логического рассуждения» [Минералова, 2003, с. 209]. Эта как раз та семантика, которая состоит из постоянно расширяющейся материи текста, притом что сама материя минимальна. И именно это свойство – расширение художественного содержания за счет внутреннего потенциала художественной формы – мы можем назвать принципиальным для микроромана как жанра.

На **втором этапе** развития микроромана, который наступает в славянских национальных литературах (польской, эстонской, русской) с середины XX века, данный жанр приобретает устойчивое наименование (микророман). Ряд авторов сознательно дает подобную жанровую атрибуцию своим произведениям. В 1960 году публикуется первый микророман польского писателя Корнеля Филиповича (Filipowicz, Kornel) «Провинциальный роман» [Филиппович, 1972]. Эстонский поэт и прозаик Энн Ветемаа (Vetemaа, Enn) создает свои «маленькие ро-

маны» во второй половине 60-х годов [Ветемаа, 1972]. Ю. Дружников начинает писать микророманы еще в начале 60-х годов в Советском Союзе, однако публиковаться они будут лишь начиная с 70-х годов в СССР и 80-х на Западе. Всего писателем было создано девять произведений в этом жанре. В 1999 году опубликовано двухтомное издание избранных произведений Ю. Дружникова, в число которых вошли и микророманы [Дружников, 1999].

Таким образом, за последние полвека жанр микроромана не только официально «зародился», а потом и закрепился в ряде национальных литератур, но и подошел к этапу, на котором становится возможным его теоретическое осмысление.

Микророман – эпический литературный жанр, синтезирующий жанровые признаки большой эпической формы (романа) и малой или средней (рассказа или повести). Микророман представляет собою специфическое жанровое образование, обладающее рядом устойчивых типологических характеристик, и вместе с тем этот жанр находится в постоянном развитии.

Произведение, имеющее формально–содержательную и функциональную связь с романом и объемом, свойственный рассказу или повести, мы предлагаем отнести к микророману. Можно сказать, что роман – это макрорассказ о макромире; рассказ – это микрорассказ о микромире; **микророман** – это микрорассказ о **макромире**. Условный «эталон» жанра микроромана – минимально возможный объем текста, заключающий максимально широкое эпическое художественное содержание.

Жанр микроромана складывается из двух основных тенденций: «расширения» художественного содержания (декомпрессии) и «сжатия» художественной формы (компрессии). Внутреннее «сжатие» текста в микроромане осуществляется на всех уровнях произведения и выражается, например, в целенаправленном стремлении автора к лаконичности, емкости и полифункциональности приемов создания художественного мира произведения.

В основе поэтики микроромана лежит умение автора создавать «оптические обманы» нашего читательского зрения и восприятия. Если это удастся, то мы получаем удивительный эффект, когда в наших мыслях произведение не сжимается до единичной ситуации, времени и пространства (к чему тяготеет рассказ), а наоборот, расширяется до масштабов романа. Возможно, читателю (и писателю), уставшему от многословности и идейной насыщенности классических романов, именно такой тип нового, лаконичного романа и был нужен. И в этом смысле микророман – это уникальный, в высшей степени художе-

ственный жанр, стремящийся к стихотворной точности, обязательности каждого слова (шире – образа), не допускающий ничего случайного, работающего «вхолостую», линейно, а не «стереофонически» и «полифонически».

Анализируя особенности художественного воплощения микроромана в литературе, можно выделить два типа микроромана сообразно объему каждого конкретного произведения, а именно: «микророман-повесть» и «микророман-рассказ». Дополнительные жанровые определения способствуют более четкой классификации микророманов и указывают на **объем** произведения (малый или средний), а не на содержательную сторону микроромана как такового. К «микророманам-рассказам» мы относим такие произведения, как «Ионыч» (1898), «Дама с собачкой» (1899), «Невеста» (1904) А.П. Чехова; «Чистый понедельник» (1944) И.А. Бунина; микророманы «Смерть царя Федора» (1957–1958), «Розовый абажур с трещиной» (1963), «Деньги круглые» (1969) и др. Ю. Дружникова.

К «микророманам-повестям» можно отнести микророманы «Провинциальный роман» (1960), «Дневник Антигероя» (1961), «Сад господина Ниичке» (1965) и др. К. Филиповича; «Монумент» (1965), «Усталость» (1967), «Реквием для губной гармоники» (1968), «Яйца по-китайски» (1969) Э. Ветемаа; «Evgenia Ivanovna» (1938) Л. Леонова.

Микророман может стать полноценным членом общей жанровой системы, тем более что потребность в нем обозначена практическими задачами литературоведения. Существующая теоретическая база не препятствует выделению жанра микроромана как одной из многочисленных модификаций романа (в данном случае не содержательной, а структурной). Напротив, большинство исследователей теории жанра подчеркивают неканоничность жанра романа [Бахтин, 2000, с. 198–199; Тамарченко, 2004, с. 361–376], способность его к трансформации и изменению под влиянием различных факторов. Возможность существования жанра микроромана указывает на то, что критерий объема произведения является вторичным, формальным, вытекающим из характера корреляции между формой произведения и его содержанием. Это соотношение может принимать такие парадоксальные, на первый взгляд, формы, какие мы обнаруживаем в микроромане. Однако эта «нетрадиционность» микроромана не должна препятствовать его выделению как самостоятельного жанра.

Литература

- Авдеева Н.Г. Поэтика «малых» жанровых форм в творчестве Н.С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.
- Александров Б.И. Семинарий по Чехову. М., 1957.
- Бахтин М.М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Эпос и роман. СПб., 2000.
- Бердников Г.П. Чехов // История всемирной литературы : в 9 т. Т. 8. М., 1994.
- Бондарев Ю. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 6. М., 1986.
- Вайль П., Генис А. Родная речь. М., 1994.
- Ветемаа Э. Маленькие романы. Таллин, 1972.
- Гейдеко В. Чехов и Бунин. М., 1976.
- Георгиевский А.С. Русская проза малых форм последней трети XX века: духовный поиск, поэтика, творческие индивидуальности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
- Дерман А. О мастерстве Чехова. М., 1959.
- Дружников Ю. Избранное : в 2 т. СПб., 1999.
- Калениченко О.Н. Малая проза Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и писателей рубежа веков (новелла, святочный рассказ, притча). Волгоград, 1997.
- Кожин В.В. Роман // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003.
- Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. Поэтика символизма : Учебное пособие. М., 2003.
- Поспелов Г.Н. Стиль повестей Чехова // Проблемы литературного стиля. М., 1970.
- Тамарченко Н.Д. Теория литературы. М., 2004.
- Толстая Е.Д. Поэтика раздражения. М., 2002.
- Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Филипович К. Микророманы. М., 1972.
- Цилевич Л.М. Сюжет чеховского рассказа. Рига, 1976.
- Чернец Л.В. К теории литературных жанров // Филологические науки. М., 2006.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ 20-Х ГОДОВ И ШКОЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

А.А. Позднякова

Ключевые слова: школьная грамматика, научная грамматика, форма слова, ультраформализм.

Keywords: school grammar, scientific grammar, the form of a word, an ultraformalism.

Начало XX века в России знаменуется сменой научных воззрений на грамматику: логико-грамматическая теория, восходящая к Ф.И. Буслаеву, уступает место формально-грамматической, разрабатываемой Ф.Ф. Fortunatovым и его учениками.

В основу грамматики Ф.Ф. Fortunatova положено учение о форме слова, согласно которому последняя понимается как членимость грамматических единиц на вещественную и формальную части. Это отношение лексической и грамматической частей возможно потому, что существует два вида отношений: данное слово соотносится с другими словами, у которых: а) та же основа, но другой аффикс (*вод-а, вод-ный, вод-ица, на-вод-нение, вод-яной* и др.); б) тот же аффикс, но другая основа (*вод-а, трав-а, бород-а, коз-а, круп-а* и др). И основная, и формальная принадлежности имеют каждая свое звуковое выражение и значение.

Разработанное Fortunatovым понятие формы слова стало базой для создания теории частей речи, основанной на словоизменительных характеристиках слов – эта теория получила название формальной грамматики. Не все вопросы были исследованы Fortunatovым с оди-

наковой ясностью и глубиной, многие из них получили развитие позднее, в трудах его учеников и последователей.

Помимо собственно научных интересов, ученых формально-грамматического направления объединяло стремление реформировать содержание школьного курса грамматики. Школьная классификация слов по частям речи была критиковалась как ненаучная: грамматические признаки смешивались в ней с семасиологическими, причем в одних словах на первый план выдвигались первые (например, в глаголах), а в других – последние (например, в местоимениях и числительных). Такая классификация нарушала логическое требование единства основания, по которому «всякое деление производится по одному какому-либо признаку» [Пешковский, 1925, с. 41]. Причину ненаучности школьной грамматики видели и в том, что не признавалось само разделение слов на вещественную и формальную части.

В 20-е годы формальное направление разделилось на два лагеря: с одной стороны, выделились «строгие» формалисты, или ультраформалисты: М.Н. Петерсон, А. Павлович, С.И. Абакумов, В.А. Малаховский, А.В. Миртов; с другой – так называемые «непоследовательные», «умеренные» формалисты: А.М. Пешковский, Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков, А.Б. Шапиро, С.И. Карцевский, и др. Дискуссии между ними разворачивались по поводу школьных учебников русского языка, авторами которых все они были. Разногласия ученых касались следующих вопросов: 1) понимания формы слова, 2) определения словоизменительных форм, 3) принципов частеречной классификации слов.

1. Понимание формы слова. В своих грамматических построениях ученые обоих направлений отталкивались от понятия формы слова как его членимости на лексическую и грамматическую части. Однако ультраформалисты понимали форму слова как нечто внешнее, что служит оболочкой, «оберткой» для содержания. Вследствие этого между формой и значением ученые часто усматривали противоречие. Например, слова *старшина*, *воевода*, *судья*, *Алеша*, *Сергея* и даже слово *мужчина* «по форме имели окончание женского рода –а, но обозначали лиц мужского пола», – писал С.И. Абакумов. Напротив, слова *мастеровой*, *нищий*, *караульный*, «мыслимые нами всегда как предметы», являлись по форме прилагательными. Антагонизм формы и значения С.И. Абакумов видел и во фразе: *здесь продается свежая рыба*, где слово *рыба*, «по форме единственного числа, употребляется в значении множественного»; с другой стороны, «такие слова, как *щипцы*, *ножницы*

цы, по форме множественного числа, обозначают лишь один предмет» [Абакумов, 1923, с. 42–43].

Между тем с точки зрения ученых «умеренного» формального направления, форма представляет собой нерасторжимое единство звукового выражения и грамматического значения. Последнее выявляется из соотношения форм между собой: «Что такое изменение по лицам, числам, родам, падежам как не звуковое выражение известных отношений? Если не принимать во внимание этих отношений, то мы не в состоянии будем решить, является ли, например, форма *лаю* 1 лицом единственного числа глагола или дательным падежом единственного числа существительного» [Дурново, 1924, с. 90]. Таким образом, все рассуждения ультраформалистов об антагонизме между формой и значением основаны на недоразумении.

В именах существительных мужского рода на *-а* нет никакого противоречия между формой и значением: род существительного определяется сочетательной способностью с прилагательными: «Если бы прилагательные не различались по формам согласования с различными существительными, мы не могли бы говорить о роде существительных, а только о разных склонениях». Слова *мастеровой, нищий, караульный*, которые С.И. Абакумов «по форме» относил к прилагательным, у Н.Н. Дурново не являются таковыми: хотя у них и имеется ряд падежных окончаний прилагательных, однако им не хватает ряда других окончаний, имеющих у всех прилагательных, то есть отсутствуют формальные признаки, свойственные прилагательным (согласование в роде, числе и падеже с существительными). «Не вижу я антагонизма, – писал Н.Н. Дурново, – между формой и значением и в примерах на употребление форм единственного числа якобы в значении множественного и множественного в значении единственного. В языке все формы соотносительны между собой и определяются только из этого соотношения. Слово *сады* – мн. число только по отношению к слову *сад*, а слово *сад* – ед. число только по соотношению со словом *сады* [Дурново, 1924, с. 88–89].

2. Определение словоизменяемых форм. Ультраформалисты признавали словоизменяемыми только такие формы, которые выражали отношения «данных предметов мысли к другим предметам мысли в предложениях» [Фортунагов, 1956, с. 155]. В соответствии с этим спряжение понималось как изменение по лицам и числам [Абакумов, 1923, с. 46] или только по лицам [Петерсон, 1923, с. 16; Павлович, 1923, с. 15], склонение – как изменение по падежам и числам [Абакумов, 1923, с. 46] или только по падежам [Петерсон, 1923, с. 15;

Павлович, 1923, с. 14]. Время и наклонение, по мнению А.Павловича, не относились к синтаксическим формам, принадлежали «логической категории» и передавались словообразовательными средствами [Павлович, 1923, с. 17].

Оппоненты ультраформалистов истолковывали понятие словоизменительных форм несколько шире. Время и наклонение причислялись к особым синтаксическим, сказуемым, формам. При помощи категории времени говорящий определяет отношение времени действия ко времени своей собственной речи, «а последнее не может представляться ему объективно, оно совпадает с моментом его речевого сознания» [Пешковский, 1956, с. 86]. Категория наклонения «обозначает отношение говорящего к той связи, которую он устанавливает при помощи форм согласования глагола между данным признаком и данным предметом» [Пешковский, 1956, с. 86]. Таким образом, обе категории, не обозначая отношений слов друг к другу, обозначают отношение самого говорящего к тем отношениям, которые он устанавливает между словами: «отношение к отношениям – вот в чем сущность этих категорий» [Фортунатов, 1956, с. 88].

3. Принципы классификации слов по частям речи. Расхождения по поводу словоизменительной формы стали причиной дискуссии о частеречной классификации слов. Ультраформалисты распределяли слова по частям речи в зависимости от характера словоизменения:

I. Слова с формами словоизменения:

1) слова, изменяющиеся по падежам (существительные);

2) слова, изменяющиеся по родам:

а) изменяющиеся только по родам (краткие формы прилагательных и причастий, и формы прошедшего времени глагола);

б) по родам и падежам (прилагательные и причастия);

3) слова, изменяющиеся по лицам (глаголы);

II. Слова без форм словоизменения: деепричастие, наречие, инфинитив, предлоги, союзы, частицы.

Эта классификация ультраформалистов встретила резкое неприятие со стороны «умеренных» формалистов. Оно было вызвано тем, что, во-первых, были разорваны грамматические единства, которые интуитивно признавались единствами. Так, формы *сидел – сидела – сидело – сидели*, объединенные значением рода и числа, отрывались от форм *сиджу – сидишь – сидит*, объединенных значением лица и числа. С другой стороны, в одну группу включались такие слова, которые интуиция не признавала единством: к одной части речи были отнесены формы: *сидел – сидела – сидели; умел – умна – умно – умны; отрезан – отреза-*

на– отрезаны и др. (подробнее см.: [Панов, 1995a]). Ограничение глагола теми словами, которые имеют формы изменения по лицам, представляло большие неудобства: «Ведь лицо у глагола может быть обозначено не только окончаниями, но и особыми личными словами; последний способ обычен во многих новых европейских языках, и он же применяется и в русском языке. Поэтому я отсутствие форм изменений по лицам не считаю препятствием для отнесения прошедшего времени глаголов к глаголам» [Дурново, 1924, с. 91].

Неудобство классификации проявилось и в том, что многие слова, не имеющие словоизменяемых форм, выпали из грамматической системы: *да, нет, вчера, наобум, кенгуру, пенсне, перебегая, прочитав, но, без, только* оказались в одной группе бесформенных слов.

Большим недостатком грамматических построений ультраформалистов было и то, что они не признавали общих формальных значений за теми грамматическими категориями, которые образовывали части речи: «сама общность изменения или общность форм в известной группе слов не считается выразителем какого-либо единства в значениях, а считается как бы чисто звуковым фактом» [Пешковский, 1959, с. 228–229].

Оппоненты ультраформалистов распределяли слова по частям речи, основываясь на общности категориального грамматического значения: существительное обладает значением предметности, прилагательные – значением «признака, принадлежащего предмету по его природе», глаголы – значением «признака, намеренно проявляемого самим предметом» и т.д. [Пешковский, 1927, с. 93, 97].

Частеречные значения формируются в совокупности синтаксическими и несинтаксическими формами и выявляются в сочетательных возможностях слова. А.М. Пешковский считал, что именно *формасловосочетания* является определяющей при формировании грамматического категориального значения части речи: «если мы возьмем такую флексию существительного, которая встречается только в системе окончаний существительных и совершенно не встречается в системе окончаний других частей речи (например, форма Т.п. ед.ч. *черню*), то можем ли мы считать для этой формы синтаксическую сторону дела устраненной и говорить, что в этом случае значение предметности создается исключительно формой одного слова? <...> Поместим форму *черню* в неподходящую для нее синтаксическую обстановку: *мы пошли за черню смородиной* <...> – слушатель поймет эту фразу как и с к а ж е н и е фразы: *мы пошли за черной смородиной*, то есть вся звуковая несомненность формы *черню* в ее предмет-

ном значении не спасет ее от ее непредметного толкования под давлением всех остальных форм данного словосочетания (разрядка автора цитаты. – А.П.)» [Пешковский, 1956, с. 65–66].

Основываясь на сочетательных возможностях слов, А.М. Пешковский, Н.Н. Дурново, С.И. Карцевский выделяли четыре знаменательные части речи: существительное, прилагательное, глагол, наречие. Глагол понимался ими как слово, изменяющееся по временам и наклонениям, или – в широком смысле – как слово, имеющее формы вида и залога. Причастия и деепричастия занимали в этой классификации промежуточное положение. С одной стороны, по своим словоизменительным формам (или отсутствию таковых – у деепричастий) они принадлежали прилагательному и наречию, но с другой стороны, резко отличались от прочих глагольных прилагательных и наречий тем, что имели значения вида, залога, времени. Кроме того, причастие, деепричастие и инфинитив теснейшим образом были связаны с глаголом по возможностям управления и примыкания.

Слова, нечленимые на основу и аффикс, то есть не вступающие в два ряда отношений и поэтому выведенные Ф.Ф. Фортунатовым за пределы грамматики, были признаны грамматическими, но с формальным значением, реализующимся в формах словосочетаний. Так, А.Б. Шапиро относил слово *пари* к существительным на основании следующих синтаксических признаков: «1) при нем может стоять прилагательное в среднем роде (можно говорить о согласовании) – *громкое пари*; 2) оно может иметь при себе управляемые слова – *пари американца с русским*; 3) оно может быть в предложении подлежащим, то есть обозначать субъект – *пари заинтересовало*; 4) оно может обозначать объект действия и стоять при глаголе на месте управляемого слова – *держат пари* и т.д.» [Шапиро, 1921, с. 113] – все это признаки существительности. Такие же основания для распределения бесформенных слов по частям речи предлагал и А.М. Пешковский [Пешковский, 1956, с. 69].

Решение проблемы «бесформенных» слов обогатило и расширило понятие «форма слова». По словам М.В. Панова, «членимость слова на две части, грамматическую и неграмматическую, нужна Фортунатову только для того, чтобы ввести его в сеть отношений с другими формами слов и со словами. Только в этом смысл разделения слова, которое Фортунатов называл грамматической формой. Но этот смысл сохранен и в новом понимании термина». [Панов, 1995б, с. 16]. Грамматическую сущность единицы теперь стало определять место данной

формы в ряду форм. Последовательное проведение этого принципа приводило к неожиданным, но научно оправданным решениям. Так, Н.Н. Дурново слова *нет, нету* и отрицательную частицу *не* квалифицировал как неспрягаемые глаголы – на том основании, что эти слова входят в целостный ряд функционально соотносительных грамматических единиц: *не было дождя – нет дождя – не будет дождя* [Дурново, 1931, с. 105–106].

Грамматическая дискуссия 20-х годов имела важное значение как для научной грамматики, так и для школьного курса русского языка, так как разрабатывала и популяризировала понятие формы слова, предлагая ученику вместо схоластики – науку об отношениях слов. Спор же внутри формальной школы был «домашний», чисто русский спор, который объяснялся, с одной стороны, огромным научным авторитетом основоположника формального направления Ф.Ф. Фортунатова, а с другой – неразработанностью ряда положений его теории.

Литература

- Абакумов С.И. Этюды по формальной грамматике // Родной язык в школе. 1923. № 3.
- Дурново Н.Н. О формальной грамматике и логике // Родной язык в школе. 1924. № 6.
- Дурново Н.Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. 1. Изд. 2. М., 1931.
- Малаховский В.А. Новая грамматика русского языка. Опыт пособия для учителя и педагогических техникумов. Л., 1925.
- Павлович А. Между Сциллой и Харибдой // Родной язык в школе. 1923. № 1.
- Панов М.В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество // Ушаков Д.Н. Русский язык. М., 1995а.
- Панов М.В. Московская лингвистическая школа // Русистика сегодня. 1995б. № 3.
- Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923.
- Пешковский А.М. Вопросы изучения языка в семилетке // Избранные труды. М., 1959.
- Пешковский А.М. Наш язык. Учебная книга по грамматике для школ 1 ступени. Сборник для наблюдений над языком в связи с занятиями правописанием и развитием речи. Ч. 3. М., 1927.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956.
- Пешковский А.М. Школьная и научная грамматика. Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике. Изд. 5. М., 1925.
- Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. – М., 1956.
- Шапиро А.Б. За кем идти (современные грамматические разногласия) // Русский язык в советской школе. 1921. № 1.

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 года)

24–26 марта 2009 года на базе филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова состоялся Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Данный симпозиум стал значительным событием для современной славистики: в нем приняли участие свыше 700 ученых, исследователей не только из России и стран СНГ, но и стран Балтии, Западной, Восточной и Центральной Европы, Америки, Азии.

О масштабности мероприятия свидетельствует и количество участников, и тематика докладов, охватывающая проблемы языковой ситуации и языковой политики в странах славянского мира, славянских языков и литератур в межнациональной коммуникации, тенденции изучения грамматики славянских языков, новые явления в славянском словообразовании, вопросы истории и этимологии славянских языков, славянской диалектологии, лексикологии и лексикографии славянских языков, описания картины мира в славянских языках, вопросы славянских языков и средств массовой информации, теории и методики преподавания славянских языков как иностранных, проблемы славянского художественного дискурса и языка художественной литературы, общих и частных тенденций развития славянской литературы, драматургии, кино и фольклора.

Симпозиум открылся обращением к его участникам ректора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, академика РАН В.А. Садовниченко, отметившего, что именно и прежде всего научная и преподавательская деятельность конкретных людей, занимающихся славянскими языками и литературами, «на протяжении всей истории способствовала взаимопониманию и укреплению связей между отдельными славянскими народами», миссия участников этого симпозиума состоит в решении проблем, мешающих нормальным контактам между славянскими народами, сохранению «особого славянского культурного ареала во всем его многообразии». Декан

филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова доктор филологических наук, профессор М.Л. Ремнева подчеркнула в своем докладе, что идея славянской взаимности, всегда исходившая от самих славянских народов, а не «спускаемая» свыше, не утратила свою актуальность: «Отказ же от нее по сути является отказом от истории и культуры своего народа. Эта идея должна помогать решению проблем, существующих между славянскими народами <...> могла бы способствовать решению стоящих перед Европой проблем, большему взаимопониманию между народами, в том числе и укреплению отношений России с другими славянскими государствами».

Участвующие в симпозиуме ученые из вузов Алтайского края представили доклады, соответствующие актуальным направлениям современной славистики: вопросы лексикологии и лексикографии славянских языков обсуждались в сообщении С.В. Дорониной «Прагматическая характеристика инвективных слов в толковых словарях и аспекты их лексического значения» (Алтайский государственный университет); тенденции изучения грамматики славянских языков стали предметом доклада Л.Б. Парубченко «Интонация и пунктуация» (Алтайский государственный университет); доклад Н.В. Панченко «Грамматические средства композиционной актуализации текста (на материале рассказов Л. Улицкой)» (Алтайский государственный университет) находился в русле проблем, затрагивающих славянских художественный дискурс и язык художественной литературы; проблемы взаимодействия языковой картины мира, языкового пространства, культуры и языкового сознания были в центре внимания Е.Ю. Поздняковой «Языковая картина мира и языковое пространство в диалоге “язык – культура”» (Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова).

Особое место в работе симпозиума заняли круглые столы, посвященные актуальным этноязыковым и этнокультурным проблемам современности (руководители: Г.П. Нешименко (Россия) и С. Чмейркова (Чехия)); дискуссионным вопросам славянского словообразования и номинации (руководители: М.А. Кронгауз (Россия) и Е.В. Петрухина (Россия)); коммуникативной грамматики и сопоставительного изучения русского языка (руководители: Е. Белая (Франция) и Н.К. Онипенко (Россия)); проблемам формирования современной финансово-экономической и юридической терминологии (руководители: А.А. Поликарпов (Россия) и Ю.М. Алексеев, президент Национальной лиги переводчиков России); морфосинтаксической типологии славянских предложный единиц (руководитель: М.В. Вселоводова (Россия)); роли балтийского региона в современных языковых и культурных контактах славянских и неславянских народов (руководители: Е.Р. Сквайрс (Россия) и О.В. Синева (Россия)); аспектам взаимодействия славянской фантастики и современного мира (руководитель: Е.Н. Ковтун (Россия)).

Огромный интерес, проявленный исследователями в отношении изучения проблемы взаимоотношения русского и других славянских языков, поиск оснований культурного, исторического, языкового взаимодействия славянских народов, обращение к общим славянским истокам, позволяет надеяться, что проблемы, выявленные в ходе работы симпозиума, не потеряют своей актуальности и будут способствовать организации регулярной работы симпозиума, посвященного славянским языкам и культурам в современном изменяющемся мире.

Н.В. Панченко

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Н.В. Панченко. Целостность текста: текстовая реальность или утопия? Целостность текста создается через организацию изотопий в пределах композиционного построения текста. Изотопия представляет собой отношения семантического тождества между элементами текста по какому-либо признаку, приводящие к возникновению композиционных эквивалентностей. Создание изотопных композиционных конструкций гетерогенного характера, демонстрируется на примере композиционного построения текста рассказа Л. Улицкой «Второе лицо».

N.V. Panchenko. Text Integrity: Text Reality or Utopia? Text integrity is being made through isotope organization within compositional text beeliding. Isotopia is the relations of semantic identity between text elements on the basis of some quality. It leads to compositional equivalnrcy. Isotope compositional structures of heterogeneous character are presented in composition of the story by L. Ulitskaya «The Second Face».

Ю.В. Трубникова. Вариативность в лексико-derivационной структуре текста. Статья посвящена проблемам соотношения лексико-derivационных структур разных текстовых форм. На основе экспериментальных данных выявляются регулярные типы трансформаций названных структур и их зависимость от derivационных отношений в исходном тексте.

Y.V. Trubnikova. Variation in Text Derivational Structure. The subject of the article is the problem of derivational structures correlation of different text forms. Our tests prove the idea that peculiarities of text derivation determine transformations in the structure of secondary text.

С.А. Рисинзон. Система этикетных действий семейного общения. В русском семейном общении сложилась система этикетных средств, выполняющих функции проявления заботы, информирования, согласования действий и др. Большинство из них соответствует прагматическим конвенциям, они не стереотипны, не ритуализованы и выполняются преимущественно женщинами.

S.A. Risinzon. The System of Polite Speech Acts in Verbal Communication within the Family. According to the Russian cultural traditions of family life in full and separate families the system of expected polite speech acts is formed. The most part of these actions correspond the pragmatic conventions, they

haven't become stereotypes. Such means of politeness are mainly used by women and they are dependent on the surrounding situation.

Е.В. Осетрова. Анонимная новость в пространстве городского общения. Статья посвящена коммуникативному аспекту поведения носителей языка. Рассматриваются различные типы коммуникативных действий, используемых русскими для обсуждения анонимной информации (например, сплетни, слухи, новости). Особое внимание уделяется местоположению, времени, типам говорящих, а также коммуникативным намерениям говорящих.

E.V. Osetrova. Anonymous News in Urban Communication. The article deals with communicative aspect of behaviour of native speakers. It focuses on different types of communicative actions which Russian use to discuss anonymous information (for example rumor, hearsay, news). Particular attention is paid to locations, time, types of speakers as well as to the speakers' communicative intentions.

С.В. Доронина. Средства выражения эпистемического общения и методологические основы лингвистической экспертизы. В статье рассмотрен ряд дискурсивных слов, выражающих эпистемическое значение истинности. Специфика семантики позволяет разделить их на фактуальные и субъективно-модальные.

S.V. Doronina. Epistemic Means of Communication in Linguistic Expert Examination. The subject of the report is the meanings of epistemic discourse words. Semantic features permit to divide them into fact meaning and subjective meaning expressions.

О.В. Марьяна. Расчлененные парцелированные конструкции и их функции в современных художественных текстах рубежа XX-XXI веков. В статье исследуются компоненты парцелированных конструкций. Автор уделяет особое внимание функционированию данных конструкций в современной художественной литературе. Целью работы является выявление наиболее расчлененной группы.

O.V. Maryina. Partitioned Parceled Constructions and Their Functions in Modern Fiction Created on the Border of XX-XXI Centuries. The article centers on the interaction between components of parceled constructions. The author pays special attention to the function of these constructions in modern fiction. The conducted research is necessary for ascertainment of the fact which groups have the most strongly marked degree of partition.

М.В. Артамонова. О месте категории парности в концептуальной системе русского человека. Статья посвящена анализу категории парности и ее интерпретативной функции в русском языке.

M.V. Artamonova. Binary Word-combinations Role in Conceptual System of Russians. The article is devoted to analyzing the category of Hendiadys and interpretative function of binary word-combinations in the Russian language.

В.В. Трубицына. Фольклорные источники литературной песни в поэзии А.П. Сумарокова. Рассматриваются принципы создания жанра литературной песни на основе устной песенной традиции в творчестве А.П. Сумарокова. Исследуется поэтика песен Сумарокова (репертуар лирических ситуаций, мотивов, риторических фигур) и их значение в развитии русской лирической поэзии.

V.V. Trubitsyna. Folklore Sources of Literature Song in the Poetry by A.P. Sumarokov. Creation principles of literature song genre on the basis of oral song tradition in works by A.P. Sumarokov are examined. The poetics of songs by Sumarokov (repertoire of lyric situation, motives, rhetorical figures) and their meaning in the development of Russian lyric poetry are analysed.

Е.К. Созина. По следу Чижевского: философия Гегеля в культурном сознании России 1940-х годов. В статье рассматривается внедрение философии Гегеля в содержание интеллектуальной жизни и в культуру русского общества 1840-х гг. Эта тема была одной из центральных в творческом наследии Д. Чижевского, поэтому автор статьи идет «по следу» философа, имея в виду его книгу 1939 года «Гегель в России». Затрагиваются сюжеты, не рассмотренные ранее: роль гегелевской философии в развитии русской литературы, в частности, в становлении раннего русского романа натуральной школы, а также в других текстах, создаваемых в этот период.

E.K. Sozina. Following Chizhevsky: Hegelianism in Russian Cultural Consciousness in the 1840s. The article focuses on the application of Hegel's philosophy to the intellectual life of the Russian society of the 1840s. It was one of the key points of the creative heritage of D. Chizhevsky and the author of the article "follows" the philosopher and views his book "Hegel in Russia" (1939). The article touches upon the topics which haven't ever been considered: the role of Hegelianism in the making of the Russian cultural metalanguage and in the development of the Russian natural school novel as well as the constructive function of irony in different types of fiction texts of 1840 – the early 1850s.

М.В. Ерохина. К вопросу об эссеизации журнальной литературной критики эпохи гласности. Статья посвящена исследованию русской журнальной литературной критики второй половины 1980-х годов, которая характеризуется постепенной трансформацией всего литературно-критического дискурса. Автор анализирует процесс эссеизации литературно-критических текстов, выявляя жанровые признаки эссе в корпусе журнальных публикаций ведущих литературных критиков указанного периода.

M.V. Erohina. On the Issue of Esseism in Journal Literary Criticism during the Epoch of Glasnost. The article investigates Russian literary criticism in

the second half of the 1980s. This period is characterized by gradual transformation of literature and criticism. The author analyses journal literary criticism in the process of esseism and distinguishes the main features of an essay in the articles of the most popular literary critics of the mentioned period.

Т.И. Зайцева. Почерки новой эпохи: о повести удмуртского писателя Г. Красильникова «Остаюсь с тобой». В статье рассматривается значимость повести Г. Красильникова «Остаюсь с тобой» (1960) для дальнейшего развития удмуртской литературы. Автор определяет то новое и плодотворное в художественном мире писателя, что явилось эстетическим открытием для национальной литературы шестидесятых годов прошлого века.

T.I. Zaitseva. New Epoch Manners: on the Story of Udmurt Writer G. Krasilnikov «I am Staying with You». In the article the story by G. Krasilnikov “I am Staying with You” is considered from the point of view of its significance for the further development of the Udmurt literature. The author determines new and fruitful characteristic features of the writer’s artistic world which appeared to become an aesthetic revelation for the national literature in the sixties of the last century.

Н.М. Киндикова. Алтайская литература на рубеже веков (К проблеме преемственности поколений). В статье речь идет о трех поколениях алтайских писателей второй половина XX столетия. Старшее поколение успело создать в постперестроечное время романы эпохального значения. В статье дан подробный анализ содержания романов. Среднее поколение занято переизданием своих произведений, а новое поколение пытается возродить утерянные художественные традиции, ищет свои корни, возрождает обычаи и традиции предков.

N.M. Kindikova. Altai Literature on Century Border (on the Problem of Generation Succession). The article deals with three generations of the Altai writers of second half of XX Century. Older generation has made epochal novels at postperestroika. The content of these novels is analysed in details in the article. Middle generation is busy republishing their works. New generation is trying to renovate lost artistic traditions.

Т.А. Сенченко. Восприятие текстов изобразительного, информативного, генеритивного регистров: экспериментальное исследование. Статья посвящена исследованию проблемы восприятия текста, при этом акцент делается на особенностях построения текста как одном из факторов, влияющих на результат восприятия исходного текста. В статье приводятся результаты экспериментального исследования на материале текстов разных коммуникативных регистров, делается вывод о том, что в процессе восприятия исходные тексты не претерпевают качественных изменений: в частности, сохранной остается регистровая организация текста, его морфологическая и синтаксическая оформленность.

T.A. Senchenko. Text Comprehension of Descriptive, Informative, Generative Register: Experimental Research. The article is devoted to the research of the problem of text comprehension, thus the accent is made on features of the text construction as one of the factors influencing the result of comprehension of the initial text. In the article the results of an experimental research on the material of texts of different communicative registers are described. The conclusion is that in the course of comprehension initial texts do not undergo qualitative changes: in particular, there is a safe register organisation of the text, its morphological and syntactic form.

В.Ю. Кравцова. Экспериментальное исследование процесса вербализации неречевых сигналов носителями русского и китайского языков. Данная статья посвящена проблеме вербализации невербальных сигналов носителями русского и китайского языков, в ней представлены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на восприятие и вербализацию неречевых сигналов.

V.Y. Kravtsova. Experimental Study of Verbalization of Non-Verbal Signals by the Chinese and Russian Native Speakers. The paper is devoted to the problem of verbalization of non-verbal signals by the Russian and Chinese native speakers. The results of the psycholinguistic experiment directed to the study of non-verbal signals' perception and verbalization are presented there.

A.B. Алексеева. Прагматическая и коммуникативная специфика официальных документов: жанровый аспект обращений граждан (на материале региональных документов). В статье рассматривается прагматическая и коммуникативная специфика официально-деловых документов (на примере обращений граждан). Главной задачей анализа жанров с этой точки зрения является определение закономерностей прагматической интерпретации речевых действий, а речевой жанр выступает как средство организации социального взаимодействия.

A.V. Alekseeva. Pragmatic and Communicative Specification of Official Documents. Genre Aspects of the Forms of Address to the Citizens (on the Example of Regional Documents). This article highlights the issue of the pragmatic and communicative specification of official documents on the example of the forms of address to the citizens. The main task of the genre analysis, from this viewpoint, is the definition of the regularities of the pragmatic interpretation of speech, where the vocal genre is thought to be the means of the organization of the social interaction.

С.В. Тютина. Особенности использования фигур сокращения в испанских газетах. Пространственно-временные ограничения при создании газетной публикации определяют широкое использование структурной компрессии в периодическом тексте. В настоящей статье будет рассмотрен статистический подход к анализу функционирования акронимов и аббревиатур в испан-

ской газете, позволяющий установить степень и качество зависимости читательской аудитории от количественного показателя их употребления.

S.V. Tyutina. The Use of Acronyms and Abbreviations in Spanish Newspapers. Space and time limitations in the process of creating a newspaper article determine the wide use of structural compression. The present article discusses the statistical approach to the analysis of functioning of different acronymic and abbreviation models in Spanish Peninsular newspaper, which allows determining the limits of the dependence between the type of reader and the level of compression.

М.А. Провоторова. Механизмы порождения оценочных смыслов. В данной статье рассматривается проблема порождения оценочных смыслов. Язык обладает большим количеством уже готовых средств актуализации оценочных явлений, однако исходя из того, что оценка представляет собой сложный феномен, базирующийся на логике сравнения, можно предположить, что языковые единицы, не содержащие оценочного компонента, при употреблении в стилистических конструкциях, основанных на сравнении (например, метафора, стилистическое сравнение), могут стать оценочными.

M.A. Provotorova. Mechanisms to Produce Evaluative Meanings. The article deals with the problem of mechanisms that produce evaluative meanings. Language has a lot of ready-made means to express evaluation. Bearing in mind the fact that evaluation is a complex phenomenon based on comparison, we assume the ability of non-evaluative language means to become evaluative when used in stylistic comparative constructions such as metaphors and similes.

О.А. Козлова. Градиентный характер ненормативности. В данной статье рассматриваются некоторые особенности характера отклонений от нормы и способы их представления в английском языке.

O.A. Kozlova. Gradient Character of Deviations. The article deals with some peculiarities of deviations and means of their linguistic presentation in English.

А.К. Погребняк. Предикативная единица *Бог милостив* в русских паремиях. В статье анализируется значение предикативной единицы Бог милостив в составе русских паремий. Оно сопоставляется со значением омонимичного свободно функционирующего фразеологизма.

A.K. Pogrebnyak. Predicative Unit *God is Gracious* in Russian Proverbs. The meaning of the stereotyped expression God is gracious as the component of more difficult stereotyped expressions such as Russian proverbs and sayings is analysed in this paper. Its meaning is compared with the meaning of the homonymous fixed phrase.

А.А. Бахаева. Исповедальная манера повествования и мотив покаяния в повестях Ф.М. Достоевского «Вечный Муж» и К.Н. Леонтьева «Исповедь мужа». В данной статье приведен сравнительный анализ мотива пока-

нения в произведениях двух религиозных писателей XIX века, Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева. Покаяние как повествовательный мотив, обладающий определенной семантической структурой, не может быть рассмотрен отдельно от анализа повествовательной организации текста. Диалог и монолог становятся повествовательными формами, в которых реализуется исповедальное слово героев рассказа «Вечный муж» и повести «Исповедь мужа».

A.A. Bakhaeva. The Confessional Manner of Narration and Motive of Repentance in Story «Perpetual Husband» by F.M. Dostoevsky and story «A Husband's Confession» by K.L. Leontyev. In the given article the comparative analysis of the motive of repentance in the works by two religious writers (F.M. Dostoevsky and K.L. Leontyev) is given. Repentance as a narrative motive can not be investigated without taking into consideration the narrative structure of the text. Monologue and dialogue are the forms of narration in which the confession of the main characters of the stories “Perpetual husband” by F.M. Dostoevsky and “A husband's confession” by K.L. Leontyev is realized.

Н.А. Кунгурцева. Пространственно-бытийная структура образа Дома в раннем творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка. В статье анализируются ранние произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка, редко вводимые исследователями в научный оборот. Автор показывает, как писатель создает особое пространство Дома-пристанища, крова, родового гнезда, передавая читателю определенную систему ценностей, свою мораль и эстетику.

N.A. Kungurtseva. Spatial Being Structure of Home Image in Early Works by D.N. Mamin-Sibiriyak. Early works by D.N. Mamin-Sibiriyak are analysed in the article. The author shows how the writer creates special space of Home-shelter, haven, family nest giving his system of values, moral and aesthetics to the reader.

Е.В. Лазарева. Диалектика феминистского и антифеминистского типов нравственных ценностей (на материале романа Татьяны Москвиной «Смерть – это все мужчины»). Статья посвящена одной из актуальных проблем современной отечественной литературы – гендерной картине мира в аксиологическом аспекте. Парадокс текста Москвиной – диалектика феминистского и антифеминистского типов ценностного высказывания.

E. V. Lazareva. Dialectics of Feministic and Antifeministic Types of Moral Values (novel by T. Moskвина «Death is all Men»). This article is devoted to one of the topical problems of contemporary literature of our country – the gender picture of the world in the aspect of axiology. The paradox of Moskвина's text is the dialectics of feministic and antifeministic types of value statements.

А.В. Побежимова. Микророман как эпический жанр. В статье вводится понятие нового эпического жанра микроромана. Основной жанровый признак микроромана – соединение в произведении “романного типа художественного содержания” и объема текста, свойственного малым эпическим жан-

рам (рассказу и повести). Термин “микророман” возник в середине XX века, однако первые произведения в этом жанре можно найти еще в творчестве А.П. Чехова, И.А. Бунина, Л. Леонова. К ним можно отнести “Ионыча”, “Даму с собачкой”, “Невесту” Чехова, “Чистый понедельник” Бунина, “Evgenia Ivanovna” Леонова. Во второй половине XX века в этом жанре работают писатель Ю. Дружников (СССР – Америка), Э. Ветемаа (Эстония), К. Филиппович (Польша). Можно сказать, что роман – это макрорассказ о макромире; рассказ – это микрорассказ о микромире; микророман – это микрорассказ о макромире. Микророман может стать полноценным членом общей жанровой системы.

A.V. Pobezhimova. Micronovel: as Epic Genre. The article introduces a new epical genre – micronovel. Micronovel’s main genre characteristic is the combination of a novel content with a small volume. In spite of its small volume, which reminds us of short and long stories, originally it is still a novel. In the second half of XX century micronovels were written by U. Druzhnikov (USSR – USA), K. Filipovich (Poland), E. Vetemaa (Estonia), but we can find the first examples in the works by A.P. Chekhov , I.A. Bunin, L. Leonov, though they called their works short and long stories. If we say that a novel is a macrostory about macroworld, a short story is a microstory about microworld, then we can say that micronovel is a microstory about macroworld. We present micronovel as a new member of epical genre system.

А.А. Позднякова. Лингвистические дискуссии 20-х годов и школьная грамматика. Излагается лингвистическая дискуссия между учеными ультраформального и формального направлений фортунаатовской грамматической теории; интерпретируются расхождения между школьной и научной грамматикой.

A.A. Pozdnyakova. Linguistic Discussions of 20-s School Grammar. It is stated a linguistic discussion between scientists of ultraformal and formal strands of Fortunatov’s grammatic theory; divergences between school and scientific grammar are interpreted.

НАШИ АВТОРЫ

**АЛЕКСЕЕВА,
Анна Владимировна**

– старший преподаватель Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: alexeeva@omsu.ru

**АРТАМОНОВА,
Марина Владимировна**

– кандидат филологических наук, старший преподаватель Владимирского государственного гуманитарного университета.
E-mail: artamonovqps@yandex.ru

**БАХАЕВА,
Анна Александровна**

– аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: rfl@filo.asu.ru

**ДОРОНИНА,
Светлана Валерьевна**

– кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: esdor@mail.ru

**ЕРОХИНА,
Мария Вячеславовна**

– аспирант Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: masher85@mail.ru

**ЗАЙЦЕВА,
Татьяна Ивановна**

– кандидат филологических наук, доцент Удмуртского государственного университета (Ижевск).
E-mail: uawoz@rambler.ru

- КИНДИКОВА,
Нина Михайловна** – доктор филологических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: root@gasu.gornyy.ru
- КРАВЦОВА,
Валентина Юрьевна** – аспирант Бийского педагогического государственного университета им. В.М. Шукшина.
E-mail: mika2008@mail.ru
- КОЗЛОВА,
Олеся Александровна** – аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: alice-carol@mail.ru
- КУНГУРЦЕВА,
Надежда Александровна** – аспирант Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).
E-mail: sozina@internethome.ru
- ЛАЗАРЕВА,
Елена Витальевна** – аспирант Кубанского государственного университета (Краснодар).
E-mail: com09@kubzsk.ru
- МАРЬИНА,
Ольга Викторовна** – кандидат филологических наук, докторант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: marin_alex@mail.ru
- ОСЕТРОВА,
Елена Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент Сибирского федерального университета (Красноярск).
E-mail: osetrova@yandex.ru
- ПАНЧЕНКО,
Наталья Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: panchenko@list.ru

- ПОБЕЖИМОВА,
Анна Валерьевна** – аспирант Московского педагогического государственного университета.
E-mail: charlizz@mail.com
- ПОГРЕБНЯК,
Анастасия Константиновна** – аспирант Сибирского федерального университета (Красноярск).
E-mail: pogrebnyak.n@mail.ru
- ПОЗДНЯКОВА,
Анна Александровна** – аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: posdnikowa@inbox.ru
- ПРОВОТОРОВА,
Марина Анатольевна** – ассистент Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: marina_prov@mail.ru
- СЕНЧЕНКО,
Татьяна Александровна** – аспирант Бийского педагогического государственного университета им. В.М. Шукшина.
E-mail: tanushik2007@mail.ru
- СОЗИНА,
Елена Константиновна** – доктор филологических наук, профессор Института истории и археологии (Екатеринбург).
E-mail: sozina@internethome.ru
- ТРУБИЦЫНА,
Виктория Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент Кузбасской государственной педагогической академии (Новокузнецк).
E-mail: vik-tru@yandex.ru
- ТРУБНИКОВА,
Юлия Витольдовна** – кандидат филологических наук, доцент, докторант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: trubnikova67@mail.ru

ТЮТИНА,
Светлана Викторовна

– аспирант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).
E-mail: styut001@fiu.edu

РИСИНЗОН,
Светлана Альфредовна

– кандидат филологических наук, докторант Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: rissin@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция апрель 2008)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 26.07.2009. Подписано в печать 31.07.2009. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии «Графикс»:
г. Барнаул, ул. Крупской, 108

© Издательство Алтайского университета.
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 0,75 авторского листа (30 тыс. знаков с пробелами), научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами).
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Интервал точно 12 пт (полуторный); шрифт – Times New Roman, кегль 12. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode, SILDoulosIPA, SILDoulos IPA93). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с действующим ГОСТом Р 7.0.5–2008 и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Неосновной текст, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: код по УДК и код по ББК; название (на русском и английском языках), и.о. фамилия автора (на русском и английском языках), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке).
8. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Панченко Наталье Владимировне. Почтовые отправления в обязательном порядке дублируются по электронной почте. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
9. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

Примечания: 1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384.

2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**

3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.